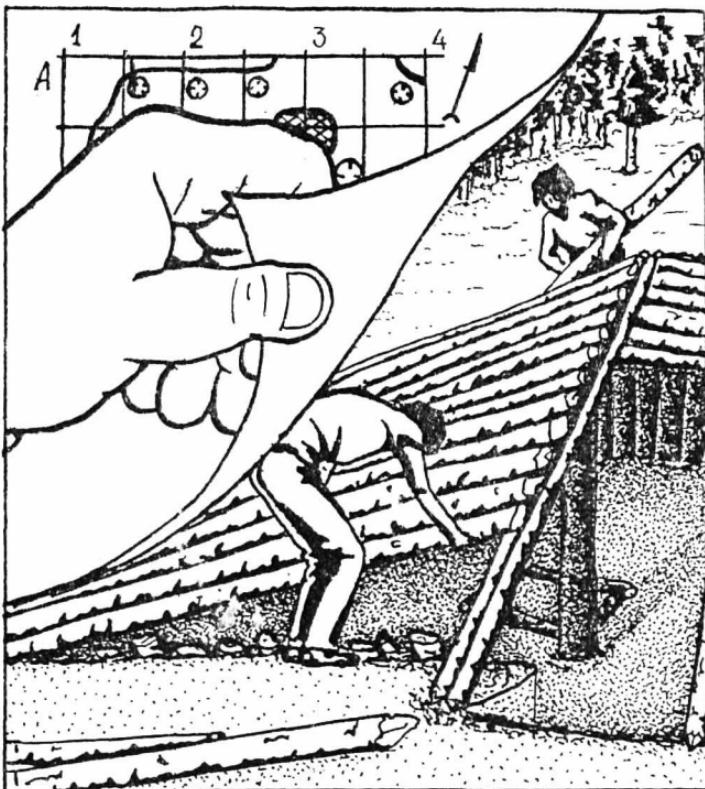

Тобольский государственный
педагогический институт
имени Д. И. Менделеева

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Выпуск I

ТОБОЛЬСК 1991

Bogart

Тобольский государственный
педагогический институт
имени Д. И. Менделеева

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Выпуск I

ТОБОЛЬСК 1991

Печатается по решению редакционно-издательского совета

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ: Известия лаборатории экспериментальной археологии Тобольского пединститута.— Тобольск: Изд. ТГПИ, 1991—181 с.

Сборник объединяет статьи, посвященные вопросам эксперимента и реконструкции в археологии и этнографии. Основное внимание уделяется обсуждению методов анализа и интерпретации материала. Многие проблемы ставятся впервые в отечественной практике археологии.

Сборник предназначен для археологов, этнографов, преподавателей и студентов исторических факультетов.

**Ответственный редактор
канд. ист. наук И. Г. ГЛУШКОВ**

Р е ц е н з е н т ы:

канд. ист. наук В. И. СОБОЛЕВ
кафедра истории СССР Тобольского пединститута

Тобольский педагогический институт, 1991 г.

Рост источниковой базы и кризисные явления общей марксистской методологии значительно изменили акценты в исследованиях советских археологов. Прежде всего усилился интерес к методическим проблемам науки; шире и чаще стали использоваться методы естественных наук и математической статистики. Постепенно результаты таких исследований из сводных таблиц и приложений превращаются во вполне самостоятельный предмет—археометрию.

Археологический эксперимент как основа нашего знакомства с древнейшими технологиями находит все большее место среди археологов. Однако традиция советской археологической науки такова, что экспериментальные исследования не являлись особым разделом археологии, играя роль вспомогательных методов, и были подчинены строго исторической проблематике—истории древнейших производств. Не случайно за всю историю археологии в СССР не появилось ни одного сборника или монографий под названием «Экспериментальная археология». Между тем, эта область исследования значительно шире, чем просто технологическое и трасологическое изучение источника. Она включает и методические эксперименты (проверка методов), этноархеологию (археологический эксперимент на этнографическом материале), область полевых методов (основы интерпретации наблюдений), математическое моделирование. В англо-американской археологии, например, до 1950-х годов термином «эксперимент» обозначали всякое археологическое исследование, посвященное вопросам методики.

Предлагаемый читателю сборник статей—это первый выпуск сериала «Экспериментальная археология», подготовленный коллективами лаборатории экспериментальной археологии Тобольского пединститута и этнографической лаборатории ТГПИ и Института истории и археологии УО АН СССР.

Сборник состоит из двух разделов: «Археологический эксперимент» и «Этнографические реконструкции». Первая часть сборника посвящена экспериментально-методическим вопросам археологии. Например, в статье В. И. Молодина, Т. Н. Глушкиной, И. Г. Глушкива публикуются экспериментальные данные о текстильной керамике Западной Сибири. Авторы, используя этот вид источника, выходят на проблему древнего ткачества и плетения. Несколько иной характер (уровень методического эксперимента) имеет статья А. П. Бородовского и И. Г. Глушкива, в которой очень оригиналь-

но рассматривается проблема археологизации костюма в процессе погребения. Авторы для анализа используют снежной муляж. Статья Ю. А. Семыкина касается вопросов моделирования кузнецких изделий. Ряд статей посвящен проблеме аналитических методов исследования керамики.

Во второй части сборника большинство статей представляют этнографические аналоговые модели для археологической реконструкции. В статье С. В. Лезовой, например, к этнографическим селькупским жилищам применена методика описания археологического жилища. Интересный структурный анализ «мифологического текста» содержит статья А. В. Головнева.

В целом, разнообразие исследовательской тематики и дискуссионность многих важных вопросов отражает степень заинтересованности специалистов проблемами экспериментальной археологии. Хочется надеяться, что статьи, помещенные в сборнике, вызовут живой интерес археологов, этнографов и историков, дадут материал для их творческих исследований.

И. ГЛУШКОВ.

В. И. Молодин, Т. Н. Глушкина, И. Г. Глушкин

ЭКСПЕРИМЕНТ В ИЗУЧЕНИИ ТЕКСТИЛЬНОЙ КЕРАМИКИ

Экспериментальный метод охватывает самые разнообразные области археологического знания и особенно технологии древнейших производств. Его эвристические возможности в ряде случаев превосходят методы традиционной археологии.

В задачи предлагаемой работы входит экспериментальный анализ текстильной керамики западно-сибирских культур.

В археологии широко известен феномен текстильной керамики, вызывающий самые противоречивые оценки. Одни исследователи рассматривают ее как источник по реконструкции древнего ткачества¹, другие считают текстильные отпечатки свидетельством обработки поверхности сосудов различными штампами², третьи признают разные способы получения отпечатков: как с помощью текстиля, так и с помощью штампов³. В большинстве же археологи лишь констатируют наличие подобной керамики в коллекциях археологических памятников. В лучшем случае предпринимается попытка реконструкции ткачества на уровне общих рассуждений.

Специальным вопросам технологии изготовления сибирской текстильной керамики посвящены две работы⁴. В одной из них дается вариант использования ткани при изготовлении сосуда, в другой текстильные отпечатки рассматриваются как результат обработки поверхности сосуда веревочным штампом. Однако это частные замечания по поводу материалов двух памятников, поэтому интересно сопоставить керамические комплексы серии памятников эпохи ранней—разви-

той бронзы, в которых встречена текстильная керамика.

Нами исследовались выборки из коллекций лесостепных (Одино, Крохалевка 4, Кокуй II) и лесных (Рыбный Сор, Чилимка IV, Мысаевка, Кама II) памятников.

Крохалевка 4. Керамика поселения представлена фрагментами сосудов темно-коричневого или черного цвета с толщиной стенки 7—8 мм. Текстильные отпечатки присутствуют как на внешней, так и на внутренней стороне сосудов (рис. 1). На внешней поверхности чаще всего отпечатки тонкие двойные, расположенные горизонтальными рядами параллельно устью сосуда. Наиболее четко они представлены на горловине. Имеются фрагменты керамики с широкими подковальными оттисками, перекрывающими друг друга. На внешней стороне поверх отпечатков нанесен орнамент из ямок, оттисков гребенчатого штампа и насечек. На внутренней поверхности сосуда зонально расположены подтреугольные геометрически правильные отпечатки с сильно углубленным с одной стороны ложем (I вариант). Другой вид отпечатков — это тонкие глубокие штрихи неправильных геометрических форм. Иногда они двойные, иногда перекрывают друг друга (II вариант). Первый вариант характерен для устьевой зоны, второй — для придонной.

Поселение Одино. Выборка представлена наиболее типичными фрагментами сосудов светло-коричневого цвета с толщиной стенки 7—9 мм. Отпечатки на внешней поверхности аналогичны оттискам на крохалевской керамике — тонкие неглубокие, двойные, расположенные сбивчиво параллельно устью сосуда. Их отличие состоит в том, что одиночские отпечатки тоньше и мельче крохалевских оттисков (рис. 2). Поверх текстильной обработки, слегка деформированной от заглаживания, нанесен гребенчато-ямочный орнамент. На внутренней поверхности сосуда, кроме уже описанных видов оттисков, имеются и иные отпечатки — рельефно углубленные полоски, образованные двойными или одинарными ячейками.

Поселение Кокуй II. Керамика этого поселения толстостенная (т. с. 9—10 мм), темно-коричневого цвета в изломе и коричнево-серого снаружи. Текстильные отпечатки присутствуют как на обеих сторонах сосуда (I вариант), так и на одной — внутренней (II вариант). Внутри сосуда оттиски глубокие и четкие, снаружи более мелкие из-за заглаживания,

6

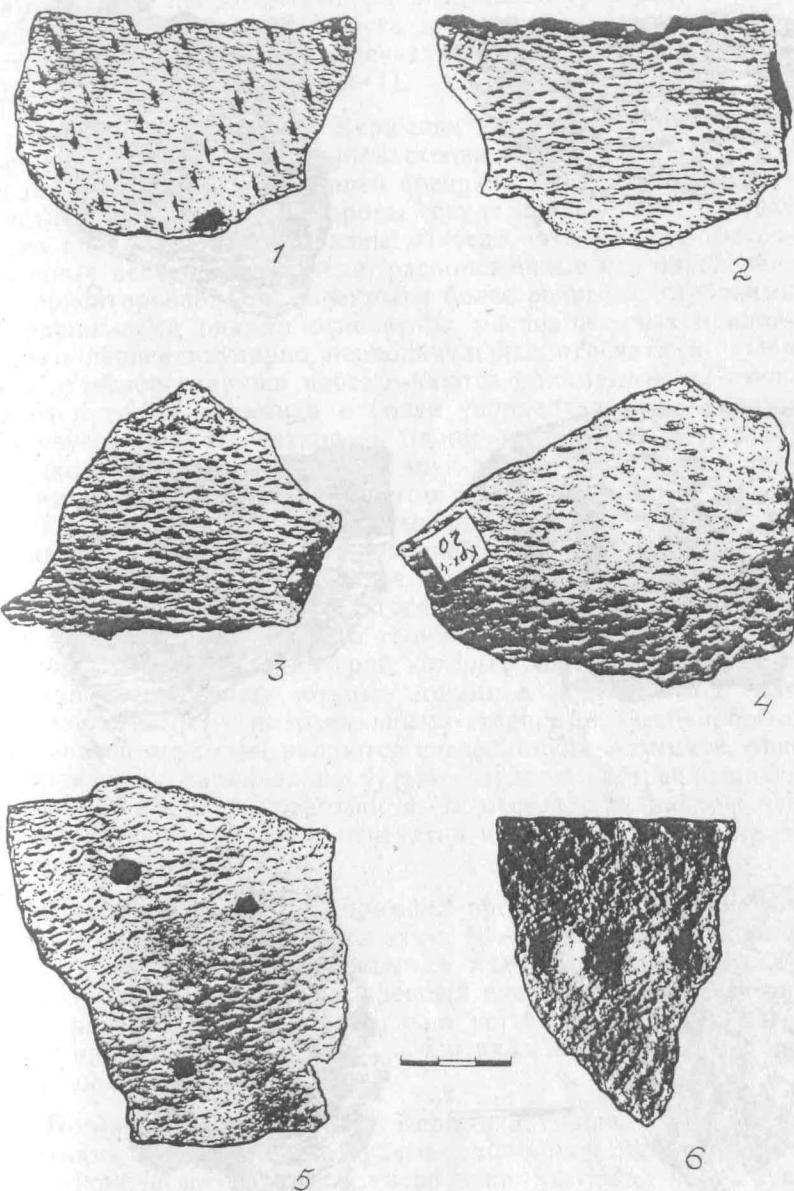

Рис. 1. ТЕКСТИЛЬНАЯ КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ КРОХАЛЕВКА 4.

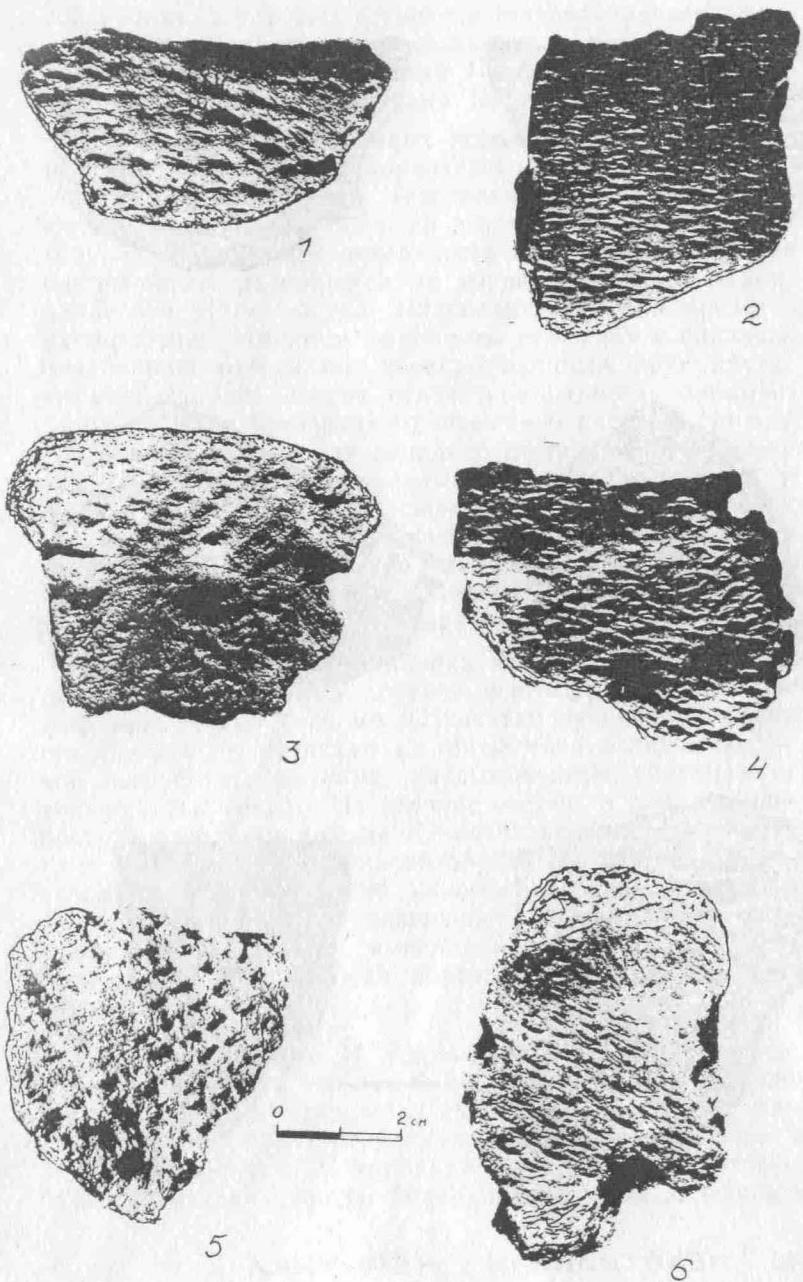

Рис. 2 Текстильная
поселения Одино. КЕРАМИКА

Все отпечатки представляют собой сходящиеся и расходящиеся, перекрывающие друг друга жгуты со следами прерывистости и неравномерной пропечатки на различных участках одного фрагмента (рис. 3—1).

Поселение Мысаевка⁵. Керамика этого поселения светло-коричневого цвета с толщиной стенки 6—7 мм, иногда со следами нагара на внутренней поверхности. Текстильные отпечатки покрывают обе стороны сосуда. На внешней поверхности они более разнообразны. Иногда это мелкие беспорядочные неглубокие отиски, расположенные без определенной ориентировки. Они перекрыты более ровными, глубокими и правильными рядами отпечатков, расположенных наклонно или перпендикулярно первоначальным отпечаткам. Оба вида отисков снаружи перекрываются орнаментом из ямок. Имеется также керамика с более упорядоченными рядами подтреугольных отпечатков — в одном случае отиснутых несколько раз и перекрывающих друг друга. Поэтому они иногда выглядят двойными. В другом случае зоны из 9—10 рядов наклонных отисков опоясывают сосуд по горизонтали. Отискам первого вида на внешней поверхности соответствуют аналогичные им, но более глубокие отпечатки на внутренней поверхности. Кроме этого, на керамике присутствует еще один вид отисков — это геометрически правильные треугольные отпечатки, один край которых слегка углублен. Отпечатки расположены четкими зонами в форме ромба или параллелограмма с неправильными сторонами. Особенностью мысаевской керамики являются следы тонких жгутиков, ориентированных параллельно устью сосуда и встречающихся только на внешней поверхности. В местах, где расположены геометрический орнамент, отпечатки их затерты и слабо различимы.

Поселение Кама II. Керамика представлена фрагментами от толстостенных сосудов (т. с. 10—11 мм) светло-коричневого цвета снаружи и темного в изломе. Текстильные отпечатки имеются только на внешней поверхности и представляют расположенные параллельно устью ряды ячеек вытянутой овальной формы. Иногда эти ряды прерываются и меняют ориентацию.

Поселение Рыбный Сор. Керамика с текстильными отпечатками представлена сосудами с толщиной стенки 5—8 мм темно-коричневого цвета. Отиски покрывают как наружную,

так и внутреннюю поверхность сосудов. Первый тип оттисков — это квадратные со скругленными углами отпечатки, образующие хорошо «читаемые» ряды на внешней поверхности. На внутренней поверхности они слегка деформированы при затирании. Отпечатки второго вида встречаются только на внешней поверхности. Они далеко не стандартны по форме в ряде случаев это довольно длинные ряды разнонаправленных шнуровых оттисков, в других случаях — мелкие двойные штрихи, иногда изогнутой формы. Они располагаются несколько бессистемно, хотя всегда можно определить их общее направление (рис. 3—2—5).

Поселение Чилимка IV. Керамика с отпечатками текстиля представлена большими сосудами с толщиной стенки 5—7 мм светло-коричневого цвета. Оттиски имеются только на внешней поверхности сосудов, преимущественно в придонной части (рис. 3—6). Отпечатки в основном однотипны, но наблюдаются небольшие различия:

- ряды треугольных или подтреугольных отпечатков, расположенных зонами;
- ряды прямых или слегка изогнутых оттисков, расположенных зонами;
- ряды прямых или слегка изогнутых оттисков, перекрывающих друг друга почти перпендикулярно.

Таким образом, текстильные отпечатки неодинаковы на различной керамике и даже в пределах одного сосуда.

В основу общей классификации были положены такие признаки, как рельеф, фактура и геометрия. К сожалению, такой признак, как топография текстильных отпечатков, порядок их расположения на сосуде, удается проследить очень редко в связи с большой фрагментарностью материала и отсутствием целых форм.

По геометрии следы «текстиля» подразделяются на следующие виды:

— тонкие двойные штрихи длиной около 3—4 мм, шириной 0,5—1 мм, часто слегка изогнутые и не строго параллельные друг другу. Они расположены по порядку ромба, геометрически неправильные;

— отпечатки овально-ячеистой формы, расположены по отношению друг к другу по порядку ромба или параллелограмма. Их средняя длина 2—4 мм, ширина 1—1,8 мм;

— подтреугольные отпечатки правильной геометрической формы, их ширина достигает 1,5—2,5 мм, общая длина 3—4

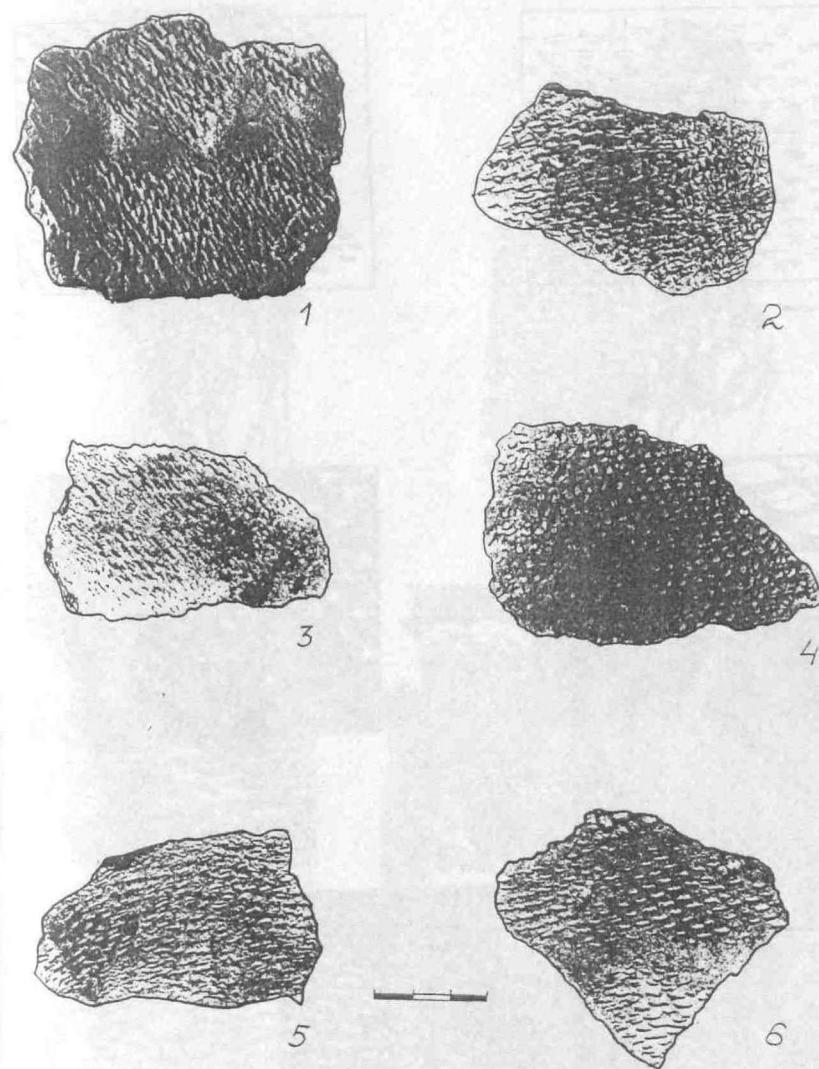
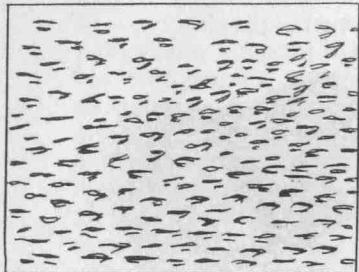
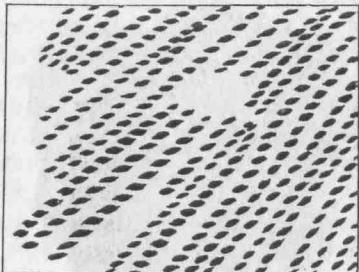

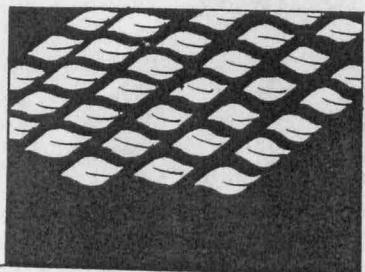
Рис. 3 ТЕКСТИЛЬНАЯ КЕРАМИКА
1-Кокуй; 2-5 -Рыбный Сор;
6 -Чилимка IV.

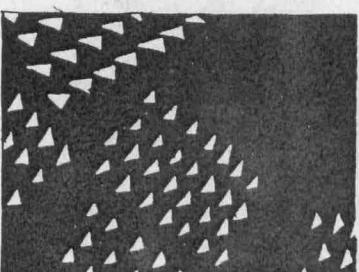
1

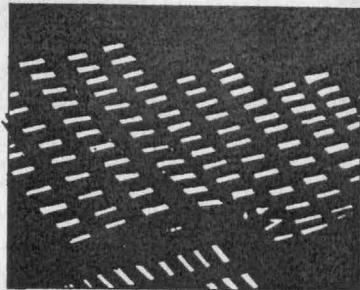
2

3

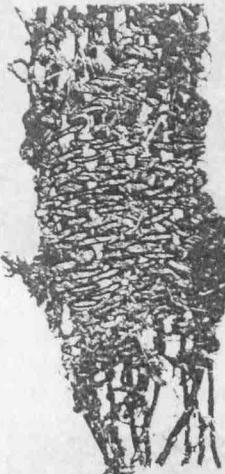
4

5

Рис.4. Типы фактуры
текстильных отпечатков.

1 - „РЯБЧАТАЯ СЕТКА“; 2 - ЖГУТОВАЯ;
3 - ДВОЙНАЯ ЖГУТОВАЯ; 4 - ТРЕУГОЛЬНО-
ЯЧЕИСТАЯ; 5 - ШТРИХОВАЯ.

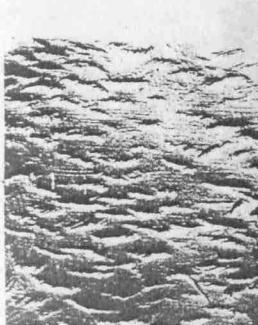
1

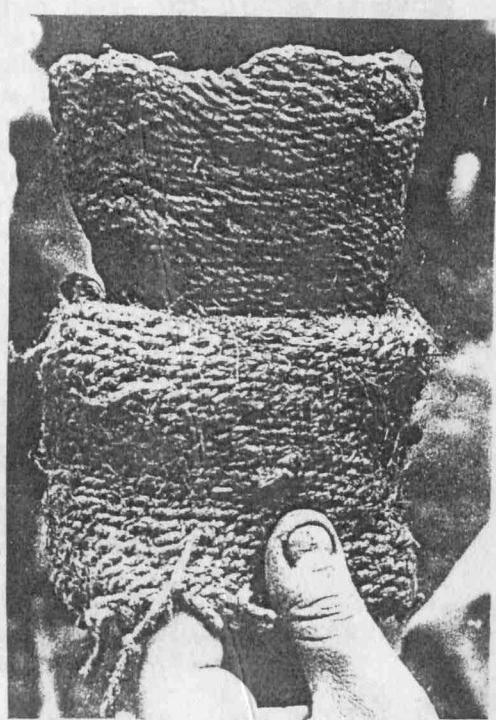
2

3

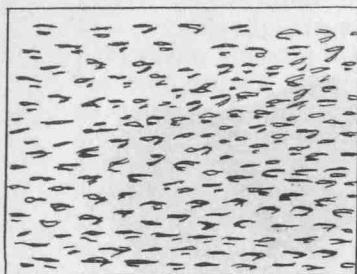

4

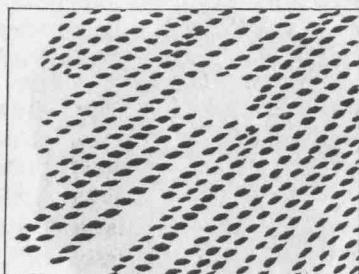

5

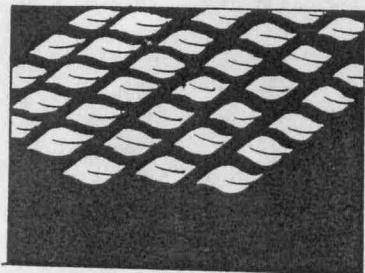
Рис.5. Экспериментальный плетёный текстиль и
его оттиски. 1-2 - п.1 ткань; 3-5 - п.2 ткань.

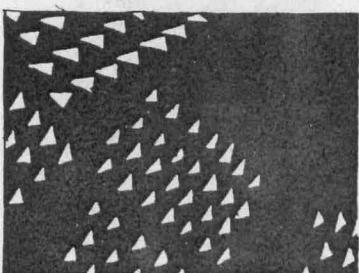
1

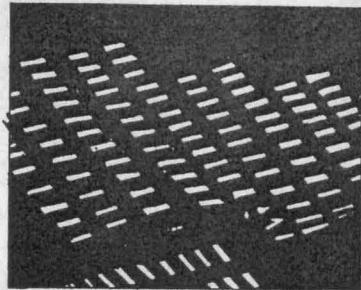
2

3

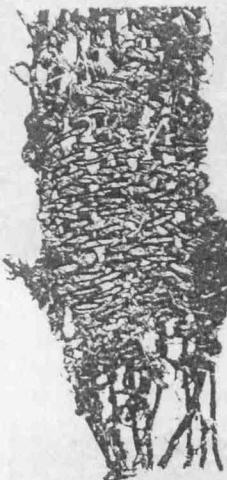
4

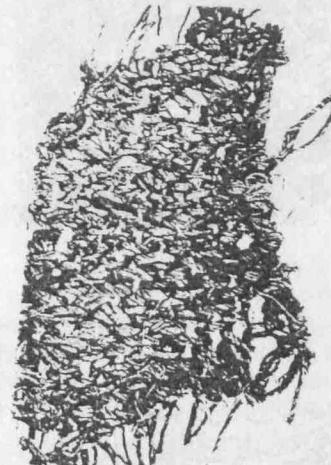
5

Рис.4. Типы фактуры текстильных отпечатков.

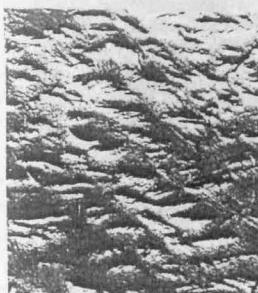
1 - „РЯБЧАТАЯ СЕТКА“; 2 - жгутовая;
3 - двойная жгутовая; 4 - треугольно-ячеистая; 5 - штриховая.

1

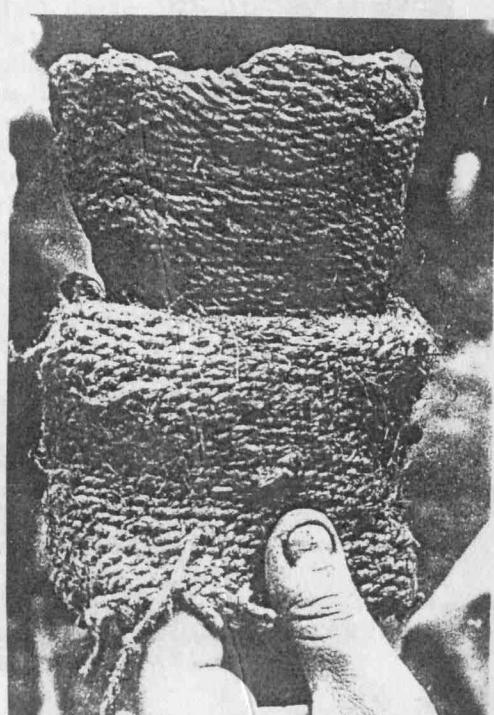
2

3

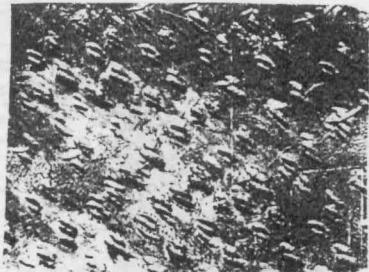

5

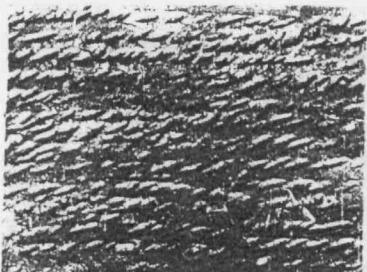

4

Рис.5. Экспериментальный плетёный текстиль и его оттиски 1-2 - штрафные, 3-5 - рабочие.

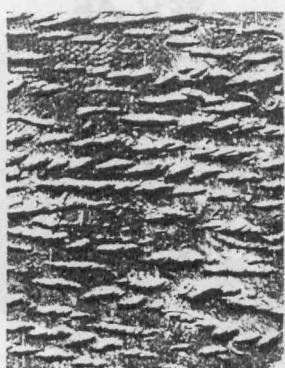
1

2

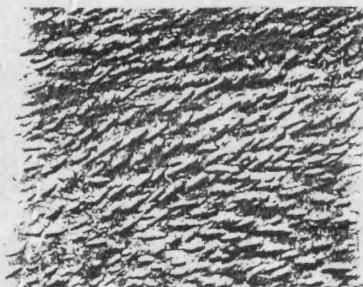

3

4

0 2 см

5

Рис. 6. Отиски верёвочных штампов.
1-способ печати; 2-5 - способ проката.

мм, расположены отпечатки, как правило, зонами. По отношению друг к другу по порядку ромба или параллелограмма;

По рельефу также не все отпечатки одинаковы:

— отпечатки овально-ячеистой формы не всегда четки, но хорошо различимы, их глубина 0,3—0,7 мм (на кокуйской керамике до 1 мм), ложе округлое;

— «двойной штрих» — тонкие, четкие отпечатки глубиной 0,2—0,9 мм, ложе скругленное, иногда приостренное, край оттиска четкий;

— подтреугольные отпечатки — самые глубокие 0,5—1,5 мм, причем один край глубже другого, хорошо виден бугорок, образованный поднятием твердого орудия, ложе в сечении прямоугольное и приостренное. Иногда отпечатки за глашены по сырой глине и от этого слегка деформированы. В результате контур приобретает четкую треугольную форму.

По фактуре отпечатки текстиля можно разделить на виды: 1) рыбчатая сетка, 2) жгутовый текстиль, который подразделяется в свою очередь на а) тонкие жгуты, б) двойные скрученные жгуты; 3) треугольно-ячеистый «текстиль»; 4) штриховой «текстиль» (рис. 4—1—5).

Элементом «рыбчатой сетки» являются мелкие двойные штрихи, расположенные горизонтальными рядами параллельно устью сосуда, в основном, по порядку ромба или параллелограмма, но с видимым смещением (скатость или растянутость в геометрии).

Элементом жгутовых оттисков являются косоугольные ячейки со скругленными тупыми углами, составляющие в совокупности более или менее длинные одинаково или разнонаправленные ряды жгутов. Часто заметны следы прерывистости, иногда ячейки двойные.

Штриховая и треугольно-ячеистая фактуры сходны между собой. Их отличают зональность в распределении отпечатков и строгое расположение их по порядку ромба или параллелограмма.

Исходя из предложенной классификации, можно заключить, что на керамике мог быть оттиснут как собственно текстиль, так и орнаменты другого характера. Большую роль в решении проблемы использования текстиля и штампов может играть моделирование орнаментов экспериментальным путем.

Видимо, штампы-орнаменты имели большое значение в обработке поверхности. Возможности штампов и сами штам-

пы в археологической литературе изучены плохо. Нередко они остаются нераспознанными и интерпретируются по-разному⁶. Очевидно, много штампов было выполнено из органических веществ (дерево, кожа, ткань) и поэтому не дошли до нас. Кроме того, следует учитывать, что в качестве орнаментиров часто использовались естественные предметы (кости рыб и животных, камни, раковины и т. п.), реконструировать которые по рабочей поверхности весьма сложно⁷.

Интересный опыт по экспериментальному изучению штампов накоплен японскими археологами при исследовании орнаментов посуды культуры Дземон⁸. Детальный анализ орнаментации на сосудах этой культуры, проведенный профессором С. Ямаути, показал, что большинство орнаментов наносились веревочными штампами⁹. При нанесении орнамента веревочным штампом можно использовать два принципа: печатный, когда орнамент наносился путем ритмично повторяемых операций оттискивания штампа, и вращательный — путем прокатывания штампа по поверхности сосуда. Эти принципы Ямаути использовал для классификации штампов. Исследование веревочных штампов предоставило возможность изучить такие виды орнаментов, как ряды вертикальных насечек, гребенчатых оттисков самых различных видов¹⁰.

Совершенно автономно была проведена серия экспериментов на материалах эпохи бронзы Западной Сибири в лаборатории экспериментальной археологии Тобольского педагогического института. В работе использовались штампы, изготовленные из крапивных нитей (одинарной, скрученной вдвое и втрой) и обернутых вокруг палочек различного диаметра, а также деревянные и костяные гребенчатые штампы разной величины и конфигурации. Кроме этого, в качестве орнаментиров использовались резные деревянные палочки (прокат) и рубчатые колотушки с различным нарезным рисунком (рис. 8). Особое место в экспериментах занимали крапивные ткани, сделанные способом обвивания вертикальной основы из одинарных и двойных нитей (рис. 5—1,2). Мешочки из подобных тканей использовались в дальнейшем при формовке со- судов (рис. 5—4).

Экспериментальные образцы текстильных отпечатков подразделялись на две категории: 1) отпечатки, полученные с использованием ниток или текстиля; 2) отпечатки, полученные твердыми штампами, по фактуре имитирующие текстиль. Эталонные образцы с использованием орнаментиров первой

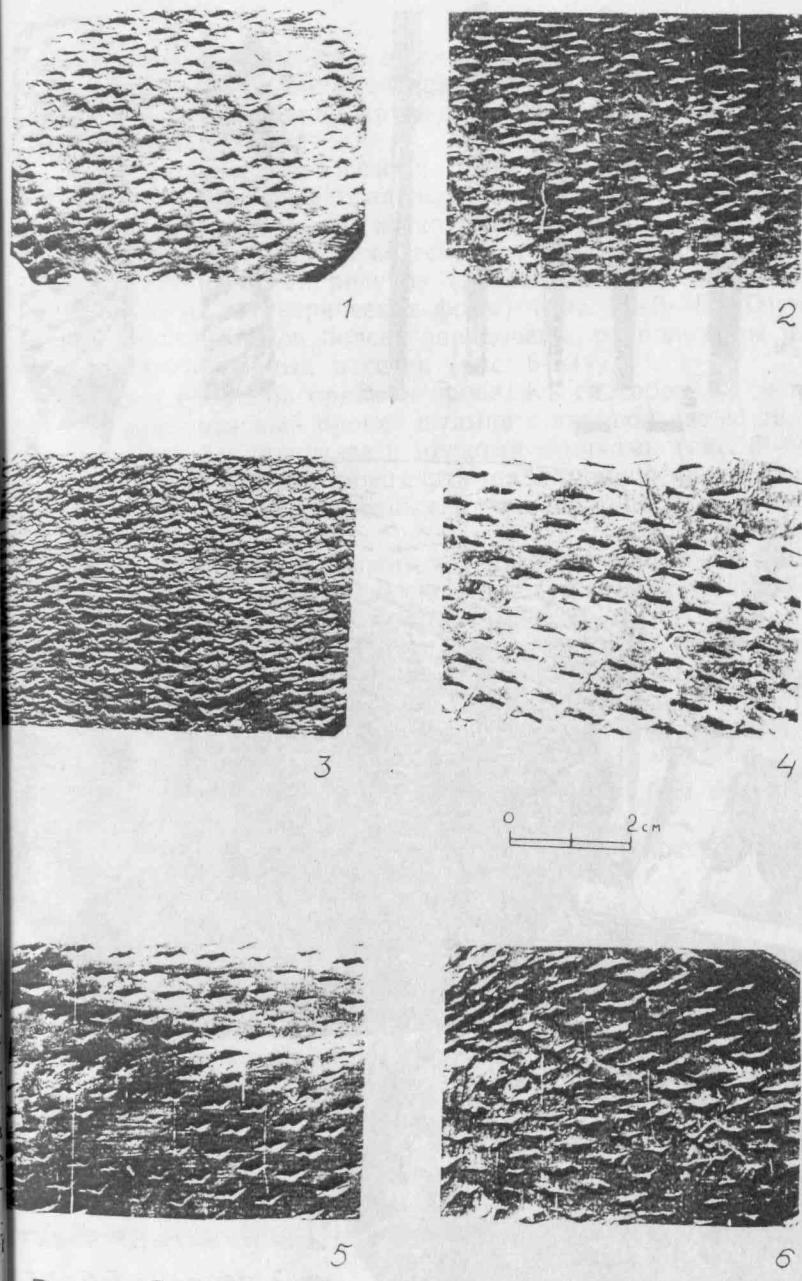
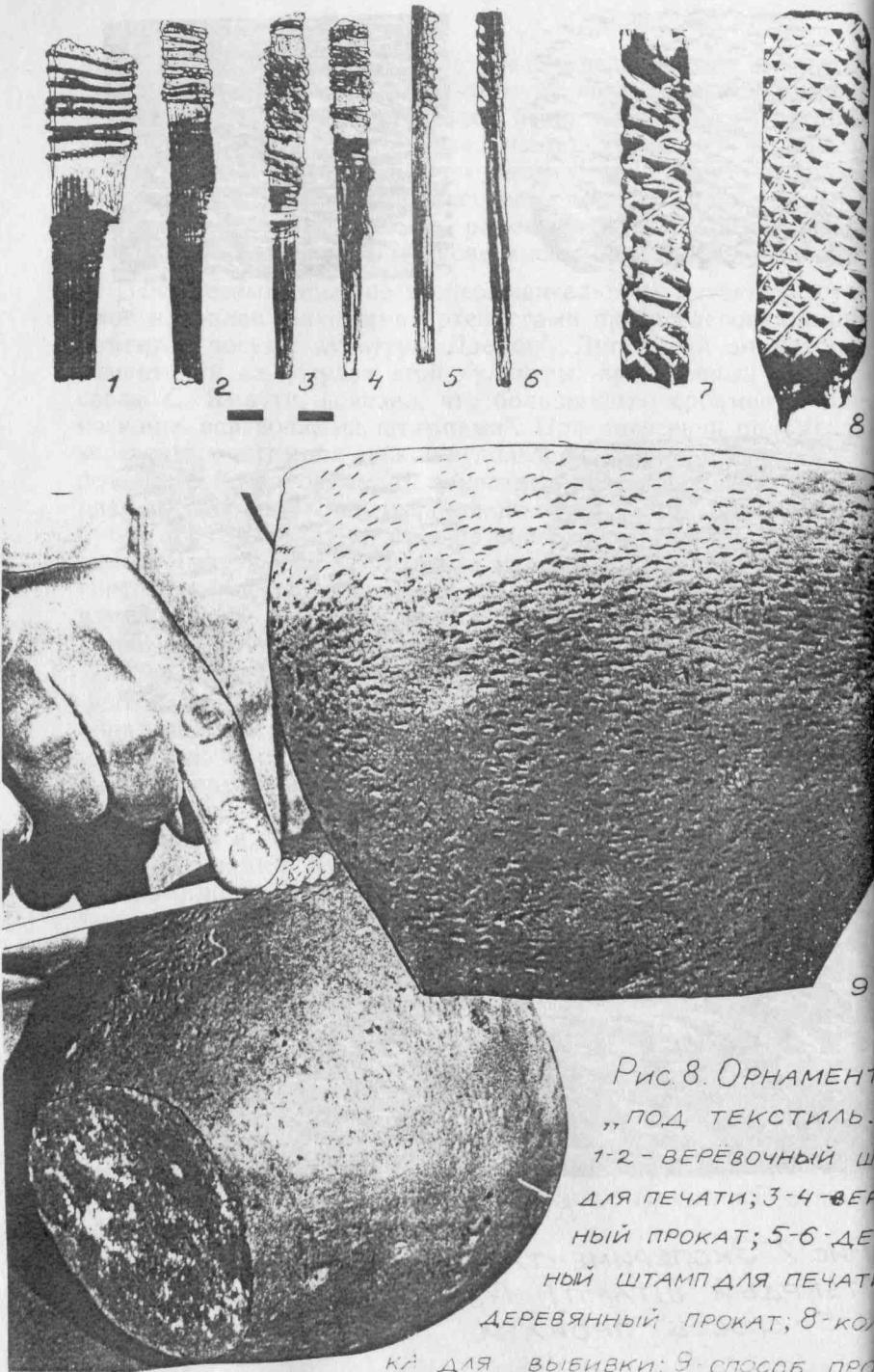

Рис. 7. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ОБРАЗЦЫ (ТВЕРДЫЙ ШТАМП). 1-3 — СПОСОБ ПЕЧАТИ; 4-6 — СПОСОБ ПРОКАТА.

категории отражают два способа: штамповку (единоразовое проникновение орнаментира в глину) и прокат (последовательное продвижение круглого в сечении орнаментира по поверхности).

Посредством оттисков были изготовлены образцы с отпечатками экспериментального текстиля и веревочного штампа из двух и трех ниток на круглой палочке и плоской палочке с узким краем. Оттиски текстиля имеют несколько беспорядочный, сбивчивый рисунок (разная длина и глубина, неправильность геометрических форм) (рис. 5—3—6). Оттиски веревочных штампов более упорядочены, расположены рядами косопоставленных насечек (рис. 6—1).

Серия образцов орнаментирована способом проката:

- единоразовый прокат штампа с двойной нитью дал отпечатки ровных жгутиков с мелкими ячейками (рис. 6—2);
- единоразовый прокат штампа с тройной нитью дал отпечатки ровных разреженных жгутиков с более крупными ячейками (рис. 6—3).

— многоразовый прокат круглого веревочного штампа с тройной нитью дал отпечатки жгутов различного направления, перекрывающих друг друга (рис. 6—5).

Необходимо отметить, что оттиски экспериментального текстиля, так же как и оттиски веревочного штампа, имеют одинаковый характер края, ложе отпечатков плавное, округлое. По этим признакам текстильные отпечатки отличаются от твердых штампов.

С помощью твердого орнаментира (способом печати) были изготовлены следующие образцы:

- зоны оттисков гребенчатого штампа с косым наклоном зубчиков (рис. 7—12);
- (колотушкой) беспорядочно расположенные ячейки с четкими краями и прямоугольным ложем (рис. 7—3).

Способом проката изготовлены образцы орнаментов:

- прокат круглой рубчатой палочки дает ровные ряды четких оттисков (рис. 7—4);
- единоразовый прокат рубчатой палочки в разных направлениях дал четкие треугольные отпечатки, расположенные зонами (рис. 7—5, 6).

Как видно из рисунков, эксперименты получения «текстильных» отпечатков очень показательны и дают визуальную информацию о способе нанесения тех или иных оттисков и видах орнамента. При использовании критериев «четкость

края» и «характер ложа» отпечатка все их многообразие подразделяется в соответствии с выбранным критерием классификации орнаментиров — «текстиль» и «нетекстиль». В свою очередь, вид оттисков, полученных с помощью орнаментира с веревочкой или текстилем, также неодинаков.

Как видно из экспериментов, отпечатки собственно текстиля заметно отличаются от оттисков веревочных штампов. Оба вида оттисков имеют специфические признаки в пределах одной «текстильной» категории. Назовем их «признаки ткани» и «признаки имитации ткани».

Признаки ткани: неровность края оттиска, сбивчивость в геометрии, овальное, плавное ложе.

Признаки имитации ткани: прерывность в орнаментации, зональность, четкость правильных геометрических форм контуров оттисков, геометризм планиметрии зон.

Признаки ткани и ее имитации можно экстраполировать на археологическую керамику. Собственно текстильным отпечаткам больше всего будет соответствовать фактура «рябчатой сетки». Жгутовые оттиски получались способом проката веревочных штампов с разным количеством нитей. Хотя здесь следует иметь в виду жгутиковую ткань, скрепленную поперечной ниткой. Она также оставляет отпечатки жгутов, хотя в этом случае особое внимание следует обращать на степень кривизны оттиска жгута в сочетании с рядом других признаков.

Треугольно-ячеистые отпечатки получались с помощью твердых штампов, так же как и штриховые.

Функции текстильных и псевдотекстильных отпечатков могут быть самые разнообразные: технологические, эстетические, семантические и др., однако это тема специального исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Городцов В. А. Русская доисторическая керамика // Труды XI археологического съезда в г. Киеве. М., 1901. С. 577—642; он же. Археология. М.; Л., 1925. Т. 1. Каменный период. С 355—396; он же. Уральская микролитическая керамика р. Амур // Советская археология. Вып. XIV. 1950; Чернай И. Л. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры (по материалам Селецкого городища) // Советская археология. 1981. № 4. С. 70—86; Чернай И. Л. Текстильное дело и керамика (по материалам из памятников энеолита — бронзы Южного Зауралья и Северного Казахстана) // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985. С. 93—110.

² Семенов С. А. К изучению техники нанесения орнаментов на глиняные сосуды // КСИИМК. 1952. № 47.

³ Розенфельд И. Г. Керамика дьяковской культуры. // Дьяковская культура. М., 1974.

⁴ Ламина Е. В. Элементы гончарной традиции одновского населения Барабы // Тезисы конференции, посвященной 400-летию Тобольска «Роль Тобольска в освоении Сибири». Тобольск, 1987. С. 15—17; Софейков О. В., Савинкина М. А., Ламихов Л. К., Кокаулина Э. В. Реконструкция технологии древней керамики поселения Каргат VI. Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск, 1988. 155—173.

⁵ Авторы благодарят А. Н. Панфилова за любезно предоставленную возможность ознакомиться с коллекцией неопубликованного памятника.

⁶ Абрамов Б. А., Березин Д. Ю., Глинский С. В. Назначение керамических орнаментированных шаров с неолитического поселения р-ва СУЧУ (Нижний Амур) // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия истории, филологии и философии. Вып. I. Новосибирск, 1984. С. 63—68; Пасек Т. С. Периодизация трипольских поселений (III—II тысячелетия до н. э.) // МИА. № 10. М.—Л., 1949. С. 44. Рис. 12, 13; Массон В. М., Черныш Е. К. Идеологические представления и памятники искусства трипольской культуры // Археология СССР. Энеолит. М., 1982. Табл. VIII—31, 43—45, 35; Хатакэяма // О глиняных предметах, найденных в Осеро, Хоккайдо // Утари. Г. 2. № 4. 1959. С. 18 (на японском языке); Окладников А. П. К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре. СЭ. № 4. 1946. С. 16.

⁷ Титов Ю. В. Об орнаменте типа Сперлинг // СА. 1970. № 1; Коробков И. А., Крижевская Л. Я. Использование первобытным человеком аммонитов и белемнитов для орнаментации керамики // Докторская диссертация И. А. Коробковой. Институт археологии Академии наук СССР. Ленинград. 1963. № 18; Лиддел Д. М. Первый взгляд на старую проблему // Древность. 1929. № 3. С. 383—390 (на англ. яз.); Квимбли Г. И. Возможный инструмент для украшения керамики // Американские древности. 1949. № 14. С. 344 (на англ. яз.).

⁸ Археология Японии. Токио, 1965. Т. 2. Эпоха Дзенон (на японском языке).

⁹ Ямаути С. Нихон Сенси Доки из Дзенон. Токио, 1979 (на японском языке).

¹⁰ Там же. С. 21, 23, 25, 27 (приложение).

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Археология — одна из исторических наук, в которой точность фиксации при описании источника базируется на защите, расчетах, инструментальной съемке и т. п., но при этом, как бы ни была объективизирована характеристика источника, основой ее является в первую очередь определенный уровень восприятия археологических объектов. Здесь уместно сравнивать восприятие археолога и не археолога. Если для первого понятие «жилище» ассоциируется прежде всего с котлом в материке; средоточием столбовых ямок, очагом, то для второго — это объемная, насыщенная деталями постройка, дом, хижина, изба. Именно в силу этого существует проблема перевода археологической информации в информацию историческую, или условно ее можно назвать проблемой заглядного восприятия. Единственным методом, способным решить эту задачу, является научный эксперимент.

Экспериментальные исследования постепенно проникают почти во все области современной археологии и лишь погребальный обряд, в силу своей специфики, остается незатронутым этой группой методов. Между тем, некоторые его детали вполне поддаются моделированию и анализу именно с экспериментальной точки зрения. Здесь имеется в виду моделирование надгробных сооружений (каменных кладок, срубов, кремации и т. п.). В этом случае возможен натуральный эксперимент с использованием материалов и условий, близких древним. Более того, целесообразна отработка нескольких экспериментальных тестов до наиболее полного совпадения результата эксперимента и археологического источника. Подобные эксперименты авторы проводили на Алтае (каменная забутовка могил с подбоями), на могильнике Сопка 2 (сжигание «туркских» срубов).

Вместе с тем, поскольку эксперимент может быть основан на модели, то возможности его использования в анализе погребальной обрядности значительно возрастают. Модель — это огрубленный образ оригинала, воспроизводящий лишь определенные свойства, необходимые для конкретного исследования. Ю. А. Гостев отмечает: «А почему собственно модель и оригинал должны непременно быть равноправны? Ведь мо-

дель в некоторых отношениях может быть проще оригинала (не в этом ли смысл моделирования!?)¹. Именно условность модели позволила американскому археологу Д. Спейсу изучать технику скола на трехгранных стеклянных призмах Г. Коглану использовать глиняный сосуд как реплику металлического горна², Ф. Либерману применить резину вместо голосовых связок и свет вместо звука при изучении носоглотки неандертальцев.

Если обратиться к погребению, то имитационному моделированию может быть подвергнута такая немаловажная деталь обряда как одежда покойного. Одним из приемов позволяющих построить модель археологизации элементов одежды, головного убора, является макетирование как процедура, непосредственно предшествующая графической реконструкции. В процессе масштабного макетирования становятся понятны многие детали, не ясные по ходу раскопа или традиционной реконструкции. Такой подход позволяет преодолеть неизбежную условность и схематичность обычной графической реконструкции и наполнить ее конкретными пространственно-планировочными особенностями. В масштабном макетировании, на наш взгляд, во многом находит реализацию проблема наглядного восприятия, когда археолог «оживляет» сухой археологический материал, имитируя его реальные функциональные связи. При этом следует иметь в виду и слабые стороны макетирования: все попытки повторить «захоронение» на любом материале неограниченное количество раз будут очень условны из-за явного отсутствия чистоты эксперимента. Это приводит к тому, что полученные данные лишь в общих чертах могут служить критерием поиска определенных закономерностей археологизации вещи в могиле.

Необходимое условие реконструкции древнего костюма по его остаткам в погребении—это классификация всей массы археологических находок с позиции их полноты, непротиворечивости и информативности. Наиболее эталонным, но чрезвычайно редким является тип погребений, где одежда со всем комплексом украшений имеет очень хорошую сохранность. Подобные находки единичны, но обладают таким набором информации, которого не содержат и сотни «рядовых» погребений. Реконструкция костюма на этом уровне фактически сводится к первоначальной реставрации его органических и неорганических частей.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- поясные бляхи лицевые

- поясные бляхи лицевые
перевернутые

- поясные бляхи тыльные

- бляхи поясных подвесок

- бляхи поясных подвесок
перевернутые

- концевые бляхи подвесок

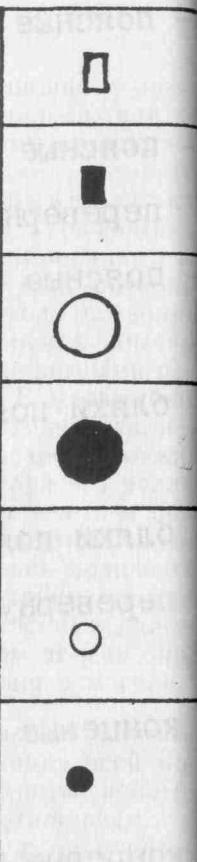

- концевые бляхи подвесок
перевернутые

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- пронизи на костяке

- пронизи под костяком

- большие грудные бляхи

- большие грудные бляхи
перевернутые

- малые грудные бляхи

- малые грудные бляхи
перевернутые

Другим, более распространенным типом погребений можно назвать такой, когда в могиле на костяке сохраняется система украшений, маркирующая основные конструктивные и смысловые узлы утраченного костюма. В этом случае возможны несколько вариантов: 1) сплошная орнаментация костюма неразлагающимися предметами; 2) украшение какой-либо одной зоны (голова, пояс, шея, грудь и т. п.); 3) маркировка границ всех зон костюма, соответственно и частей тела. Все приведенные случаи неравнозначны с точки зрения как информации о костюме, так и способов его реконструкции. Кроме того, если первые два варианта известны в единичных случаях, то последний встречается довольно часто: если для первых двух существуютправильные методики (материалы археологии скифов, саков, кушанского времени), то для последнего массового случая методика вообще не разрабатывалась. Графическая реконструкция осуществлялась индивидуальным путем, без общих принципов, а значит, и критериев проверки. Наиболее сильные аргументы относились к области здравого смысла.

Не претендуя на какие-либо обобщения мы публикуем ход и материалы экспериментов с некоторыми наблюдениями.

Основы методики и эксперимента. Облаченный в костюм человек представляет собой объемное органическое тело, которое в процессе гниения проходит две стадии: 1) бескислородное гниение, сопровождающееся вздутиями, обезобразиванием, выпячиванием внутренностей и т. д. (1,5 года); 2) кислородное гниение при доступе воздуха (от 5—7 до 40 лет). За счет полного перегнивания объем тела уплощается. Таким образом, все неорганические, неразлагающиеся предметы (украшения, бляшки) перемещаются дважды: в первом случае более интенсивно, во втором — более медленно. На процесс разложения сильно влияют условия грунта. Пористая почва, насыщенная водой (дожди, снег, грунтовые воды), ускоряет процесс разложения, значительно быстрее происходит обезжиривание и разрушение костей. Примером может служить плохая сохранность костей в песчаном грунте и, наоборот, хорошая — в плотных глинистых почвах.

Объем и заполнение пространства, в которое помещался покойник, также влияет на перемещения предметов и отдельных частей тела. В свободном пространстве (гроб, колода, камера) перемещение будет более значительным, чем в случае засыпания погребенного землей. Здесь исключается пере-

мещение вещей и частей трупа за счет внешнего давления (обвал перекрытия, нарушение стенок могилы и т. д.).

Основу методики реконструкции костюма представлял эксперимент. Он проводился на натуральном макете. Аналогом мягких тканей служил снег, таяние которого имитировало процесс разложения мягких тканей — признак, наиболее значимый для задач исследования и лежащий в основе модели. Подобный подход не противоречит методике многочисленных экспериментов и тренажеров в технических науках и медицине.

Экспериментально отрабатывался 3-й вариант по приведенной классификации археологизации костюма. На деревянной раме с масштабной сеткой (3×3 см) размещался скелет на спине с вытянутыми ногами (рис. 1). Рама размером $1,8 \times 0,9$ м, сделанная из деревянных брусков, обтягивалась полиэтиленовой пленкой, а затем бумагой с масштабной сеткой. Мягкие ткани и одежда моделировались из снега. Снег слегка тонировался. Одежда представляла собой халат с правым запа'хом, с оторочкой одной полы, ворота и подола жестяными пронизками. На поясе располагался поясной набор. Он представлял собой бляшки, закрепленные вокруг пояса. Для удобства крепления острые углы загибались и слегка втыкались в снег. От основного пояса отходили три «ремешка» с двумя восьмеркообразными бляшками каждый. Они также имели шиповые крепления. Окончание пояса маркировалось «флажковыми» бляшками, крепившимися аналогично поясным. Рама вместе с макетом заносилась в помещение, где он таял в течение 6 ч. После таяния снега бляшки и пронизки оседали на масштабную сетку и их расположение тщательно фиксировалось и переносилось на миллиметровку. Всего было произведено 8 экспериментов при одинаковых условиях. Результаты во многом стандартны, поэтому мы опишем два опыта.

Эксперимент I. Во-первых, необходимо отметить увеличение площади, занятой неорганическими предметами: 21 квадрат—бляшки на «трупе» и 29 квадратов—бляшки после «разложения» (рис. 2). Сильно растянуты пронизки ворота и подола (рис. 3). Поясной набор сохранился в относительно компактном виде. Пронизки на вороте приняли вид «линий», растянутой по ключицам. Это создает впечатление, что обшивался не ворот, а оплечье. Ориентация преимуществен-

РАМА

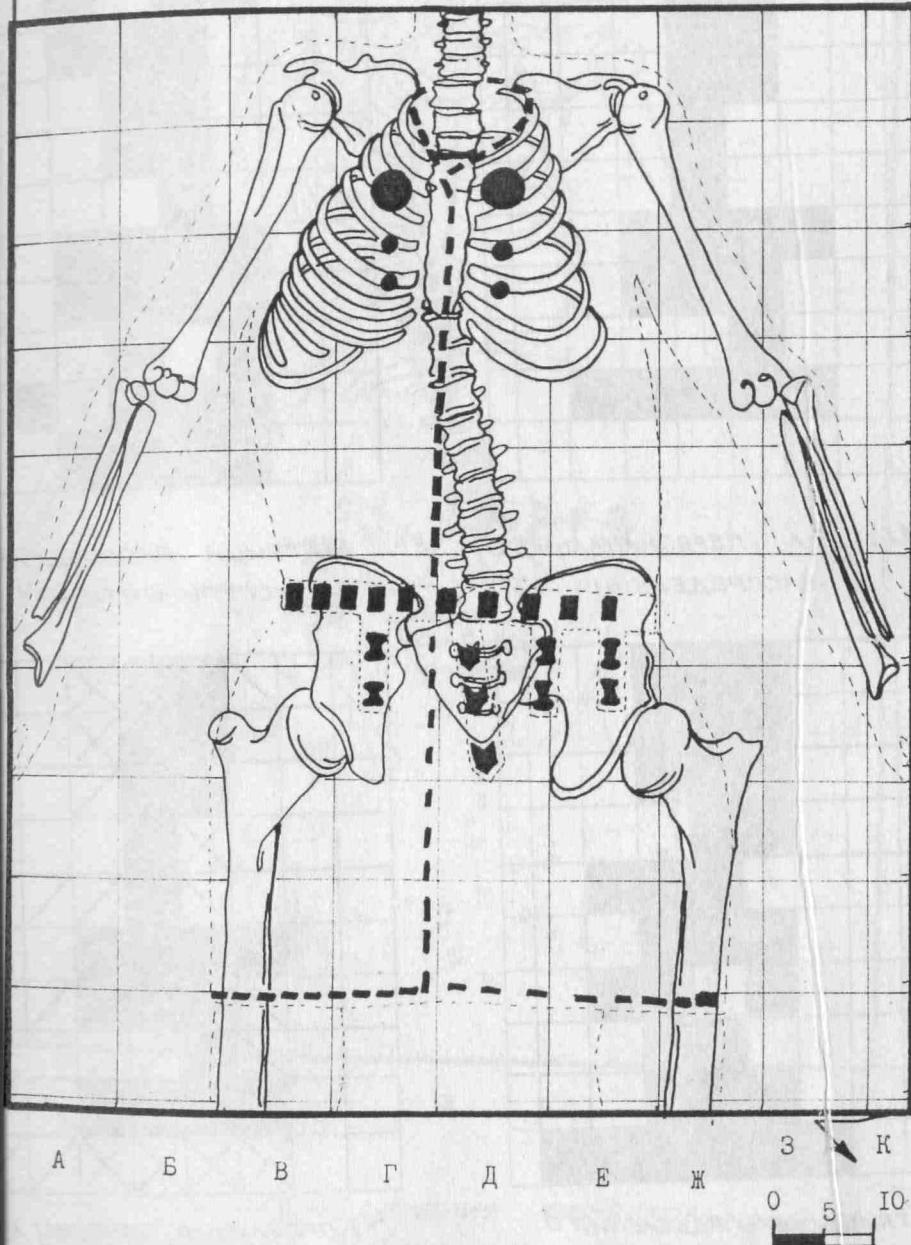
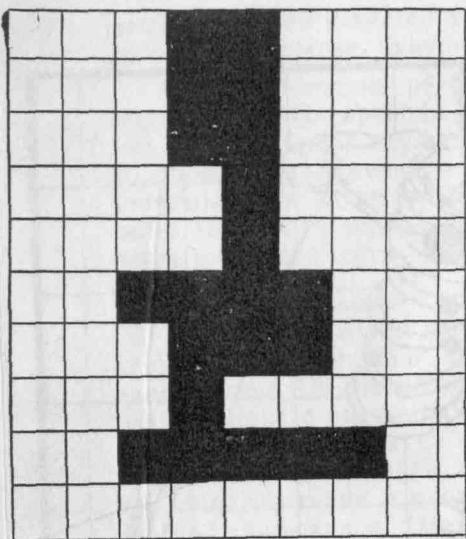
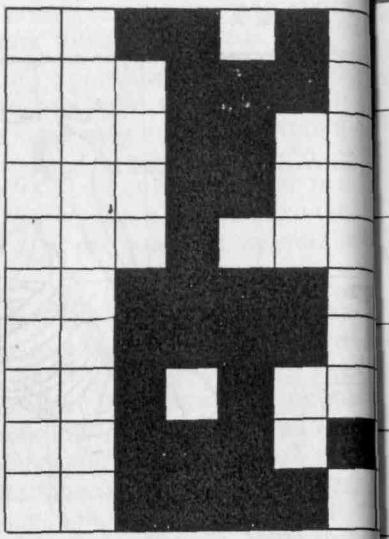

Рис. 1. Общие условия эксперимента.

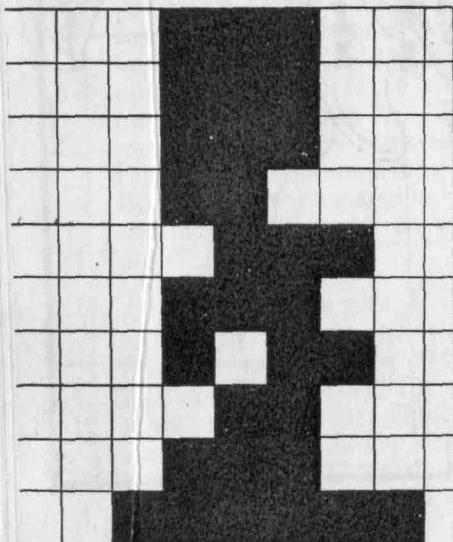
1

МАТРИЦА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО
РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

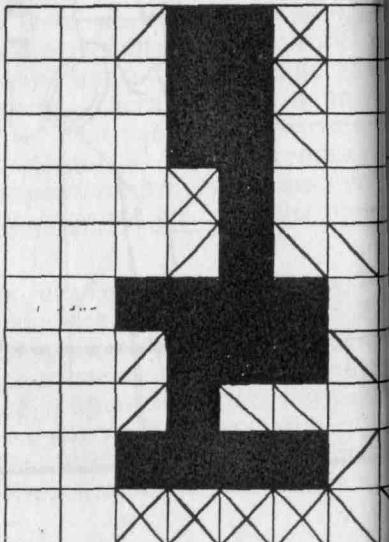

2

МАТРИЦА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ
В ЭКСПЕРИМЕНТЕ № 1

МАТРИЦА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ
В ЭКСПЕРИМЕНТЕ № 2

4 КОРРЕЛЯЦИЯ МАТРИЦ В
РАСПРЕДЕЛЕНИИ ОБЪЕКТОВ
В ЭКСПЕРИМЕНТЕ № 1.

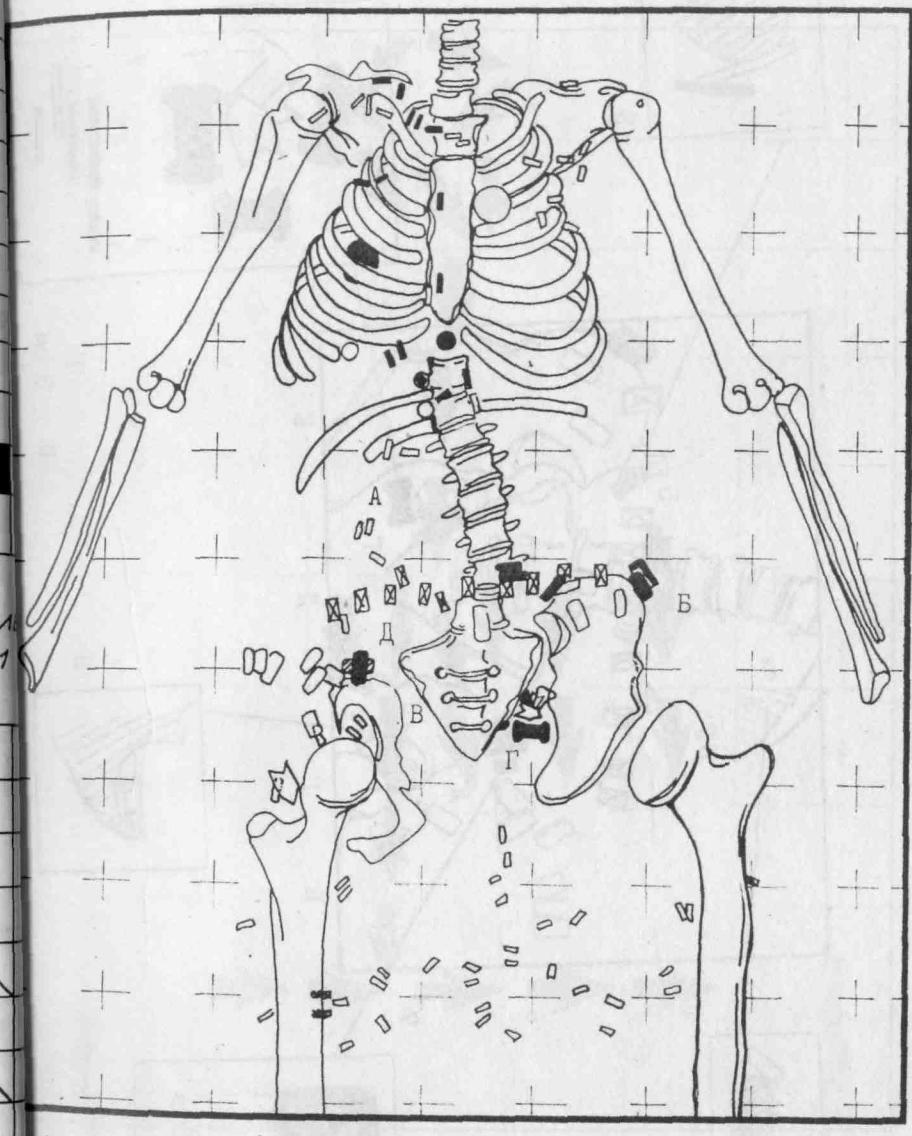

Рис. 3. ПЛАН РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТОВ

0 5 10 см

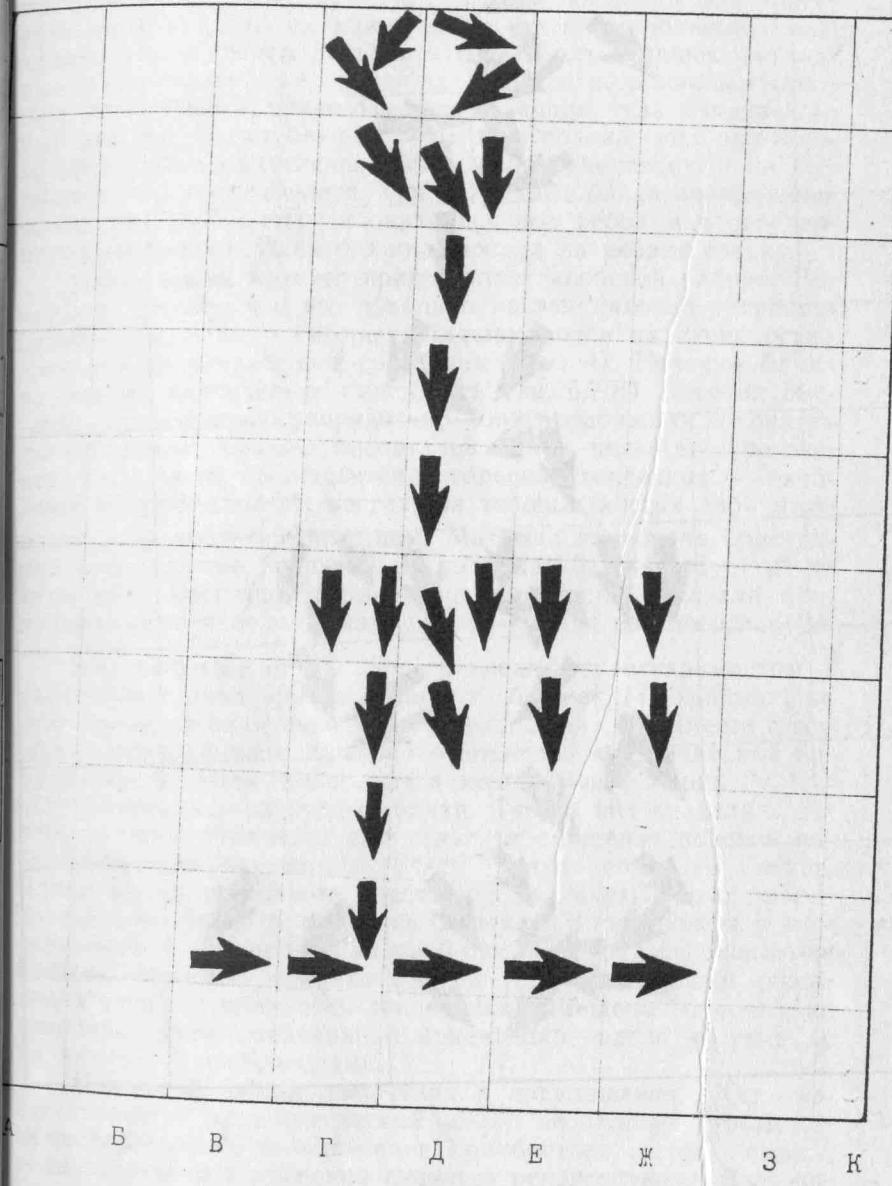
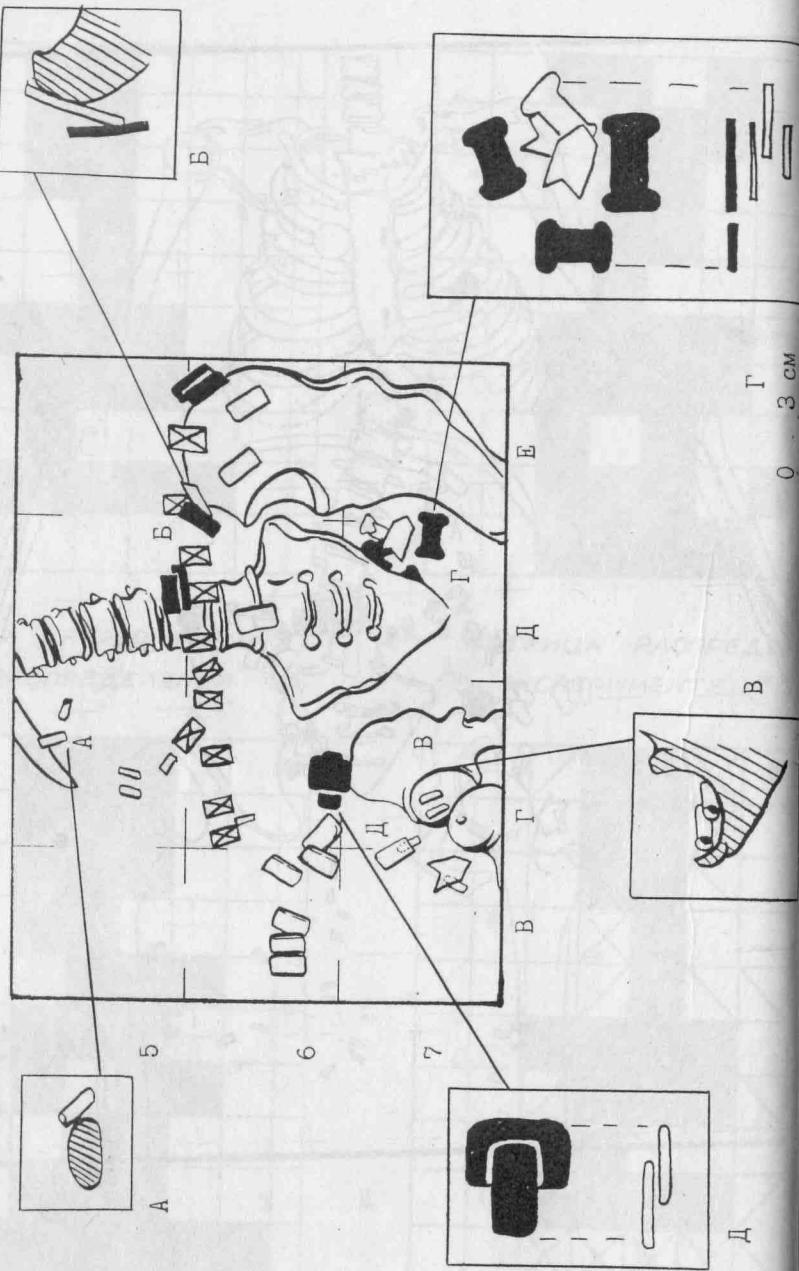

Рис. 5. Исходная МАТРИЦА ОРИЕНТАЦИИ ПРЕДМЕТОВ.

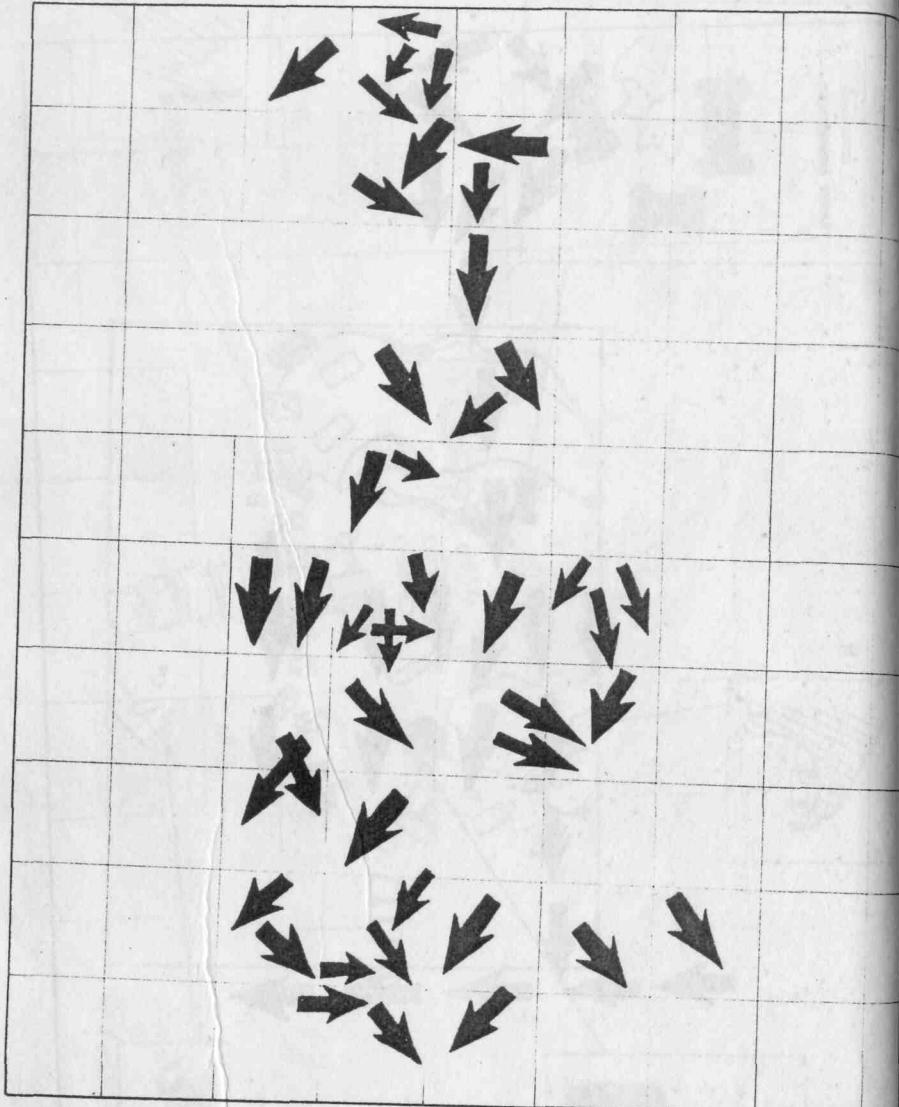

Рис. 6. МАТРИЦА ОРИЕНТАЦИИ ПРЕДМЕТОВ
ЭКСПЕРИМЕНТЕ № 1.

по поперечная. Семь пронизок ворота оказались под костяком, четырнадцать на костяке. Из пронизок обшивки полы халата под костяком оказалось только пять бляшек, остальные расположены, как правило, рядом с позвоночным столбом. Ориентация преимущественно вдоль тела. Значительный разброс имеют бляшки окантовки подола, хотя они и сохраняют преимущественно поперечную ориентацию и не попадают под кости скелета. Три нагрудные бляхи провалились сквозь грудную клетку и оказались под ребрами в перевернутом состоянии. Одна бляшка лежала на ребрах сверху.

Наибольший интерес представляет «поясной набор». Во-первых, потому, что это довольно частая находка в средневековых могилах; во-вторых, бляшки пояса на спине остались в неподревоженном состоянии (рис. 4). Поясные бляхи на животе значительно сместились (кв. 6,7 В), хотя их смещение относительно упорядочено—они продолжали сохранять линию ремня. Сильно сместились бляхи подвесных ремешков, но и здесь наблюдается интересная тенденция — скопление в определенных местах: на тазовых костях либо между тазовой костью и крестцом. Матрица изменения ориентации всех бляшек показана на рисунках 5, 6. Следует отметить, что наибольшее изменение ориентации показали пронизки ворота и подола, наименьшее—бляхи поясного набора.

Эксперимент II. По сравнению с экспериментом 1 увеличилась зона «растаскивания» бляшек (31 квадрат) за счет пронизок окантовки халата (рис. 2, рис. 7). Вместе с тем общая ориентация бляшек по отношению к изначальной изменилась не столь сильно, как в эксперименте 1 (рис. 8). Сильно сместились нагрудные бляхи. Три из них оказались перевернутыми. Наименее пострадал от смещения поясной набор: неподревоженными остались бляхи пояса на спине. Бляхи ремня на животе сместились незначительно и упорядоченно, особенно в левой части пояса. Вновь, как и в эксперименте 1, на правой тазовой кости оказалось скопление бляшек, лежащих одна на другой (рис. 9). Бляшки свисающие поясков оказались значительно смещены, но они не потеряли своей изначальной ориентации—вдоль костяка с различными отклонениями.

Некоторые общие замечания и предложения. Как известно, любой археологический объект необходимо строго документировать. Это положение приобретает особый смысл, если задачей исследования является реконструкция. Весь по-

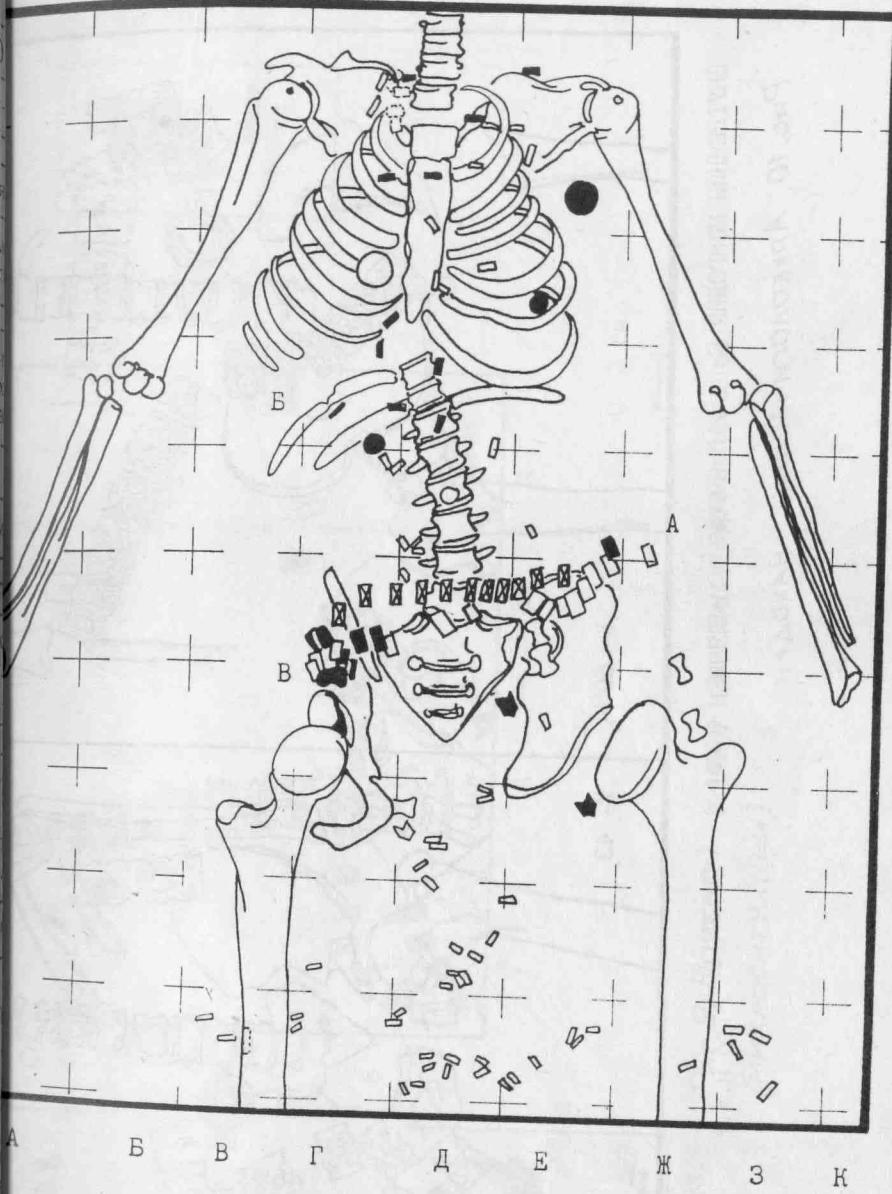
левой чертеж или отдельные его детали желательно выполнить в масштабе 1:1. Фиксацию деталей костюма (отделки) относительно костей скелета целесообразно выполнять в стереометрии по трем осям также в масштабе 1:1. Традиционные полевые чертежи в масштабе 1:10, как правило, плоскостные, и это приводит к потере той сохранившейся информации об объеме, которая остается после гниения и оседания органики. Перепад нивелировочных отметок вешней в сочетании с нивелировочными отметками костей является важным показателем утраченного объема. На чертеже необходимо указать пространственное и крепежное расположение каждой детали одежды относительно костей с замером высот, углов, основных осей положения сторон. Похожие показатели использовал М. П. Грязнов для восстановления каменных оградок и кладок⁴. Целесообразность такой методики видна не только в эксперименте, но и в полевой практике А. П. Окладникова с ведением полевых планов в масштабе 1:1.

Полученный чертеж далеко выходит за рамки просто полевой документации, являясь по существу своеобразным аналитическим дублем погребения. На чертеже особо следует отметить и тщательно зафиксировать участки залегания предметов, почти не потерявших перемещениями. Критерий выделения таких предметов — залегание под заведомо не смещенной частью костяка (позвоночник крестец от части кости ног) или более тяжелым предметом. Кроме того, необходимо отметить участки, на которых расположены предметы в безусловно неподвигованном состоянии. Это, как правило, все украшения или крепления, находившиеся на спине погребенного и придавленные к земле.

Задача следующего этапа — разделение всего комплекса украшений согласно основным зонам костюма. Решение этой задачи возможно при перекрестном применении формально-типологических методов с пространственным анализом, функциональным определением, обоснованных этнографических и изобразительных аналогий.

Например, при реконструкции экспериментальной одежды принципиальными моментами анализа на наш взгляд, являются:

- предпочтительная ориентация бляшек относительно длинной и короткой осей костяка;
- степень концентрации бляшек в квадратах с учетом частей тела. Если эти нерасчлененные признаки положить

ИС. 7. ПЛАН РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТОВ
ЭКСПЕРИМЕНТЕ № 2

ВНУТРЕННИЙ МОНГОЛИЯ МОГ. МАОЦИНГОУ УЕЗД ЛЯНЧЕН (КНР) / У-III в до н.э./

Рис. 10. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ.

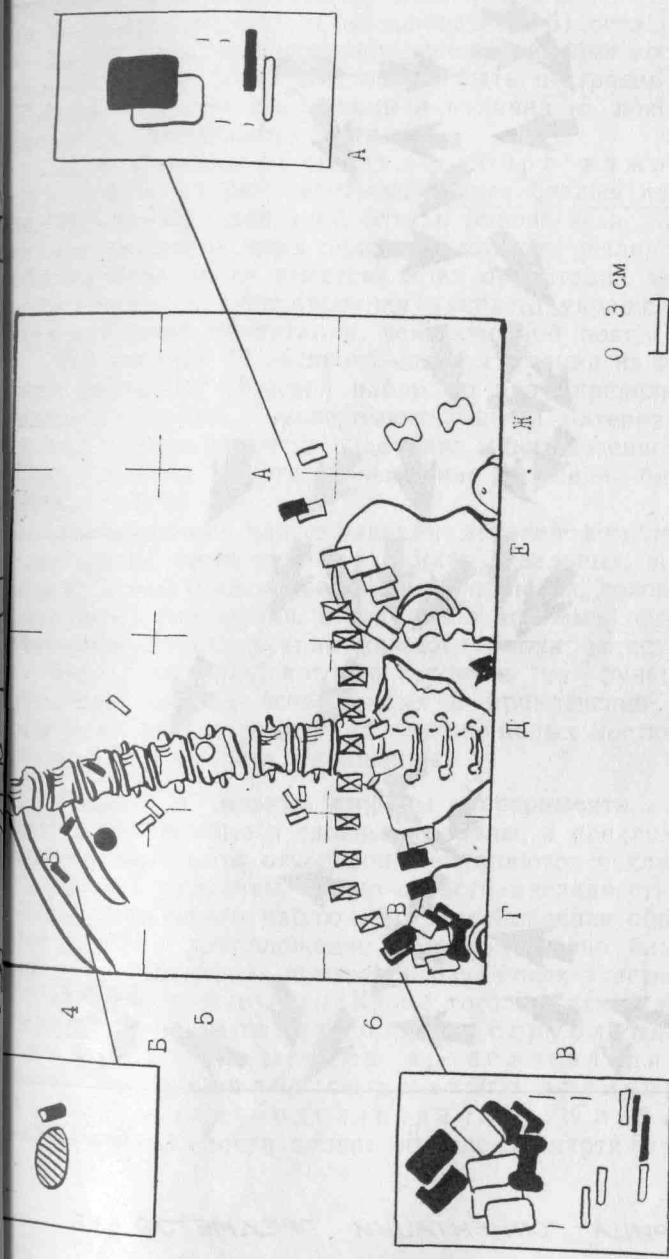
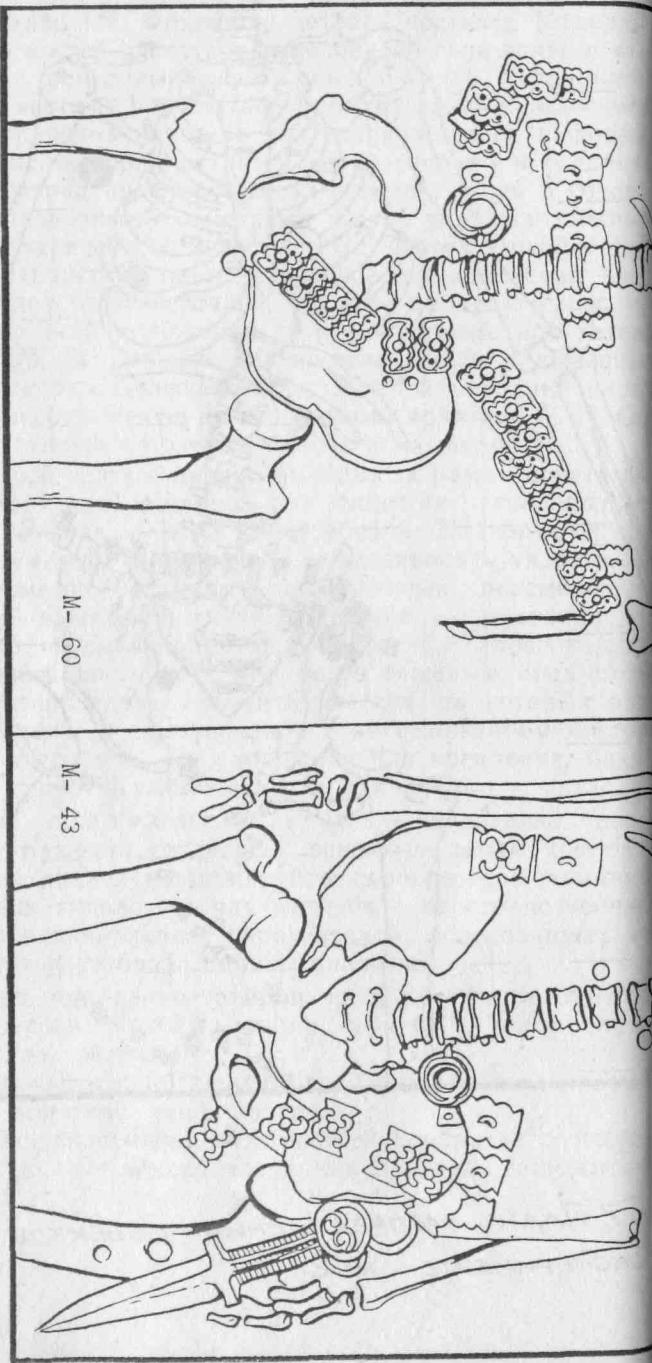

Рис. 9. Поясной набор в эксперименте 2.
(микроситуации).

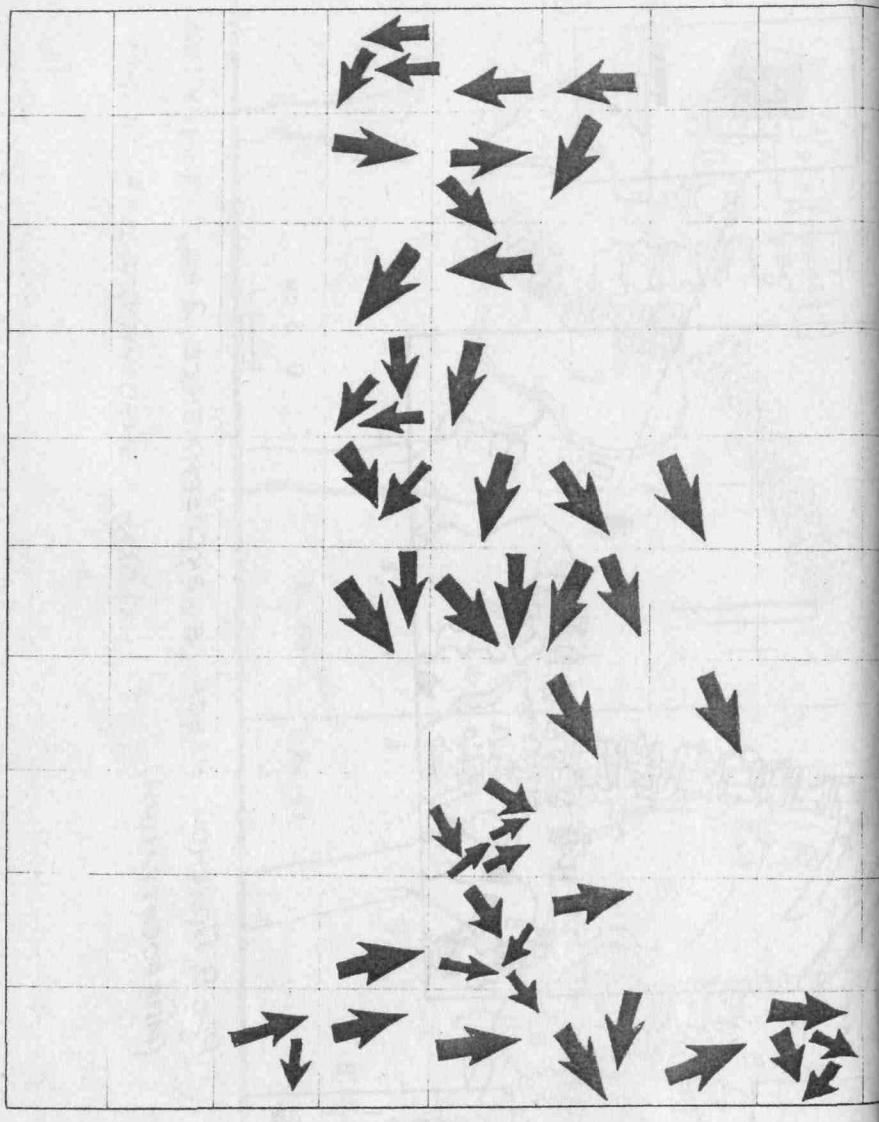

Рис. 8. МАТРИЦА ОРИЕНТАЦИИ ПРЕДМЕТОВ № 2.

основу анализа экспериментального материала, то следует отметить: 1) ориентация оплечья поперечная, 2) ориентация на берцовых костях также поперечная, 3) остальные случаи — продольная. Концентрация: шея, берцовые кости, таз, позвоночник. Из этого уже может быть построена версия об обшивке одежды пронизками и наличии на поясе какого-то сложного компонента одежды.

Для анализа поясного набора важно зафиксировать: 1) ряд неподревоженных бляшек пояса на спине, 2) наличие скоплений блях в районе таза, 3) упорядоченное смещение блях пояса на животе; различие внешнего облика блях (если имеется) и их ориентации может свидетельствовать о существовании каких-то украшений, крепившихся в иной ориентации, чем основной пояс.

На рисунке 10 воспроизведены ситуации из археологических раскопок. Поясной набор по ряду признаков обнаруживает сходство с экспериментальными материалами: неподревоженность нижнего ряда блях, упорядоченное сползание блях пояса на животе, образование скоплений бляшек на тазовых костях.

Проведенная классификация деталей комплекса позволяет теперь вести работу в рамках отдельных, но связанных между собой блоков: реконструкции пояса, головного убора, нагрудных украшений, отделки пол костюма, отделки обуви. Методика реконструкции каждого блока, естественно, имеет свою специфику, которая строится на функциональных, пространственных особенностях и привлечении достижений опыта из реконструкции абсолютно целых костюмов, полностью или частично украшенных.

Слабые и сильные стороны эксперимента. Всякая модель имеет слабые и сильные стороны, и предложенные эксперименты в этом отношении не являются исключением. К сильным сторонам можно отнести наглядность и возможность визуального наблюдения, установление общих закономерностей в расположении пространственно близких предметов, установление признаков различных участков для графической реконструкции. Кроме того, постановка такого эксперимента позволяет создать огрубленный образ одного из моментов археологизации погребальных комплексов до этого времени не поддававшегося моделированию. Слабые стороны эксперимента: почти полное уплощение картины украшений,

отсутствие имитации I-й стадии гниения, быстрота исчезновения «органики» (таяние снега), таяние в свободном пространстве. Мы понимаем степень условности проведенных экспериментов, но, несмотря на все недостатки, подобные эксперименты позволяют не только осмыслить, но самое главное — увидеть основные процессы, происходящие после погребения. Возможно, что экспериментальное моделирование ставит больше вопросов, чем дает ответов. Однако эти вопросы очень важны для процедуры реконструкции, т. к. обращают внимание на то, что раньше казалось естественным и не требовало доказательств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гостев Ю. А. Гомоморфизм и модели. // Логико-алгебраические аспекты моделирования. М., 1975. С. 16.

² Спейс Д. Д. Экспериментальное исследование ударной техники отщепа // Экспериментальная археология. Нью-Йорк. 1977 (на англ. яз.).

³ Ашер Р. Экспериментальная археология // Американский трополог. 1961. Т. 3. № 3. С. 801—802 (на англ. яз.).

⁴ Устное сообщение Э. Б. Вадецкой.

Ю. А. Семыкин

ОПЫТ ФИЗИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ КУЗНЕЧНОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА НА ПРИМЕРЕ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПРУЖИННОГО ЦИЛИНДРИЧЕСКОГО ЗАМКА

Исследователи средневековой металлообработки железа единодушно сходятся во мнении, что одной из наиболее сложных категорий кузнецко-слесарных изделий являлись навесные пружинные замки¹. Это, в частности, отразилось в этимологии названия ремесленной профессии слесарь — в переводе с немецкого — замочник.²

Навесные цилиндрические замки являются довольно распространенной категорией находок железных изделий на памятниках Древней Руси, салтово-маяцкой культуры, Волжской Болгарии, Золотой Орды, и на других территориях страны.

Типологические схемы анализа навесных и накладных замков разрабатывались Б. А. Рыбаковым³, Б. А. Колчным⁴, Р. Л. Розенфельдтом⁵.

Б. А. Колчним на основании данных визуально-морфологического, а также металлографического анализов была предложена реконструкция технологического процесса изготовления навесных цилиндрических замков. Наиболее подробно технология изготовления цилиндрического замка типа В была рассмотрена Б. А. Колчним⁶. Однако, основанная только на данных визуально-морфологического и металлографического анализов, эта реконструкция техпроцесса, тем не менее, оказалась не лишней схематизма и носила узорительный характер.

Дальнейшее, более углубленное познание особенностей кузнецко-слесарного технологического процесса изготовления средневековых замков было возможно только с помощью экспериментального метода физического моделирования — то есть реального изготовления реплики замка по средневековому образцу.

Экспериментальный метод успешно применяется как в отечественной⁷, так и в зарубежной археологии⁸. В археологии экспериментальный метод определяют как изучение археологических предметов, отдельных явлений или суммы явлений с помощью научно поставленных опытов и наблюдений.

ний, проводимых в строго учитываемых условиях, максимально приближенных к условиям функционирования объектов в древности⁹.

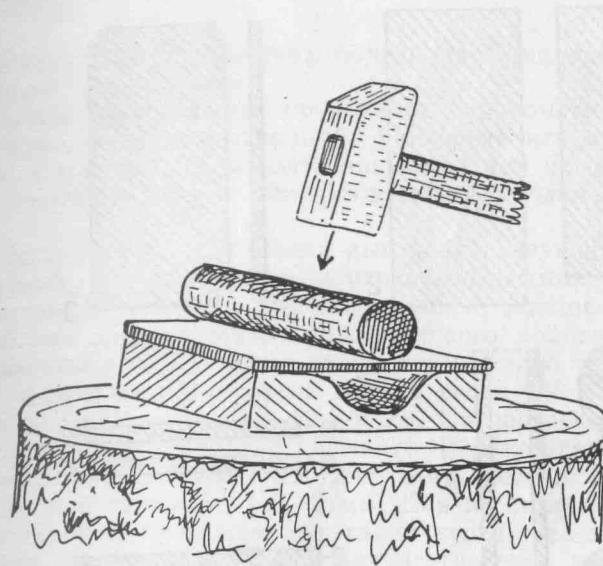
Следует сказать, что эксперименты, связанные с моделированием технологий цветной и черной металлургии, ювелирного ремесла, черной металлообработки, менее распространены в отечественной археологии, так как связаны с большими техническими сложностями в их подготовке и осуществлении и требуют высокой технической квалификации экспериментаторов.

В 1979 году автором настоящей статьи был осуществлен экспериментальный опыт физического моделирования технологического процесса изготовления навесного пружинно-цилиндрического замка типа В, которые были наиболее широко распространены в Древней Руси и в Волжской Болгарии в домонгольский период.

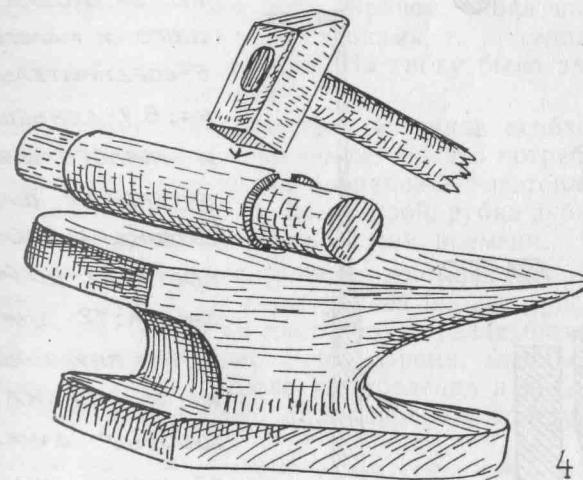
Условия для экспериментальной работы были подготовлены на базе колхозной кузницы в поселке Уржумское Майского района Ульяновской области. Оборудование и инструментарий кузницы состояли из открытого горна с электромеханическим нагнетателем воздуха, большой кузнечной ковальни, кувалды, молота-ручника, зубила, напильника. Если не брать в расчет электромеханическое нагнетание воздуха и использование в качестве топлива не древесного, каменного угля, то и оборудование, и инструментарий кузницы несущественно отличались от тех, которые применялись в средневековых кузницах X—XIII вв.

В экспериментальной работе принимали участие автор настоящей статьи, имеющий 4-й разряд слесаря-инструментальщика, а также А. М. Семыкин — слесарь с навыками кузнечной работы.

Целью настоящего эксперимента являлось осуществление реального технологического кузнечно-слесарного процесса изготовления реплики замка типа В (по Б. А. Колчину). Выбор этого типа замка для эксперимента не случаен и обусловлен тем, что именно подобные замки наиболее подробно были рассмотрены Б. А. Колчиным, что позволило нам опираться на его технологическую карту изделия. Кроме того, замки подобного типа являлись наиболее массовой продукцией как мастеров Древней Руси, так и Волжской Болгарии. Качестве образца мы взяли остатки замка, происходящего

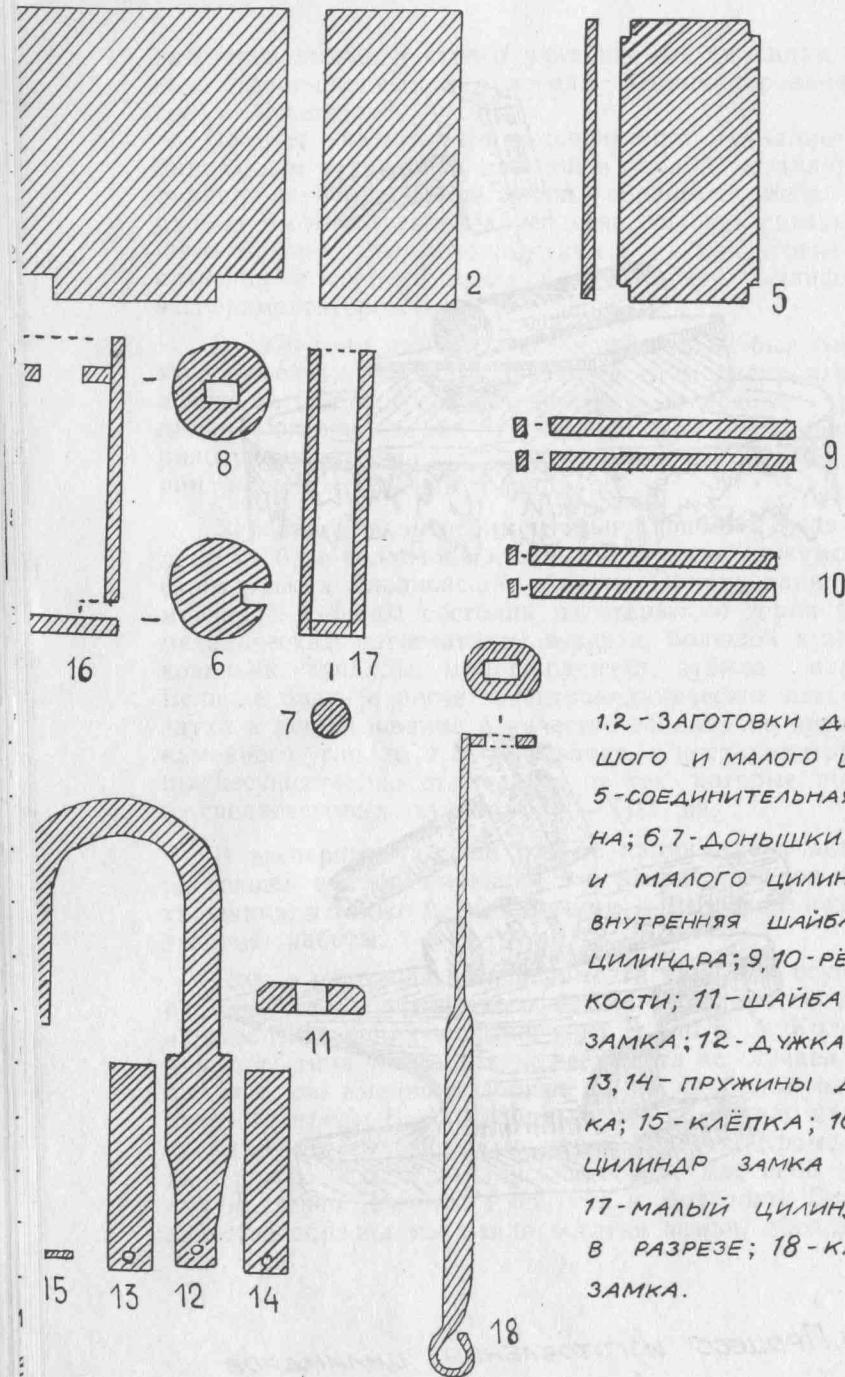

3

4

Рис. 3, 4. ПРОЦЕСС ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЦИЛИНДРОВ ЗАМКА С ПОМОЩЬЮ ОПРАВОК.

1.2 - ЗАГОТОВКИ ДЛЯ БОЛЬШОГО И МАЛОГО ЦИЛИНДРОВ; 5-СОЕДИНИТЕЛЬНАЯ ПЛАСТИНА; 6, 7-ДОНЫШКИ БОЛЬШОГО И МАЛОГО ЦИЛИНДРОВ; 8-ВНУТРЕННЯЯ ШАЙБА БОЛЬШОГО ЦИЛИНДРА; 9, 10-РЕБРА ЖЕСТКОСТИ; 11-ШАЙБА ДУЖКИ ЗАМКА; 12-ДУЖКА ЗАМКА; 13, 14-ПРУЖИНЫ ДУЖКИ ЗАМКА; 15-КЛЁПКА; 16-БОЛЬШОЙ ЦИЛИНДР ЗАМКА В РАЗРЕЗЕ; 17-МАЛЫЙ ЦИЛИНДР ЗАМКА В РАЗРЕЗЕ; 18-КЛЮЧ ОФИЦИАЛЬНОГО ЗАМКА.

домонгольского города волжских болгар на Самарской Луке—с Муромского городка*.

В процессе эксперимента проводился хронометраж отдельных технологических операций, фиксировались затраты необходимых материалов, использование тех или иных инструментов. Велся также учет использования необходимых труда затрат.

Весь технологический процесс выглядел следующим образом. Первой операцией было изготовление заготовок листового железа. В средневековье изготовление заготовок листового железа до изобретения механического молота с водяным приводом в XIV в. было делом чрезвычайно трудоемким. Для начала мы взяли кусок железа весом 150 г и проковали его до листа толщиной 1,5—2 мм. На прогрев и проковку металла было затрачено 65 минут. В результате был получен лепешкообразный кусок листового железа диаметром 10—12 см и толщиной 1,5—2 мм. Для изготовления заготовок замка потребовалось два таких куска железа. Таким образом, время, затраченное на изготовление листовых заготовок равняется 130 мин.

Следующая операция—раскрой, рубка и опиловка заготовок для большого и малого цилиндров (рис. 1, 2). На это было затрачено три часа. Затем приступили к ответственной и сложной операции—гибке большого и малого цилиндров на специальных оправках (рис. 3, 4). Причем, гибка цилиндротов проводилась с прогретыми заготовками, т. к. холодный металл плохо поддается деформации. На гибку было затрачено 80 мин. рабочего времени.

После гибки и рихтовки цилиндров возникла необходимость подравнять их торцы напильником. На это потребовалось 30 мин. времени. Следующая операция—изготовление внутренней шайбы большого цилиндра (рис. 5). Ее раскрой, рубка зубилом опиловка напильником потребовали 30 мин. времени.

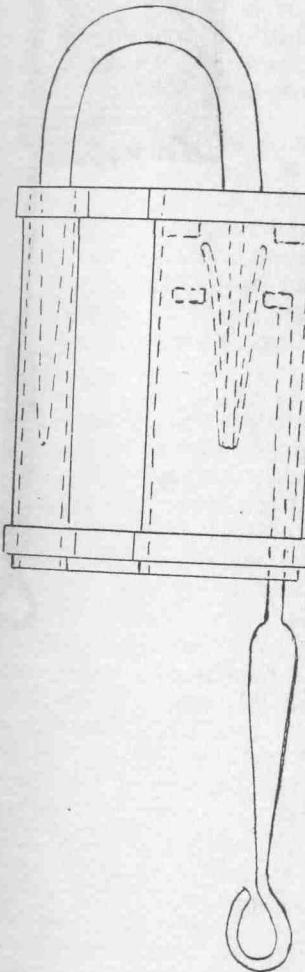
Следующие операции—изготовление донышек большого и малого цилиндра (рис. 6, 7) и внутренней шайбы (рис. 8). На них ушло 2,5 часа. Затем из листового металла были изготовлены ребра жесткости (рис. 9, 10). Время, затраченное на их изготовление,—1 час. После изготовления и подгонки всех деталей большого и малого цилиндров мы приступили

* Раскопки САЭ Куйбышевского университета под руководством Г. И. Матвеевой в 1973 году. Фонды кабинета археологии КГУ.

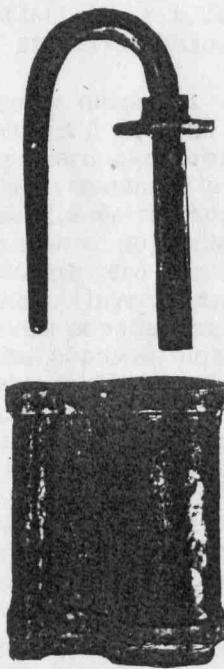
к их сборке и соединению в одно целое при помощи пайки. Пайка проводилась с помощью кузнечного горна и железного тигля. Детали припаивались к большому и малому цилиндрю по отдельности. В тигле на сильном огне были расплавлены медные опилки и стружки. Донце большого цилиндра припаивали в последнюю очередь, т. к. до подгонки ключа к пружинной системе корпус замка закрывать нельзя.

После того, как детали были подогнаны, места швов тщательно зачищались и замок кузнечными клещами помещал в пламя горна. Когда детали нагревались добела, замок извлекали из горна, посыпали флюсом (бурой), с помощью которой удалялась окись металла, и погружали в расплавленную в тигле медь. Жидкая медь заливала все щели стыков детали соединялись намертво. Таким образом были спаяны все детали большого и малого цилиндров, а также шайба в дужке замка (рис. 11). Операция пайки потребовала 4 часа времени. После нее возникла необходимость обработать детали напильником, т. к. жидкую медь застыла и образовал потеки. На зачистку ушло 2 часа времени.

Следующая операция — изготовление дужки замка, которая состоит из 5 деталей (рис. 11—15). Вначале был откован прут нужного диаметра. Затем с целью устранения неровностей, получившихся в процессе ковки, прут эпиливал напильником. Далее тот конец прутка, на котором предполагалось установить пружинную систему, проковывался еще раз, в результате чего этот конец прутка приобретал вид плоской пластины. Проток зажимался в тиски, края и поверхность пластины обрабатывались напильником до нужных размеров. Таким образом, получалась база для установки пружинной системы. После этого пруток по шаблону на специальной оправке загибался до подковообразной формы, после чего тот конец дужки, который помещался в малый цилиндр, обручался до точных размеров зубилом и опиливался вновь напильником. После этого замочник приступал к изготовлению верхней шайбы дужки замка. В центре готовой шайбы по диаметру дужки, но с небольшим зазором пробивалось отверстие и шайба надевалась на дужку с того конца, который предназначался для малого цилиндра. Затем шайба доводилась до плоской базы пружинной системы и здесь припавалась медью к дужке.

21. СХЕМА - РАЗРЕЗ.
ЗАМКА.

19

20

Рис. Экспериментальная модель замка.

19 - с разомкнутой дужкой; 20 - со вставленным
ключом.

После этой операции можно было приступать к сборке пружинного узла из заранее изготовленных пружин. В древнерусских замках пружины делались комбинированными — железно-стальными. Вероятно, и болгарские замочники делали пружины из железа со сталью. Пружины для нашего замка были изготовлены цельностальными. Перед сборкой пружинной системы в нижней плоской части дужки и в нижних краях пружин пробивались в горячем состоянии небольшие, одинаковые по размеру отверстия. После этого пружины прикрепывались к дужке небольшой клепкой (рис. 15). На изготовление дужки было затрачено 4 часа рабочего времени.

Следующей операцией было изготовление ключа к замку. Ключ состоит из двух деталей. Вначале его подгоняли к пружинной системе, а затем пружинная система подгонялась к пазу в шайбе внутри большого цилиндра и уже после того, как стало ясно, что дужка замка точно входит в отверстие большого и малого цилиндров, было припаяно нижнее донце большого цилиндра. Изготовление ключа, его подгонка и пайка донца большого цилиндра заняли 4 часа рабочего времени.

Таким образом, затраты рабочего времени на изготовление замка типа В в сумме составляют 20 часов 30 минут. Учитывая, что изготовление замка силами одного человека невозможно (например, при пайке, гибке, и других операциях), время это следует удвоить. Таким образом, стоимость замка будет составлять 40 рабочих человеко-часов. К этому следует прибавить еще стоимость металла из расчета, что на крицу весом в 5,5 кг в Х—ХIII вв. затрачивалось 1,93 рабочих человеко-дня. А вес замка средних размеров =350—400 г. Изготовление замка потребовало как специального инструмента — оправок, молотков, кувалд, зубил, напильников, прорезчиков, зажимных устройств, так и специальных знаний и навыков. Это заставляет думать о выделении в общей массе болгарских кузнецов специальности замочника и о существовании института ученичества. Без помощи подмастерья, как показал опыт работы, мастеру трудно было обойтись. Выделение ремесла кузнеца-замочника было обусловлено, вероятно, также постоянно увеличивавшимся спросом на замки, чем свидетельствует некоторая стандартизация замков определенных типов. Стандартизация замков предполагает изготовление их по определенным шаблонам, существовавшим

для каждой отдельной детали, что должно было с неизбежностью отразиться повышением производительности труда кузнецов-замочников. Однако, несмотря на применение шаблонов, каждую деталь замка, как показал опыт нашей работы, все же приходилось подгонять индивидуально по месту на замке. Поэтому в целом время, которое затрачивали замочники на изготовление одного замка, вряд ли было меньше 20 рабочих часов.

Следует также добавить, что для рентабельности производства такой сложной продукции, как пружинные замки, ремесленники изготавливали массовые серии более менее стандартизованных замков, что можно наблюдать в археологических коллекциях с Муромского городка и с Билярского городища.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. МИА. 32. М. 1951. С. 156.

² Колчин Б. А. Указ. соч. Там же.

³ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М.,—Л. 1949.

⁴ Колчин Б. А. Указ. соч.; Хронология новгородских древностей. М. 1982. С. 160—161.

⁵ Розенфельдт Р. Л. Русские замки домонгольского времени. КСИИМК. Вып. 49. 1953.

⁶ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси...

⁷ Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л. 1968. Колчин Б. А., Круг О. Ю. Физическое моделирование сырьедутного процесса производства железа В кн.: Археология и естественные науки. М. 1964.

⁸ Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое. М. 1983.

⁹ Коробкова Г. Ф. Экспериментальный анализ и его место в теории и практике археологии. КСИА. Вып. 152. 1978. С. 56.

Л. Н. Сладкова

МОДЕЛЬ КУЛЬТУРНОЙ СТРАТИГРАФИИ ПОСЕЛЕНИЯ ТАЛЬЯ (ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК)

Поселенческие памятники позднего бронзового века бассейна р. Конды дают очень обильный керамический материал. По своему облику это керамика лозгинского типа. Впервые в отдельную группу она была выделена В. Д. Викторовой¹ для бассейна р. Тавды. Раскопки последних лет показали, что для районов верхнего и среднего течения р. Конды в позднем бронзовом веке также характерны памятники лозгинского типа. Одним из них является поселение Талья (Кондинский район Тюменской области), керамический комплекс которого анализируется в данной работе. Массовость керамики, несмотря на общую похожесть, при более внимательном рассмотрении позволяет уловить определенные различия.

Лозгинская керамика известна в науке как керамика с фигурно-прокатанной орнаментацией. Однотипность ее определяется формой сосудов и общей схемой орнаментации. По форме это тонкостенные горшки (0,5—0,7 см) крупных, средних и малых размеров с горизонтально срезанным венчиком, slabопрофилированной шейкой, с круглым, плоским или приостренным дном. Диаметр по венчику равен или чуть меньше высоты сосуда. Ориентир покрывает всю поверхность, часто даже и плоское дно, монотонным узором, который может оживляться широким или не очень широким декоративным пояском в верхней части сосуда. Схема орнаментации проста — это ритмичное чередование поясов, выполненных фигурно-прокатанным штампом или гребенкой и рядов ямочек или поясков из разнообразных узоров гребенчатого штампа. Различные способы нарезки зубцов придают лозгинской гребенке оригинальную форму. Пояски ямочных и гребенчатых узоров делают керамику нарядной, поэтому назовем их декоративными.

Для украшения отдельного сосуда применялся, как правило, один фигурный штамп, который и придавал ему определенное своеобразие и выделял среди других. Это обстоятельство позволило разделить всю массу керамики на четыре относительно самостоятельные группы (рис. 1). За диагностичющий признак был взят тот или иной фигурный

штамп: I—рельефный однорядовый или двухрядовый зигзаг (или волна), II—рельефный косой крест, III—печатная сеточка (или «вафелька»), IV—печатная гребенка.

Несмотря на удивительное многообразие, мотивы декоративных поясков можно объединить в четыре основные группы: I—меандры и ломаные линии; II—гребенчатые ряды и столбцы (короткие и длинные, вертикальные и наклонные); III—одно- многорядовые гребенчатые зигзаги; IV—всевозможные композиции из ямок (горизонтальные и наклонные елочки, гребенчатые кресты, уголки, каннелюры, змейки). Исключительное положение занимают ямочные узоры. Они могут составлять как самостоятельные зоны, так и входить в композицию других узоров (рис. 2). Процентное соотношение керамики выделенных четырех групп на разных памятниках различное. На поселении Талья самой многочисленной является I группа—ямочно-волнистая или ямочно-зигзаговая (рис. 2).

Встречаемость мотивов декоративных поясков на посуде всех четырех групп отражена на рис. 3: I и II группы керамики обнаруживают между собой наибольшее сходство, чем со всеми остальными. На этой посуде, особенно на крестовой, нередки меандровые узоры от простых до самых сложных ленточных заштрихованных. На керамике III группы гораздо реже встречаются андронидные мотивы и всевозможные зигзаги и чаще—мотивы таежные: гребенчатые столбцы и простые ряды ямок. Обособленно стоит самая малочисленная — IV группа—ямочно-гребенчатая. Сосуды этой группы украшены очень скромно. В основном, это чередование рядов ко-сопоставленной гребенки, гребенчатой елочки и простых ямочных поясов. Ямочно-гребенчатая керамика с поселения Талья находит аналогии в посуде VII группы (поздний бронзовый век) с поселения Малгет,² близка керамике I группы времени развитой бронзы с поселения Большой Ларьк³ и барсовской керамики с поселения Барсова Гора I/40⁴ эпохи поздней бронзы—начала раннего железа.

Выделенные группы отличаются друг от друга не только по мотивам орнамента, количественному соотношению, но и по степени сохранности на одном поселении. Из III группы на пос. Талья не восстанавливается ни один сосуд, из IV группы—только один не полностью, из I группы—24 сосуда, из II—7 сосудов. Все это вместе взятое позволяет признать правомерным вопрос об их временном соотношении.

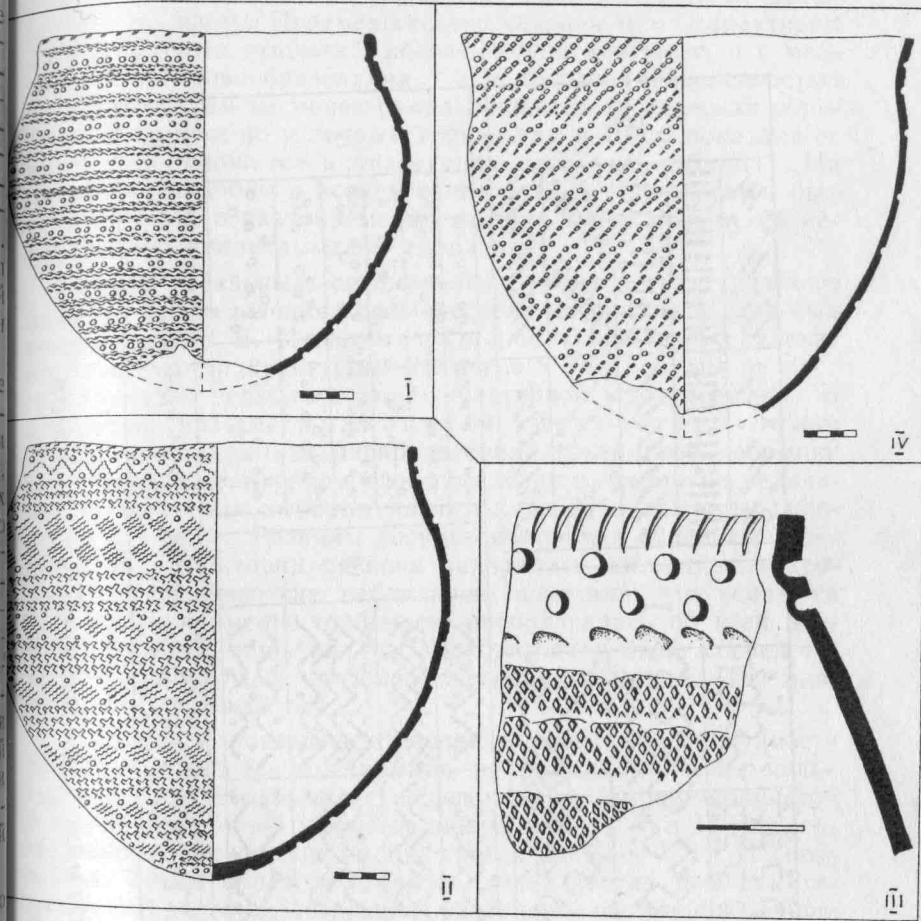

Рис. 1. ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ ГРУППЫ ЛОЗВИНСКОЙ КЕРАМИКИ.
I—ЯМОЧНО-ВОЛНИСТАЯ; II—ЯМОЧНО-КРЕСТОВАЯ;
III—ЯМОЧНО-СЕТЧАТАЯ; IV—ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТАЯ.

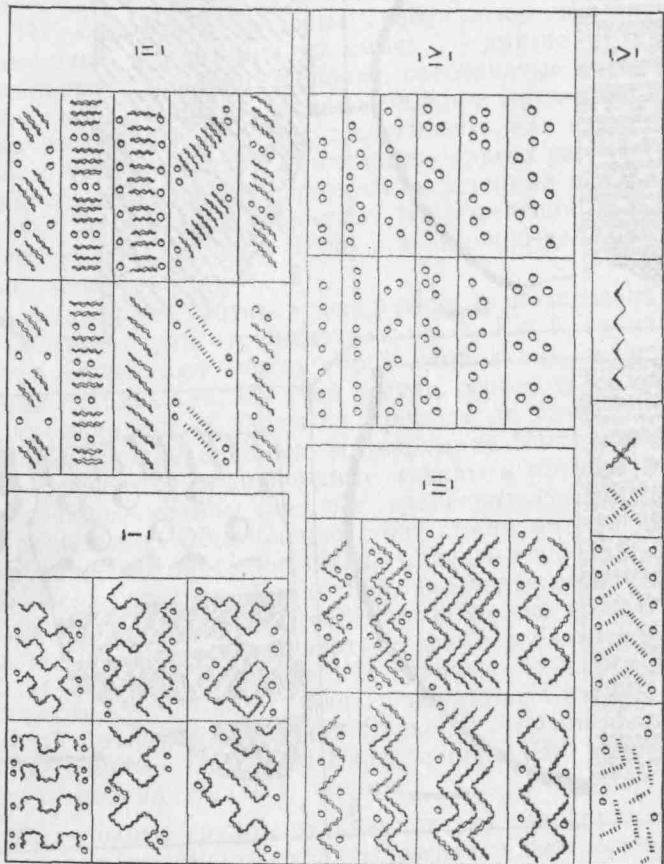

Рис. 2. Мотивы декоративных поясков.

В культурном слое поселения керамический материал сильно перемешан. Супесчаная почва делает невыразительным стратиграфический почвенный разрез, где культурные пласти не имеют четких границ, а порой и просто не выделяются по цвету. Перемешанность связана и с характером памятника—это открытый поселенческий комплекс, и с медленностью почвообразования, и с большой заселенностью территории. Тем не менее самая общая статистическая обработка керамики по условным горизонтам в 10 см показала ее различное положение в культурном слое (см. табл. 1). На основании подобного исследования Е. А. Васильевым был сделан вывод о разновременности двух типов атлымской керамики на Малоатлымском городище⁵.

Более детальный, специальный метод статистического анализа распределения керамического материала в слое был предложен Ю. Б. Цетлиным⁶. Он направлен на устранение перемещенности культурных остатков и тем самым на реконструкцию первоначальной культурной стратиграфии. В настоящей работе приводятся результаты такого специального анализа распределения лозвинской керамики всех групп в культурном слое поселения с учетом их величины. Исследуемая выборка насчитывала 2464 единицы с площади 120 кв. м. Развалы сосудов взяты как отдельные единицы. На территории раскопа находилась жилищная владина. Планграфические наблюдения показали, что керамика всех групп примерно одинаково располагалась по всей площади раскопа, лишь на V и VI горизонтах была сосредоточена, в основном, в пределах котлована жилища. При анализе это учитывалось.

Таблица 1 показывает распределение всей совокупности образцов лозвинской керамики на разных глубинах культурного слоя. Наибольшее сосредоточение ямочно-волнистой и ямочно-крестовой керамики наблюдается в V и II горизонтах, ямочно-сетчатой и ямочно-гребенчатой—в III и II горизонтах. Таким образом, в самых общих чертах уже наметилось некоторое хронологическое разделение выделенных групп. В ходе дальнейшего исследования, которое заключалось в последовательном удалении из поля внимания мелких и средних по величине фрагментов керамики, была получена несколько иная картина.

В таблице 2 приведено распределение образцов высших групп крупности, занимающих, как предполагается, первона-

чальное положение в слое: VI горизонт не дал максимумов ни в одной группе; значительные и устойчивые максимумы распределения керамики I и II групп совпадают и приходятся на V и IV горизонты; на V горизонте они достигнуты за счет чуть углубленного котлована жилища и сосредоточения в нем большого числа развалов сосудов (причем это сосуды исключительно ямочно-волнистые и ямочно-крестовые); на V же горизонт падает незначительный, но устойчивый максимум керамики III группы. Возможно, что носители трех первых групп обитали здесь одновременно. Но решительно угнетенное состояние III группы позволяет предположить либо кратковременное, либо несколько более раннее ее пребывание на этом месте. События, связанные с постройкой жилища, могли вынудить носителей III группы покинуть территорию памятника либо несколько изменить орнаментальные традиции. Во всяком случае, IV горизонт уже не дал максимума в III группе и был «заселен» в меньшей степени, причем только представителями населения, оставившими нам керамику I и II группы. В еще более позднее время на III горизонте доля крупных фрагментов керамики I и II групп значительно падает. Зато III горизонт дает яркую вспышку максимума в III группе. Произошло либо возвращение прежнего населения, либо возрождение забытых традиций. Однако и здесь массовости не наблюдается. Очевидно, возврат был кратковременным. Вскоре территория памятника была занята совершенно иным народом, оставившим керамику, в корне отличающуюся от лозгинской: I и II горизонты не дают максимумов для лозгинской керамики, т. к. именно на них приходится основная масса находок раннего железного века.

Особо следует сказать о положении ямочно-гребенчатой керамики в слое. Керамика этой группы имеет очень плохую сохранность и малую численность. Большинство фрагментов слишком мелки. Обработка ее велась по группам крупности первого вида, с шагом в 5 кв. см. Максимум в V горизонте был случайным, полученным за счет образцов средней крупности и слишком малого общего количества крупных. На IV горизонте она вообще исчезает и вновь появляется на III горизонте. Максимум гребенчатой керамики на этом горизонте не случаен, но незначителен. Число 36,1% дал единственный крупный развал сосуда. На II и I горизонтах наблюдается ее резкое уменьшение и полное исчезновение.

Рис. 3. ПОЛИГОН РАСПРЕДЕЛЕНИЯ МОТИВОВ ДЕКОРАТИВНЫХ ПОЯСКОВ.

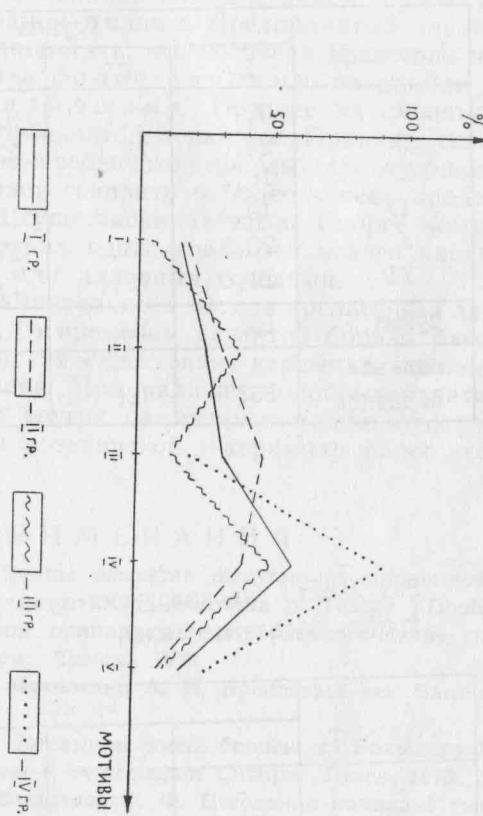

ТАБЛИЦА I

Распределение всей совокупности образцов лозьвинской керамики на поселении Талья

Горизонт	Группа			
	I	II	III	IV
I	3,7	6,1	9,0	2,5
II	24,0	25,6	23,3	18,8
III	18,2	11,8	21,2	30,1
IV	19,1	17,3	12,7	15,9
V	20,9	23,3	17,8	16,2
VI	13,8	12,6	13,1	10,5
сумма, %	100	100	100	100
Кол-во образцов	1627	120	316	101

ТАБЛИЦА II

Результаты реконструкции культурной стратиграфии поселения Талья

Горизонт	Группа			
	I	II	III	IV
I	-	-	7,6	-
II	16,1	16,7	12,5	8,5
III	7,9	12,1	23,0	30,1
IV	26,1	21,6	14,2	-
V	32,9	31,1	21,2	20,7
VI	17,0	13,1	11,3	14,0
СУММА, %	100	100	100	100

Таким образом, специальное исследование, с одной стороны, подтвердило, а с другой — детализировало и обогатило знание, полученное в ходе первичной статистической обработки. Близость керамики I и II групп по орнаментальным мотивам дополняется ее одинаковым залеганием в культурном слое, более того, в одном жилище. Предпринятый анализ дает возможность предполагать, что носители крестовой и волнистой керамики были более ранними на данном поселении или доминирующими. Позднее их сменяют носители сетчатой и гребенчатой керамики. Правда, слишком малый процент ямочно-гребенчатой посуды (4% от общего количества) не позволяет говорить о более-менее продолжительных периодах ее существования здесь. Скорее всего, это отражение эпизодических контактов лозьвинского населения поселка с близкими или дальними соседями.

Если истоки орнаментального мотива «рельефный зигзаг» и «сеточка» связаны со временем развитой бронзы бассейна р. Тавды⁷, то лозьвинская «крестовая» керамика, похоже, чисто кондинское явление. При наличии подобных стратиграфических разрезов с других памятников можно будет говорить о периодизации лозьвинской керамики более убедительно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Викторова В. Д. Этапы развития фигурно-штампованный орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск. 1970.

² Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М. Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979.

³ Посредников В. А. Керамика эпохи бронзы из Большого Ларька // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978.

⁴ Чемякин Ю. П., Кокшаров С. Ф. Поселение начала I тысячелетия до н. э. на Барсовой горе // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.

⁵ Васильев Е. А. Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы (хронология и культурная принадлежность памятников) // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982.

⁶ Цетлин Ю. Б. О реконструкции археологической стратиграфии памятников эпохи неолита // СА. 1988. № 1.

⁷ Викторова В. Д. Этапы развития фигурно-штампованный орнаментации...

И. С. Жущиховская

МЕТОДЫ МИКРОСКОПИИ В ИЗУЧЕНИИ СОСТАВА КЕРАМИКИ ПЕРВОБЫТНЫХ КУЛЬТУР ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Методика анализа состава археологической керамики при помощи бинокулярной, петрографической, электронной и других видов микроскопии приобрела в последние десятилетия широкую популярность в зарубежной и отечественной науке. Использование точных оптических приборов позволяет получить качественно новую информацию об объекте, скрытую от обычного визуального наблюдения. Различные виды микроскопического исследования имеют разную разрешающую способность, и области их применения ограничены вполне конкретными рамками. Так, бинокулярная микроскопия дает представление о некоторых общих особенностях состава формовочной массы (количество, размер, цвет, очертания характера распределения непластичных включений), полезна для идентификации органических примесей, оставляющих превыгорания во время обжига пустоты со специфическими внешними признаками¹. Петрографический метод исследования позволяет получить объективные характеристики минеральных неорганических включений в формовочной массе и установить сырьевые источники гончарства изучаемой культуры². Бинокулярная и петрографическая микроскопия может составлять единый цикл, включающий две стадии исследования. На первой стадии с помощью бинокуляра керамическая коллекция характеризуется по общим признакам формовочной массы и, если эти признаки варьируют, подразделяется на группы. Затем образцы, представляющие различные варианты состава, подвергаются петрографическому анализу—это вторая стадия работы. Такой подход позволяет избежать случайности и тенденциозности в подборе образцов для петрографического анализа, дает максимальный объем информации по непластичным включениям в формовочной массе³.

Методы бинокулярной и петрографической микроскопии были использованы при изучении состава керамики из памятников первобытных культур трех регионов юга Дальнего Востока—Приморья, Сахалина, Приамурья. Отметим, что

ли в применении названных методов к приморским и сахалинским керамическим комплексам накоплен уже определенный опыт⁴, то результаты работы с археологическими материалами Приамурья следует рассматривать пока как начальные, предварительные.

Для памятников Приморья и Сахалина процесс изучения состава керамики в большинстве случаев был двухэтапным. На первом этапе применялась бинокулярная лупа (с увеличением от 2 до 4 раз) для характеристики структуры формовочной массы по свежему излому. Петрографический анализ образцов в прозрачных шлифах производился на поляризационном микроскопе (при увеличении от 50 до 300, иногда до 700 раз)⁵. Была разработана единая схема петрографического описания шлифов*. Обязательным условием петрографического изучения керамики следует считать корреляцию данных микроскопии с геологической ситуацией в районах локализации конкретных памятников, культур с целью установления источника непластичных минеральных включений⁶. Это условие выполнялось при работе с материалами Приморья и Сахалина.

Бинокулярный анализ на предмет идентификации органических примесей в формовочной массе осуществлялся на микроскопе МБС-2.

Важнейшим результатом использования бинокулярной и петрографической микроскопии явилось выделение основных вариантов состава формовочной массы керамики первобытных комплексов юга Дальнего Востока. В статье дана их краткая характеристика и намечены территориальные и временные границы распространения.

1. Формовочная масса, состоящая из глины без искусственных примесей. Этот вид формовочной массы—наиболее простой по составу—зафиксирован для керамики некоторых археологических комплексов Приморья и Сахалина. В Приморье керамика, не содержащая каких-либо искусственных (органических и неорганических) примесей, была впервые выявлена на поселении Илистая-1 из группы памятников Юго-Западного района, для которых получены даты, соответствующие раннему голоцену,— 13500 ± 200 , 8700 ± 95 , 7840 ± 60 ⁷. На

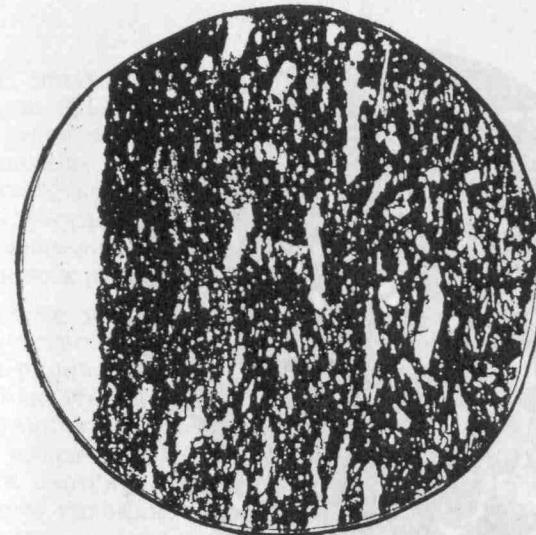
* Петрографические определения выполнены Б. Л. Залищаком.

Илистой-1 вместе с инвентарем мезолитоидного облика встре-
чено небольшое количество керамики*—сильно фрагментиро-
ваний, очень хрупкой, слабообожженной, с неравномерной
толщиной стенок, без специальной обработки поверхности.
единичные обломки венчиков принадлежат слабопрофилиро-
ванным сосудам без горловины, с прямыми стенками, без ор-
намента. Все эти признаки в сумме обусловливают чрезвы-
чайный внешний архаизм керамики Илистой-1, выделяющей
этот материал среди всех известных сегодня неолитических
более поздних комплексов Приморья. Формовочная масса об-
разцов состоит из чистой глины каолинит-гидрослюдистого
типа с незначительным содержанием естественных остроуголь-
ных включений кварца размером от сотых долей мм до
0,1 мм. Следы органических добавок животного или расти-
тельный происхождения отсутствуют.

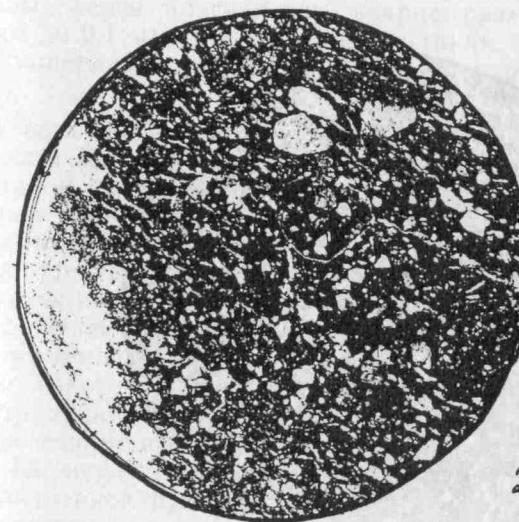
Археологический комплекс, сочетающий каменный ин-
вентарь с мезолитоидными признаками и весьма примитивную
керамику,— явление новое, необычное для Приморья, и по-
тому требующее дальнейших тщательных исследований. В
данной статье, исходя из поставленных в ней задач, можно
только заметить, что в Приморье рецепт формовочной массы
без искусственных примесей соответствует, вероятно, наиболее
ранней стадии развития керамического производства.

На Сахалине традиция изготовления керамики без ис-
кусственных примесей берет начало в одной из ранних нео-
литических культур острова-северо-сахалинской, выделен-
ной совсем недавно и датируемой примерно IV—II тыс. до
н. э.⁸. Ареал культуры довольно обширен, охватывает север-
ные районы острова, за исключением бассейнов рек Тымы
Ноглик, Имчина. Для керамики, обнаруженной на поселени-
ях Сабо, Кадыланья и других, характерны значительная то-
костенность, слаботемпературный, но относительно ровный
обжиг в окислительной среде, отсутствие специальной обра-
ботки поверхности, остродонность, слабая профилировка сте-
нок, украшенных в приустьевой части штамповой орнамен-
тацией. По данным петрографического анализа, формовочная
масса состоит из ожелезненной гидрослюдистой глины, со-
держащей около 20—30% естественных включений кварца.

* Выражаю искреннюю благодарность А. М. Кузнецова за пр-
доставленную возможность работать с керамической коллекцией
Илистой-1.

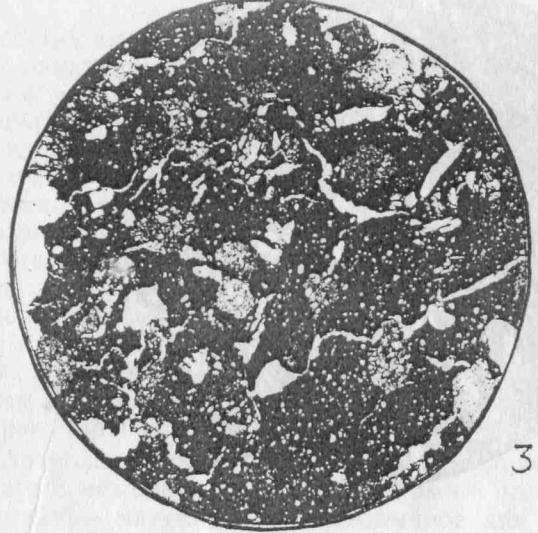
1

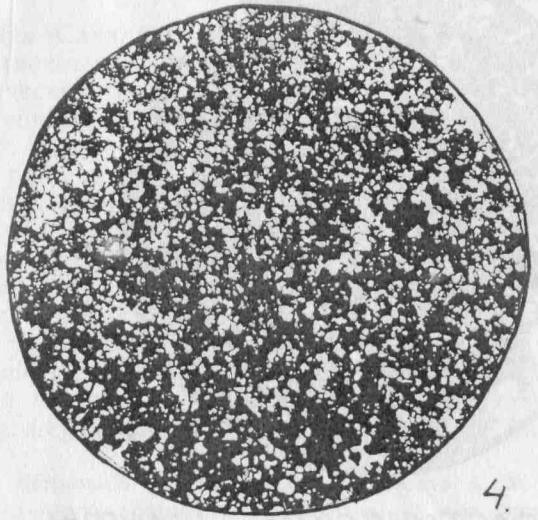
2

Рис. Археологические шлифы.

- 1-ГЛИНА С ЖИВОТНОЙ ОРГАНИКОЙ;
2-ГЛИНА С НЕОРГАНИЧЕСКИМИ МИНЕ-
РАЛЬНЫМИ ДОБАВКАМИ.

3

4

Рис. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ШЛИФЫ.
3 - ГЛИНЫ С ШАМОТОМ; 4 - ГЛИНЫ БЕЗ
ИСКУССТВЕННЫХ ДОБАВОК.

полевых шпатов размером от сотых долей мм до 0,1—0,2 мм, редко—до 0,3—0,5 мм. Распределение мельчайших остроугольных зерен в массе равномерное, более крупные частицы распределены бессистемно. В целом, состав формовочной массы соответствует составу четвертичных глин Северного Сахалина, в частности—из района междуречья Сабо и Кадылани⁹. Какие-либо искусственные добавки органического или неорганического происхождения не зафиксированы.

В более поздний период рецепт изготовления керамики без искусственных примесей используется в технологии гончарства ранних памятников охотской культуры 1 тыс. до н. э. Немногочисленная, но достаточно выразительная группа такой керамики выделена на поселении Кузнецово-1, где основная масса посуды изготовлена согласно традиции, ведущей для охотской культуры,— с примесью грубозернистого окатанного гравийно-песчанистого отощителя. По другим характеристикам (технология формовки, обработки поверхности, обжига, формы сосудов, орнаментация) эта группа не отличается от остального материала. Петрографические шлифы данной керамики показывают присутствие на фоне тонкодисперсной основы многочисленных мелкозернистых остроугольных зерен плагиоклаза, кварца размером от сотых долей мм до 0,1 мм (рис. 4). Глина с таким составом естественных минеральных включений имеется в районе памятника.

Чем объяснить наличие в охотском комплексе Кузнецово-1 группы керамики, отличающейся от основного материала составом формовочной массы? В последние годы появилась серия материалов и наблюдений, свидетельствующих о сложном, многокомпонентном характере формирования охотской культуры, в котором паряду с неолитическими комплексами юга активное участие принимали культуры неолита северных районов острова¹⁰. Возможно, неоднородность рецептуры формовочной массы керамики Кузнецово-1 свидетельствует о некоторой дифференциации культурно-технологических традиций гончарства, обусловленной сосуществованием или взаимодействием разных этнических групп населения¹¹. Не исключено, что обычай изготовления керамики без искусственной примеси отражает сохранение более древней традиции, связанной с северосахалинской неолитической культурой. На поздних охотских памятниках (Озерск, Суся) эта технология исчезает, и абсолютно господствую-

шим является рецепт формовочной массы, состоящей из глины и минеральной отощающей примеси.

Таким образом, керамика, формовочная масса которой не содержит искусственных примесей, на территории юга Дальнего Востока коррелируется с достаточно ранними—возможно, самыми ранними—этапами развития гончарства.

2. Формовочная масса, состоящая из глины и органических примесей. По данным изучения керамического производства древних культур в ряде районов мира, довольно архаичными можно считать рецепты формовочной массы, включающие два основных компонента — глину и органические примеси растительного или животного происхождения. Глино-органический состав керамики характерен для комплексов раннего неолита Средней Азии, Европы, Северной и Южной Америки¹². Как укладываются в эту схему данные по составу керамики первобытных культур юга Дальнего Востока?

Пример широкого распространения приема введения органики в формовочную массу дает нам неолитическое гончарство Сахалина. В настоящее время известно две культуры, локализованные в разных районах острова и различные по своим традициям, керамика которых содержит в своем составе органический наполнитель. Это имчинская культура Северного Сахалина, ареал которой охватывает бассейны рек Тымы, Ноглик, Имчина и отдельные зоны на северо-восточном побережье, а хронологические рамки определяются концом IV—началом I тыс. до н. э.¹³; вторая культура — южносахалинская, памятники которой открыты на юго-восточном побережье острова и датируются V—IV тыс. до н. э.¹⁴

А. Глина с примесью животной органики. Для керамики имчинской культуры характерно присутствие в тесте черепка примеси пресноводного моллюска вместе с раковиной. Внешние признаки этой керамики специфичны: раковиной. Внешние признаки этой керамики специфичны: она легкая, пористая, с высоким показателем водопоглощения (до 30—35%), на поверхности отмечаются многочисленные пустоты «чешуйчатой» формы размером от 1×2 мм до 3×5 мм, с плоским основанием, неглубокие, с неровными остроугольными краями. В изломе также фиксируются пустоты, но здесь они имеют вид узких вытянутых линз, ориентированных параллельно стенкам черепка. Эти поры отчетливо видны в продольных шлифах керамики, составляя до 30% их объема (рис. 1). Согласно наблюдениям А. А. Боб

ринского, данные признаки идентифицируются как следы примеси толченого пресноводного моллюска вместе с раковиной¹⁵. Подчеркнем, что кальцинированные фрагменты раковин практически никогда не отмечаются при внешнем осмотре имчинской керамики, однако их можно заметить в свежем изломе черепка в виде очень тонких жемчужно-серого цвета чешуек или пластинок. Несложный опыт с соляной кислотой позволяет убедиться в известняковом составе этих чешуек—они дают бурную реакцию и полностью растворяются. А применение другого химического реагента — молибдено-кислого аммония—выявляет наличие в керамике фосфатов, служащих индикатором костно-тканевой органики животного происхождения. Названные признаки указывают на то, что в качестве примеси использовались мякоть и раковина моллюска. Данная примесь, способствующая повышению клейкости, вязкости формовочной массы и снижающая ее усадку, была достаточно популярна в неолитическом гончарстве некоторых районов мира, например, Восточной Европы¹⁶.

Обильная примесь моллюска в тесте наряду с некоторыми особенностями технологии и орнаментации керамики составляет комплекс черт, характеризующих ранний этап развития гончарства поселений имчинской культуры (Имчин-II). Формовочная масса керамики не содержала какого-либо искусственного минерального отощителя. Петроографический анализ фиксирует лишь мельчайшие включения острогульных обломков кварца, реже—пластика, являющихся естественной составной частью цемента (глинистой фракции).

На позднем этапе имчинской культуры (группа поздних жилищ поселения Имчин-II) в составе формовочной массы керамики происходят определенные изменения: органика в качестве наполнителя используется реже, появляется новый вид примеси—неорганический минеральный. Эти изменения сопровождаются рядом новшеств в технологии обработки поверхности и обжига, в способах и композиционных принципах орнаментации¹⁷.

Б. Глина с примесью растительной органики. Для состава керамики южносахалинской неолитической культуры характерны органические примеси растительного происхождения. Особенности развития керамической традиции, изменения в составе формовочной массы, технологии формовки, обработки поверхности, обжига, декора посуды

служат индикаторами для периодизации памятников этой культуры на два основных этапа¹⁸.

Керамика памятников первого этапа (Кузнецово-III) изготовлена из глины с травянистой примесью. Черепок тяжелый, рыхлый, массивный, на поверхности и в изломе просматриваются пустоты, оставшиеся после выгорания растительных веществ. Бинокулярное исследование структуры пустот позволило определить виды растений, использовавшихся в качестве наполнителей,— это хвощи, осоковые, лопух (обрывки стеблей и листьев). Под микроскопом фиксируются рваные или резаные края пустот*. Как правило, растительная примесь была груботекстурной — размеры пустот составляют до нескольких сантиметров в длину. Распределение наполнителя в формовочной массе неравномерное.

Керамика памятников второго этапа (Кузнецово-IV, Садовники-II, Пионеры) также содержит растительную примесь, но уже иного вида. При визуальном осмотре на поверхности и в изломе отмечаются поры-каверны размером от $0,5 \times 1$ мм до $3 \times$ мм. Они составляют до 30% объема черепка. Исследование под бинокуляром выявляет следующие особенности: поры округлы в сечении, часто имеют четко очерченные прямоугольные края, на внутренней поверхности слабо просматривается продольно-ребристая структура. Эти признаки указывают на растительное происхождение примеси, однако идентифицировать вид растительности пока сложно из-за маленьких размеров пустот. В отличие от материала раннего этапа культуры растительный наполнитель керамики поздних памятников имеет достаточно выдержанную размерную текстуру и однородную форму, равномерно распределен в объеме черепка. Вероятно, эти признаки можно интерпретировать как следствие временного развития технологии формовочной массы.

Керамика южносахалинской неолитической культуры не содержит какого-либо иного вида отщающей примеси, кроме растительной. Петрофикационный анализ установил присутствие мелких остроугольных обломков плагиоклаза, однако они являются естественным компонентом глинистого сырья.

Таким образом, глинисто-органический состав формовочной массы связан, в основном, с ранними керамическими ком-

* Определения проведены на кафедре биологии Южно-Сахалинского педагогического института.

плексами Сахалина. В южных районах острова уже в памятниках III—II тыс. до н. э. керамика содержит другой вид отощителя—неоганический минеральный¹⁹. Эта же традиция характерна и для гончарства охотской культуры I тыс. до н. э.—I тыс. н. э. На Северном Сахалине органическая примесь хотя и используется еще на поздних памятниках имчинской культуры, постепенно вытесняется также неоганическим минеральным отощителем.

Коротко остановимся на фактах присутствия керамики с органической примесью на первобытных памятниках Приморья и Приамурья. Что касается территории Приморья, то до последнего времени не было объективных данных о находках здесь керамики, содержащей органику. Правда, имелось предположение об использовании в гончарстве яиковской культуры раннего железного века дробленой морской раковины в качестве отощителя, однако это мнение не подтверждилось петрофикационным анализом материала.²⁰ Сегодня мы располагаем сведениями о том, что некоторые археологические памятники Приморья содержат керамику с органической примесью, но эти материалы пока не имеют четкой культурной привязки. Речь идет о нескольких местонахождениях в северных районах Приморья, в бассейне р. Уссури — Лаулинская скала-II, Каменушка-1 и др.* Здесь были получены образцы керамики с примесью моллюска, сопровождавшиеся отдельными предметами каменного инвентаря неолитического облика. Этот керамический материал представляет традицию, не известную ранее в Приморье, где, начиная с неолита и до эпохи средневековья, господствует определенный стандарт состава формовочной массы, содержащей в качестве отощителя песок кварц-полевошпатовых горных пород.

Керамика с примесью толченого моллюска вместе с раковиной, весьма напоминающая материал имчинской культуры Сахалина, была недавно выделена в некоторых неолитических комплексах Нижнего Амура.²¹ В целом, мы можем очертить регион распространения технологического приема введения в формовочную массу керамики моллюска—Северный Сахалин, Нижний Амур, Северное Приморье (бассейн

* Материалы получены в результате разведок, проведенных Н. А. Клюевым и Ю. Г. Никитиным в 1988 г. в Красноармейском районе Приморья.

р. Уссури). Хронологически этот прием связывается с комплексами неолита.

3. Формовочная масса, состоящая из глины и неорганических минеральных примесей. Неорганические минеральные отощающие добавки различного рода весьма широко распространены в технологии гончарства как древнего, так и современного кустарного. Предотвращение усадки формовочной массы и деформации изделия при сушке и обжиге, повышение механической прочности и огнеупорности—таковы практические свойства минеральных отощителей. Использование того или иного вида отощителя (дробленого кварца, песка дресвы горных пород, талька, асбеста, шамота и др.) в значительной мере зависит от сырьевых возможностей гончаров по определенную роль в этом выборе может играть и культурная традиция.²²

Неорганический минеральный отошитель был популярен в древнем гончарстве юга Дальнего Востока. Это, в первую очередь, относится к Приморью—уже в достаточно ранних неолитических комплексах, известных на этой территории, существовал устойчивый стандарт формовочной массы, включающей глину и песок горных пород (интрузивных и эфузивных) примерно в равных количествах или с некоторым преобладанием пластичной фракции. Этот стандарт сохранился практически неизменным и в культурах палеометала I тыс. до н. э.—середина I тыс. н. э., и эпохи средневековья VIII—XIII вв. Установлено, что такое технологическое достояние обусловлено не столько культурным родством преемственностью гончарных традиций, сколько сырьевой спецификой региона. Приморье буквально изобилует интрузивными и эфузивными горными породами, которые встречаются в виде коренных обнажений, руслового галечника речных песков. Это кварц-полевошпатовое высококачественное сырье было одинаково доступно гончарам всех эпох культур и избавляло их от длительных технологических исков оптимального состава формовочной массы.²³

Шлифы керамики приморских памятников неолита, бронзового и железного веков, средневековья представляют собой довольно выдержанную однообразную картину. На фоне тонкосперсной глинистой основы фиксируются зерна пластичных минеральных включений естественного и искусственного происхождения. К первым, изначально присутствующим в глине, относятся остроугольные мельчайшие облом-

ки кварца размером от сотых долей мм до 0,1 мм. Искусственная отощающая примесь представлена относительно равномерно распределенными зернами минералов и пород, среди которых преобладают, как правило, кварц, полевые шпаты, щелочные и кислые, обломки пород (гранитов, гранодиоритов, гранит-порфиров и др.), пластинки слюды. Нижний размерный предел зерен отошителя—0,2—0,3 мм, преобладающий размер, как правило, от 0,5 мм и выше. Зерна непластичного минерального отошителя составляют от 35% до 50% от объема шлифа (рис. 2).

Отличительная особенность отощающей примеси в шлифах приморской керамики разнокультурных и разновременных комплексов—наличие большого числа зерен резко острых угольных, с явными признаками ударов, расколов по плоскостям спайности. Здесь, как представляется, мы имеем дело с результатом дробления исходного материала. Песчаные отложения в Приморье не являются особенно мощными, и гончары, по-видимому, широко пользовались, наряду с отсортированным речным песком, русловым галечником и сырьем из коренных обнажений. Дробление и просеивание минерального сырья с целью получения отошителя со стандартной текстурой—обычные в технологии гончарства операции.²⁴

Размерный стандарт отошителя — признак, отражающий в некоторой степени культурную специфику гончарных традиций древнего Приморья. Для разных культур и периодов характерна тенденция к соблюдению определенной текстуры примеси. В комплексах железного века данный признак действует даже на уровне культурного варианта.²⁵

С приемом введения в формовочную массу неорганического минерального отошителя мы встречаемся и в гончарстве древнего населения Сахалина—на памятниках позднего этапа имчинской культуры (II—I тыс. до н. э.), на поселениях анивской культуры (III—II тыс. до н. э.) и в комплексах охотской культуры (I тыс. до н. э.—I тыс. н. э.). Петро-графический анализ сахалинской керамики обнаруживает ряд особенностей неорганических минеральных включений, являющихся специфичными для данного региона и отличающихся эти включения от неорганической минеральной примеси в керамике Приморья.

Во-первых, минералогический состав отощающих включений—это, в основном, обломки осадочных и эфузивных

пород (кремни, сланцы, яшмы, алевролиты, базальты и др.) при небольшом количестве кварца и полевых шпатов. Такой состав, прежде всего, характерен для отощающих примесей керамики памятников анивской и охотской культур на южном острове, где названные породы широко развиты. В отдельных образцах керамики поздних комплексов имчинской культуры отмечено присутствие отощающей примеси гранитного состава, что, видимо, связано с локальными проявлениями гранитоидов в отдельных районах Северного Сахалина.

Во-вторых, обращает на себя внимание характер очертаний зерен неорганической минеральной примеси. В подавляющем большинстве они прекрасно окатаны, с хорошо выраженным округлыми контурами. Текстурный стандарт отощающей примеси в керамике охотской культуры 1—3 м. Очевидно, что исходное сырье не подвергалось дроблению, как это имело место в гончарстве Приморья. Установлено, что сырьевыми источниками служили гравийно-песчаные отложения, развитые по долинам рек и на морском побережье в ряде районов острова. Минерально-петрографический состав этих отложений в зонах локализации конкретных памятников (например, Южная-II анивской культуры, Кузнецово-Сусуя охотской культуры) аналогичен составу отощающей примеси в керамике данных памятников.

Общее количество отощающей примеси этого вида на шлифах сахалинской керамики варьирует от 30 до 50%. Помимо этих крупнозернистых окатанных включений, в шлифах фиксируются мельчайшие остроугольные обломочки кварца и плагиоклаза, являющиеся составной частью глинистого сырья (рис. 3). Безусловно, по своим техническим качествам отощающая примесь, состоящая из обломков осадочных пород, значительно уступает кварц-полевошпатовому грунту гранитоидов. Однако на Сахалине при дефиците интрузивных пород гравийно-песчанистые отложения осадочного эфузивного состава являются, пожалуй, оптимальным источником неорганического отощителя для керамики.

В целом же для разновременных и разнокультурных комплексов Сахалина, как мы видели, характерно значительное многообразие видового состава формовочных масс керамики. Отчасти такая картина может быть связана, вероятно, с отсутствием благоприятной сырьевой базы, с де-

фицитом высококачественных отощающих материалов. Необходимость поиска оптимальных рецептов формовочной массы приводила к появлению и сохранению культурно-технологической вариабельности. По-видимому, процесс воздействия сырьевого фактора на формирование традиций гончарной технологии носил в регионе Сахалина иной характер, чем в соседнем Приморье, где изобилие и доступность непластичного отощающего сырья обеспечили широкое культурное и хронологическое распространение рецептурного стандарта формовочных масс.

Петрографические исследования керамики Приамурья пока ограничены материалами нескольких памятников уральской культуры раннего железного века*. Результаты анализа позволяют отметить, что в гончарстве этой культуры также был широко распространен рецепт формовочной массы, состоящей из глины и неорганических минеральных примесей. В качестве примесей использовались интрузивно-эфузивное сырье, содержащее значительное количество зерен кварца, полевых шпатов, обломков пород, слюды. Хорошая окатанность зерен примеси, характерная для большинства исследованных образцов, указывает на то, что сырьевым источником служили гравийно-песчанистые отложения, развитые в бассейне Амура. Необходимая текстура отощителя достигалась просеиванием исходного сырья. Дробление применялось, по-видимому, довольно редко — незначительное число керамических шлифов дает примеры резкоостроугольных, расколотых зерен.

Таким образом, минералогический состав и структурные особенности неорганической отощающей примеси в керамике Приморья, Сахалина и Приамурья непосредственно связаны с геологической спецификой регионов, с их сырьевыми условиями. Достаточно детально исследованные материалы Приморья и Сахалина позволяют сделать следующий вывод: если состав и структура неорганического отощителя не являются для этих регионов признаками, несущими ярко выраженную культурную нагрузку, то в текстуре примеси культурная специфика проступает более отчетливо.

*Петрографические определения проведены Б. Л. Залищаком, А. В. Гребенщиковым, И. С. Жуцким.

Краткий обзор, полученных в результате бинокулярных и петрографических исследований археологической керамики юга Дальнего Востока, свидетельствует о существовании в древнем гончарстве этой обширной территории видового разнообразия в технологии формовочных масс. В этом разнообразии проявляются региональные, временные и культурные особенности развития традиций керамического производства. Но степень изученности материалов отдельных регионов пока не одинакова, и мы не располагаем целостным представлением о технологической динамике формовочных масс керамики первобытных культур юга Дальнего Востока. Продолжение работ в данном направлении позволит восполнить сегодняшние информативные пробелы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 84—111; Сайко Э. В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982. С. 53—90; Шепард А. О. Керамика для археолога. Вашингтон, 1965. С. 130—135 (на англ. яз.).

² Круг О. Ю., Четвериков С. Д. Опыт применения петрографических методов в археологии // Советская археология. 1961. № 3. С. 34—44; Сайко Э. В. Техника и технология... С. 53—90. Шепард А. О. Начало керамического производства Оксака Мехико. Вашингтон, 1963 (на англ. яз.); Маджетти М. Фазовый анализ и его значение для технологии и генезиса // Археологическая керамика. Вашингтон, 1982. С. 121—131 (на англ. яз.).

³ Фулфорд М. Г., Пикок Д. П. С. Керамика и другие керамические изделия поселения. Шеффилд, 1984. С. 6—28 (на англ. яз.). Буко А. Проблемы и исследовательские направления в определении происхождения керамики // Всемирная археология. 1984. Т. 5. № 3. С. 348—365 (на англ. яз.).

⁴ Жущиховская И. С., Залищак Б. Л. Петрографический метод в изучении древней керамики (на материале неолитических—средневековых культур Приморья) // Методы естественных наук в археологическом изучении древних производств на Дальнем Востоке СССР. Владивосток, 1986. С. 55—68; Жущиховская И. С. Сыревой фактор и традиции керамического производства древних культур юга Даль-

nego Востока // Стратиграфия и корреляция четвертичных отложений Азии и Тихоокеанского региона: Тез. докл. Владивосток, 1988. Т. 1. С. 119—120.

⁵ Жущиховская И. С., Залищак Б. Л. Петрографический метод... Бетанкорт Ф. Р. Восточно-критская черная керамика с белым декором. Филадельфия, 1984. С. 52—66, 118—125 (на англ. яз.); Маджетти М. Фазовый анализ...; Шепард А. О. Начало керамического производства...

⁶ Кузнецов А. М. и др. Стратиграфия и хронология докерамических памятников Юго-Западного Приморья // Стратиграфия и корреляция четвертичных отложений Азии и Тихоокеанского региона: Тез. докл. Владивосток, 1988. Т. 1. С. 123—125.

⁷ Шубина О. А., Жущиховская И. С. К вопросу о выделении локальных культур в неолите Северного Сахалина (по материалам керамических традиций) // XXVII съезд КПСС и задачи музеиного строительства в Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1986. С. 16—18.

⁸ По данным геологических отчетов из фондов П/О «Сахалингеология» (г. Южно-Сахалинск).

⁹ Василевский А. А., Жущиховская И. С., Плотников Н. В. Комплексные исследования на поселении Стародубское-III (юго-восточный Сахалин) // Древние культуры Дальнего Востока СССР (Археологический поиск). Препринт. Владивосток, 1989. С. 36—42.

¹⁰ Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы... С. 84—99.

¹¹ Сайко Э. В. Техника и технология... С. 71—90; Цетлин Ю. Б. Опыт изучения демографии населения эпохи неолита (по данным технологического анализа керамики) // Естественные науки и археология в изучении древних производств. М.: Наука, 1982. С. 107—115; Рейд К. С. Огонь и лед: новые данные по производству и сохранению керамики с органикой в средних и низких широтах // Американские древности. 1984. Т. 49. № 1. С. 55—76 (на англ. яз.).

¹² Шубина О. А. Жилища имчинской неолитической культуры (Северный Сахалин). Препринт. Южно-Сахалинск, 1987.

¹³ Шубин В. О., Шубина О. А., Горбунов С. В. Неолитическая культура на Южном Сахалине. Препринт. Южно-Сахалинск, 1982; Голубев В. А., Жущиховская И. С. Неолитическая культура Южного Сахалина в свете анализа керамических комплексов // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1987. С. 25—33.

¹⁴ Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы... С. 84—111.

¹⁵ Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы... С. 99—111; Цетлин Ю. Б. Опыт изучения...

¹⁶ Жущиховская И. С., Шубина О. А. Периодизация имчинской

неолитической культуры в свете анализа керамической традиции
|| Новые материалы по первобытной археологии юга Дальнего Востока. Владивосток, 1987. С. 7—11.

18 Голубев В. А., Жущиховская И. С. Неолитическая культура..

19 Василевский А. А., Жущиховская И. С. Предрефлянка — новый памятник сахалинского неолита || Новейшие исследования памятников первобытной эпохи на юге Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1988. С. 26—37.

20 Жущиховская И. С., Залищак Б. Л. Петрографический метод..

21 Мыльникова Л. Н. Гончарные традиции в неолитической керамике поселения Сучу || Технология древних производств Дальнего Востока. Владивосток, 1988. С. 10—13.

22 Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы.. С. 84—111.

23 Жущиховская И. С. Сырьевой фактор и традиции...

24 Рэй О. С. Традиционная гончарная техника Пакистана. Вашингтон, 1976. С. 8—20 (на англ. яз.).

25 Жущиховская И. С., Залищак Б. Л. Петрографический метод..

А. Г. Глушков

О КЛАССИФИКАЦИОННОЙ ЗНАЧИМОСТИ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ

Для реконструкции конкретных историко-культурных процессов, выявления их общих направлений и особенностей объективно встает задача количественного и качественного сопоставления комплексов целого ряда археологических памятников. Для массового археологического материала — керамики — в качестве наиболее информативного признака выбирается орнамент, реже — форма сосуда. При дальнейшей процедуре анализа задача сводится к проблеме диагностики признаков-индикаторов (критериев), посредством которых должна реализоваться возможность краткого и емкого описания и сравнения исследуемых комплексов. В практике это осуществляется самыми различными методами.

Наиболее традиционной и часто применяемой является методика визуально-ассоциативной оценки. Она не требует достаточного обоснования того или иного признака, так же как и определения всего списка признаков. Сопоставления проводятся без количественных оценок, словесного указания на важность выбранных орнаментальных мотивов, с простой фиксацией схожих орнаментов в исследуемых комплексах. Поэтому выводы, полученные при помощи данной методики, зависят в большей степени от интуиции и эрудиции исследователя и представляют собой не доказательство, а «общее впечатление от материала». Другой формой визуально-ассоциативного исследования является интуитивный отбор из общего числа признаков, тех, которые, по мнению исследователя, обладают наибольшей значимостью.¹ Объективные критерии такого отбора отсутствуют, что вызывает разногласия в интерпретации одного и того же источника.

Не умаляя значения интуиции в исследовании, необходимо отметить общую слабость визуально-ассоциативного анализа, заключающуюся в отсутствии верификации исследования, несравнимости его результатов, методически слабой и фрагментарной подачей источника. Вместе с тем, эта методика позволяет видеть стратегические линии культурной эволюции на широких территориях; для нее не обязательна массовость источника, она дает картину культурно-исторического развития в самом общем виде, в первом приближении.

Другой способ значимости признаков предполагает использование количественных (процентных) характеристик при сопоставлении керамических комплексов. Значимость орнаментального признака в этом случае определяется через его массовость. Чем чаще встречается тот или иной орнаментальный мотив, тем большей статистической значимостью он обладает. Сравнение процентного соотношения орнаментальных мотивов с наибольшей частотой позволяет определить степень сходства или различия памятников (пример: метод Робинсона).² Помимо бесспорных достоинств, этот метод имеет слабые стороны. Не всякий признак (в данном случае орнаментальный) статистически значим. Показательный пример приведен в статье Я. А. Шера об андроновском орнаменте. Меандровый узор, несмотря на относительно малую частоту встречаемости, более диагностичен по сравнению с горизонтальными желобами.³ Массовость и значимость как свойства материала были продемонстрированы Г. А. Федоровым-Давыдовым в примере со средневековыми бусами на уровне типа (разновидности). Массовый тип может быть как сильным, так и слабым, следовательно — значимым или незначимым. По мнению Г. А. Федорова-Давыдова, «статистическое вычленение типа из разновидности не может быть понято как фиксирование простой массовости».⁴

Орнаментальные массовые признаки могут иметь эпохальный, региональный и культурный характер, но не обладать определяющими свойствами. Поэтому в практике археологического исследования коэффициенты сходства орнаментальных комплексов могут быть большими, хотя в содержательном плане близость сравниваемых памятников невелика. Это объясняется значительной долей массовых незначимых признаков, в результате чего полученные коэффициенты, обладая большой погрешностью, с трудом поддаются интерпретации.

Еще одним способом определения значимости признаков является оценка неслучайности распределения значений признака через χ^2 или любой критерий проверки статистических гипотез.⁵ Наиболее перспективно использование этих критериев для изучения количественных признаков. Для качественных — орнаментальных признаков применение χ^2 сопряжено с определенными сложностями фиксации значений признака. На одном орнаментальном поле может быть несколько

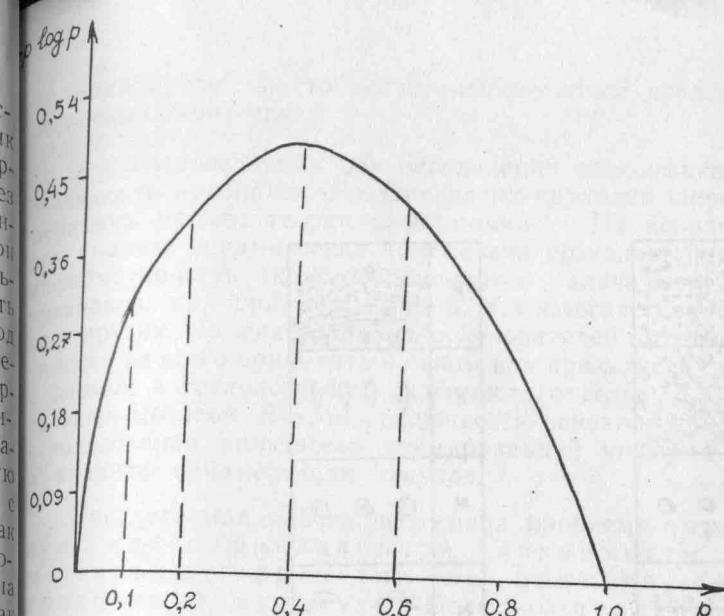

Рис. 1. ГРАФИК ФУНКЦИИ $-\rho \log \rho$

З	
и	
Л	
М	
Н	
0	
п	
р.	
т	
ч	
φ	

Рис. 4. ОРНАМЕНТАЛЬНЫЙ КОД КЕРАМИКИ

<i>a</i>		<i>K</i>	
<i>б</i>		<i>Л</i>	
<i>в</i>		<i>М</i>	
<i>г</i>		<i>Н</i>	
<i>д</i>		<i>О</i>	
<i>е</i>		<i>П</i>	
<i>ж</i>		<i>Р</i>	
<i>з</i>		<i>С</i>	
<i>и</i>			

Рис. 2. Орнаментальный код керамики
поселения Саранин II.

значений признака, что делает невозможным использование оценочных критерий.

В последнее время для определения классификационной значимости признаков и построения их иерархии широко применяются методы теории информации.⁶ Их использование при анализе керамических комплексов позволяет определить информативность (классификационную значимость) таких признаков, как орнамент, форма, технологическая обработка и других. Но, как правило, исследователей интересует значимость не всего орнамента в целом как признака, в сравнении с формой и технологией, а значимость отдельных орнаментальных мотивов. В этом заключается основная трудность в использовании показателя нормированной информативности в анализе орнаментации сосудов.

Предлагаемая работа посвящена проблеме определения классификационной значимости орнаментальных признаков на примере сосудов кротовской культуры. Цель — определить значимость каждого орнаментального мотива, и поэтому первостепенной задачей является выбор категории признака, т. е. формы, в которой он может быть представлен с сохранением отдельных значений внутри признака. Например, нельзя взять за признак сам мотив («ямки»), т. к. у него отсутствуют разновидности (значения признака): все ямки, в основном, круглые, глубокие и ничем не различаются. Не может служить признаком схема мотива (косопоставленные отпечатки или зигзаг), т. к. особый интерес вызывает и техника их нанесения. С другой стороны, техника декора также не является признаком для поставленной цели, т. к. не учитывает орнаментальную схему.

Вместе с тем, любой орнаментальный мотив на сосуде сочетается с самыми различными узорами (мотивами). Он каким-то образом сопряжен с ними. Причем, с одними из них эти сочетания чаще, с другим — реже. Таким образом, в орнаментальной схеме присутствует какое-то типобразующее начало, связанное с различной значимостью орнаментов относительно друг друга, следовательно, и всей композиции. Поэтому за признак, на наш взгляд, целесообразно принять связь одного орнаментального мотива с остальными. В этом случае каждое конкретное сочетание выбранного мотива с другими будет являться отдель-

ным значением признака. Варианты в рамках признака разпределены, как правило, неравномерно, что означает наличие управления в орнаментальной схеме. Чем больше неравномерность, тем больше типообразующие качества признака, следовательно, тем больше его значимость для всего комплекса орнаментации.

Информацию о неравномерности орнаментальных признаков можно получить, используя понятия теории информации — энтропию ( ), как меру неопределенности и разнообразия исходов опытов, и избыточности — как меру предопределенности или закономерности, заложенной в

систему , где — общее коли-

чество значений признака). Чем больше величина избыточности (в определенных пределах), тем больше вероятности получения ожидаемого результата.

Здесь необходимо разобрать некоторые частные случаи зависимости величины энтропии от значений вероятности. Для этого рассмотрим график функции — , $0 < p < 1$ (рис. 1).

При $p < 0,1$ величина растет очень быстро. Следовательно, в этой области части графика небольшому уменьшению вероятности ( ) соответствует значительное уменьшение слагаемого в выражении).

В практике расчета энтропии слагаемые, отвечающие малым значениям вероятности p ($p < 0,1$) можно без большой погрешности опустить. В области графика $0,2 < p < 0,6$, где

принимает максимальные величины и меняется очень слабо, даже значительное изменение вероятности не отразится на , а следовательно, и энтропия

В области $p > 0,6$ значения будут уменьшаться

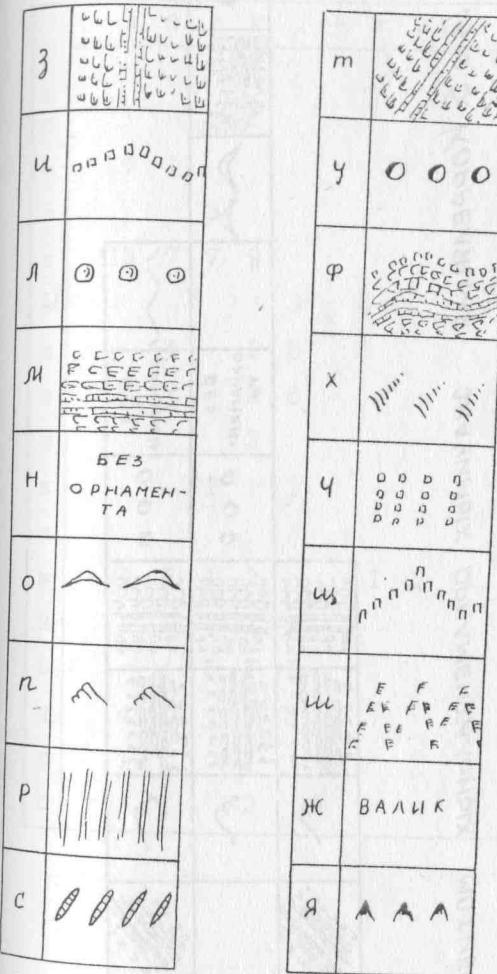

Рис. 3. Орнаментальный код керамики поселения Инберенъ .

Таблица I

Характеристика взаимовстречаемости орнаментальных мотивов керамики Саранина П.

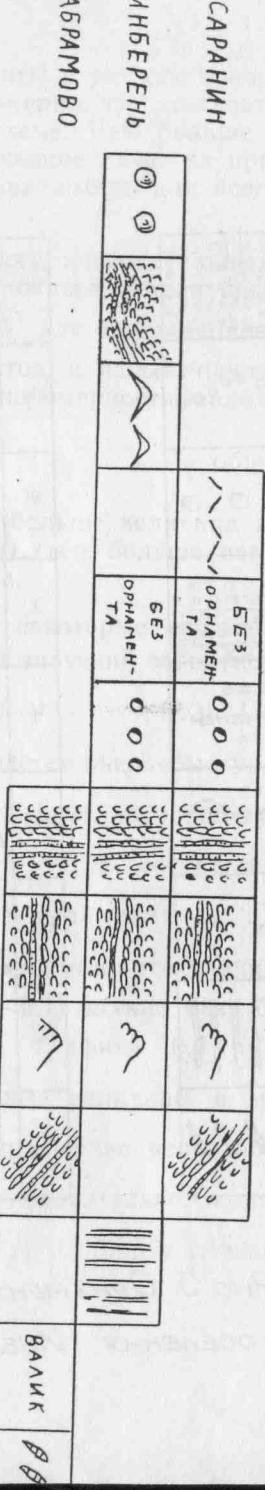

Рис. 3. Корреляция значимых орнаментальных мотивов, построенная по относительной хронологии.

Таблица 2

Характеристика взаимовстречаемости орнаментальных мотивов керамики

Инберень X

	з	и	л	м	н	о	п	р	с	т	у	Ӯ	х	и	щ
з															
и	II														
л	I3	2													
м	38	8	I3												
н	2		6	6											
о	I0		2	9	3										
п	7		I	5	I										
р		3	2	2											
с		I		I							3				
т	I	I		3						2	2				
у	I8	4		I5	2	8	4				I				
Ӯ	8	I	3	3		I					2	3			
х			I								I				
и											2				
щ		I		I							I				
ш												I			
ж			I	I							I				
я						I						I			

Таблица 3

Характеристика взаимовстречаемости орнаментальных мотивов на сосудах

поселения Абрамово 10

	з	и	к	л	м	н	о	п	р	т	у	ф
з												
и	I4											
к	2	2										
л	2	4	I									
м	3	I3	3	4								
н	3	9	2	2	8							
о	2	3	I			I	2					
п	I	2			4	2	I					
р	I	I		I	3	2	I					
т		I		I								
у			I			I						
ф							I					

Таблица 4

Характеристика орнаментальных мотивов сосудов Саранина II
с позиций неравномерности распределения их связей

	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	т	у	ф
H ₀	3,0	3,1	3,0	2,58	3,0	3,3	2,8	2,58	3,0	I	I	I							
H	2,34	2,49	2,58	2,3	2,61	2,88	2,23	2,32	2,85	I	I	0							
R	0,22	0,20	0,05	0,II	0,13	0,13	0,20	0,10	0,05	0	0	I							

Характеристика орнаментальных мотивов
сосудов Абрамово I0 с позиций неравномер-
ности распределения их связей

	з	и	к	л	м	н	о	п	р	т	у	ф
H ₀	3,0	3,1	3,0	2,58	3,0	3,3	2,8	2,58	3,0	I	I	I
H	2,34	2,49	2,58	2,3	2,61	2,88	2,23	2,32	2,85	I	I	0
R	0,22	0,20	0,05	0,II	0,13	0,13	0,20	0,10	0,05	0	0	I

Таблица 5

Характеристика орнаментальных мотивов сосудов Инберени X с позиций неравномерности распределения их связей

	з	и	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ч	щ	ш	ж	я
H_0	3,1	3,0	3,1	3,7	3,1	2,58	2,32	2,32	2,0	3,0	3,4	2,8	1	1	1	1	1	1
H	2,67	2,08	2,41	2,94	2,74	2,22	1,98	1,97	1,84	2,86	2,75	2,46	1	0,91	1	1	1	1
R	0,14	0,3	0,22	0,21	0,12	0,14	0,15	0,15	0,08	0,05	0,20	0,13	0	0,09	0	0	0	0

ими также можно пренебречь.

Таким образом, в одном случае, при $p < 0,1$ ( ), рассматриваются редкие, единичные значения, не определяющие структуру признака текста и т. п. Во втором случае, при $p > 0,6$ ( ), значения признака встречаются настолько часто, что не определяют другие признаки. Поэтому нас будут интересовать признаки со средним значением избыточности, которые определяют наиболее важные изменения в типе орнаментальной схемы. Это положение очень важно в связи с тем, что позволяет ввести естественные границы для величины избыточности. Выбирая из общего количества вероятностей признака значения, где $0,2 < p < 0,6$ и опуская остальные вероятности, мы получим признаки, входящие по значению в число наиболее информативных.

Более подробно рассмотрим этот прием на примере керамических комплексов кротовской культуры Обь-Иртышья. Для статистической обработки взята керамика с поселений Саранин II (70 горловин); Инберень X (87 горловин); Абрамово 10 (70 горловин). На сосудах учитывался только орнамент горловии в связи с тем, что орнаментация туловьев очень однообразна—горизонтальные и волнистые ряды движущейся гребенки. Для сосудов каждого памятника составлялся список признаков (рис. 2—4), где каждый орнаментальный мотив получил буквенные индексы. Орнамент записывался буквами на отдельных карточках, а затем двухбуквенные сочетания заносились в матричную таблицу (табл. 1, 2, 3). Для каждой буквы определялись вероятность, энтропия, максимальная энтропия и избыточность (табл. 4, 5, 6). Малые ($p < 0,1$) и большие ($p > 0,6$) значения вероятностей были опущены.

Таким образом, для Саранина II оказались значимыми: вертикальные и наклонные ряды движущейся гребенки, отиск уголка гребенчатого штампа, ямки, гребенчатый и резной зигзаги и т. д. (рис. 5); для Инберени X — жемчужины, почерки гребенчатого штампа, горизонтальные ряды движущейся гребенки, а также мотивы, характерные и для керамики Саранина II (рис. 5). В орнаментальном комплексе поселения Абрамово 10 наибольшей статистической значимостью обладают: вертикальные, горизонтальные и наклонные

ряды движущейся гребенки, оттиски уголка штампа, косопоставленные гребенчатые оттиски и косопоставленные защищ.

Для всех тех орнаментальных комплексов об щим являются вертикальные ряды движущейся гребенки и оттиски уголка гребенчатого штампа. Эти мотивы составляют ядро кротовской орнаментальной схемы, ее основной диагностический признак. Остальные мотивы, значимые для отдельных памятников, могут обладать как хронологической, так и кульминационной характеристикой. Разместив проанализированные памятники по относительной хронологической шкале, можно с большой вероятностью предположить, что валик, косопоставленные оттиски гребенчатого штампа, защищ (Абрамово) — мотивы, появляющиеся на поздних этапах существования кротовской культуры.

Использование сокращенного списка признаков, с учетом только статистически значимых мотивов сопоставленных комплексов, позволяет получить наиболее чистые коэффициенты сходства двух памятников. В качестве примера (опуская расчеты) можно привести коэффициенты близости

( ) орнаментальных комплексов Абрамово 10 и Иберени X, сходство по полному списку признаков $K=0,42$; по списку значимых признаков $K=0,68$. Таким образом, 26 % составляют признаки — «помехи». С содержательной точки зрения 26% «шума» включают, очевидно, индивидуальные признаки, характерные только для посуды отдельного поселения. Эта методика была опробована также на позднем бронзовом памятнике Сузгун II, где список признаков был сокращен с 32 до 8 значений.

Предложенная методика может быть использована не только для определения статистической значимости орнаментальных мотивов, но и анализа орнаментальных зон. Выбор признаков при этом зависит от целей и задач исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Робинсон В. С. Метод хронологического упорядочения археологических комплексов // Американские древности. 1951. Т. 16. № 4 (на англ. яз.).
- 2 Дешай Ж. Субъективные точки зрения на построение одной типологии // Археология и ЭВМ. Париж. 1970 (на француз. яз.).
- 3 Шер Я. А. Интуиция и логика в археологии // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 11.
- 4 Федоров-Давыдов Г. А. Археологическая типология и процесс типообразования (на примере средневековых бус) // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981. С. 285—286.

- 5 Холюшкин Ю. П. Проблема корреляции позднепалеолитических индустрий Сибири и Средней Азии. Новосибирск, 1981; Гинзбург Э. Х., Ранов В. А. О комплексном сравнении чопперов и чоппингов // Проблемы терминологии и анализа археологических источников. Иркутск, 1975; Сулайманов Р. Х. Статистическое изучение культуры Оби-Рахмат. Ташкент, 1972.

- 6 Подольский Н. А. Об оценке классификационной значимости признаков // Тез. докл. на сессии, посв. итогам полевых исслед. 1971 года. М., 1972. С. 395—398; Холюшкин Ю. П., Холюшкина В. А. Об оценке классификационной значимости признаков галечных орудий Самаркандской стоянки II // Новое в археологии Сибири и Дальнего востока. Новосибирск, 1979, С. 40—51; Федоров-Давыдов Г. А. Указ. раб.

СТЕРЕОРЕНТГЕНОГРАММЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ ГОНЧАРНОГО КРУГА РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ

Расширение и усложнение решаемых в археологии проблем культурно-исторического процесса, в частности, в области изучения технико-технологических аспектов развития древних производств, обуславливает актуальность поиска новых, обеспечивающих более глубокую информацию средств приемов анализа объектов материальной культуры. В этом плане разрешающие способности рентгеновских лучей обеспечивают возможности их широкого использования при изучении археологических памятников, в решении многих конкретных проблем и вопросов и прежде всего технических аспектов развития производственной деятельности, определяющей видов — металлообрабатывающего и керамического производства.

В практике изучения керамического производства нашли применение почти все виды рентгеновского анализа: рентгеновский дифракционный (структурный), применяемый при выявлении структурного состава,¹ в частности древних силикатов и установлении температуры обжига керамических изделий на основе фиксации новых минеральных фаз, возникающих при нагревании глиняного материала процессе обжига,² рентгено-спектральный, используемый, например, при изучении глазурей и красителей керамики,³ рентгеновская фотограмметрия. Основная сфера применения рентгеновских лучей в последнем случае — это установление внутренней структуры изделий, их составных компонентов, решение задач дефектоскопии и т. д. Характеристика выше названных методов, их применение в археологии, в том числе соответствующих методик, используемых в конкретных исследованиях археологических памятников, уже были освещены.⁴ Специальному рассмотрению подвергались, в частности, вводимые автором модели реконструкции характеристических данных техники формовки на основе рентгенографического анализа.

При изучении техники формовки как важнейшего звена технологического процесса изготовления керамики можно

качестве основных выделить два класса задач: 1) установление специфики приемов, характеризующих культурные и этнографические особенности производства керамики и 2) целенаправленный поиск критериев дифференциации условий и принципов формовки изделий, определяющих технический уровень производства и его экономический статус. В данном случае речь идет об обосновании целесообразности введения нового метода рентгенографического исследования, не только углубляющего и уточняющего аналитические возможности реконструкции технических условий формовки на базе рентгеновских лучей, но и позволяющего проектировать новые направления исследования в этом плане с достаточно большой степенью научной доказательности.

При изучении техники формовки древних изделий особенно актуальными становятся, во-первых, вопросы определения принципов формовки — лепные или изготовленные на круге, поскольку в ряде случаев установить это на глаз (даже при значительных увеличениях с помощью бинокулярного микроскопа) практически не представляется возможным. Во-вторых, приобретают большое значение показатели, характеризующие условия формовки гончарных сосудов на круге и особенности его использования.

Характеристика круга, как особого средства производства, его технических возможностей и принципов действия, имеет важное значение и прежде всего в определении уровня организации производства. Освоение круга, как известно, исторически связано с глубокими преобразованиями в жизнедеятельности общества и выступает как результат и составная часть этих преобразований в их технической сфере. Сего появлением распространяются новые формы и виды керамических изделий, значительно расширяется объем продукции и изменяется характер функционирования керамического производства в древнем обществе.

Введение гончарного круга как особого технического средства было обусловлено необходимостью (в условиях комплекса фиксируемых общепроизводственных и социальных изменений) и в то же время обеспечивало возможность новых форм организации труда. Его появление определило резкое увеличение производительности труда в одном из наиболее распространенных и развитых в древности видов производственной деятельности. Это достаточно четко и устойчиво про-

является в самом состоянии керамического производства — период его первоначального освоения в IV—III тыс. до н. э. на территории всего Ближнего Востока и Средней Азии. По этому практически единодушно его введение определяется как конкретное проявление технического прогресса. Но реальная оценка в этом плане гончарного круга как особого средства производства может быть осуществлена лишь при глубоком осмыслении содержания его преобразующего воздействия, технически обеспечивающего возможности изменения производственных норм и условий организации труда. И такая оценка имеет принципиальное значение в понимании смысла введения гончарного круга.

Вопрос о необходимости четкого разграничения в этом плане принципов работы гончарного круга, как специфического инструмента, который связывается с изменением технико-производственных условий формовки на уровне общезначимого технического прогресса, и всех без исключения типов видов используемых при формовке приспособлений, включая так называемые поворачивающиеся подставки, круг медленного вращения и т. д. поднимался автором неоднократно.

Исходным в решении этой проблемы для автора является утверждение, что реальный выигрыш в работе и установление исторически нового технического уровня в процессе изготовления гончарных изделий могли быть осуществлены лишь при коренном изменении принципов их формовки.

Изначально необходимым моментом рождения гончарного круга как средства производства являлась определенная, достаточно большая скорость движения основы (в то время как главной тенденцией его прогрессивного развития выступала не скорость, а ровность, в том числе длительное сохранение ровности вращения), обеспечивающая новые условия конструирования (а не просто отработки поверхности и более качественного выделывания емкости изделий, что уже «предусматривается» в работе различного рода поворачивающихся подставок) сосудов. Последнее связывалось с активным состоянием, движением самой глиняной массы, в чем и заключался своего рода «технологический скачок», определивший «начало» гончарного круга. Критерием разделения кругового и докругового производства посуды стали выра-

ботанные в процессе целенаправленного исследования глиняного материала археологических и экспериментальных образцов признаки, относящиеся к принципиально различному положению моделируемой глины при формовке сосудов ручным способом и на круге. Глиняная масса лепных изделий находится в статичном состоянии, предполагая лишь определенную, достаточно характерную деформацию при отсутствии следов ее самостоятельного движения. При изготовлении сосуда на круге формуемая масса сама находится в состоянии движения, задаваемом вращением гончарного круга и как бы «участвует» в моделировании сосуда. Это движение соответствующим образом отчетливо фиксируется на рентгеновских снимках. Возможности формуемости глиняных масс и деформации сдвига здесь разные.

Известно, что сам процесс формовки основан на способности глиняной массы приобретать задаваемую форму, обеспечиваемой таким ее качеством, как пластичность. Пластичность связана с поведением материала в условиях давления, но характеризуется в основном сопротивлением его деформации сдвига. Это означает, что определенные тонкодисперсные массы под давлением, осуществляемым при формовке, способны изменять свое первоначальное положение, приобретая устойчивое другое, т. е. «развивать деформацию сдвига без разрыва сплошности самой массы». Пластичность глиняной массы во многом определяет ее формуемость.

Однако, формуемость, предполагающая способность концентрированной пластичной массы принимать любую заданную форму в условиях сжатия со сдвигом, без нарушения сплошности и дислокации первоначальной структуры, хотя, безусловно, и зависит от пластичности, но не равноценно ей. Реальный учет этого момента четко прослеживается, в частности, в различии принципа подбора глиняных масс для изготовления изделий в разной технике формовки — на круге или лепным способом, что устанавливается: а) по этнографическим данным, б) по восстановляемой специальными методами исследования качественной характеристике глин разных по технике древних изделий, в) по современным нормам подбора формуемого пластичного материала. То есть, между пластичностью, формуемостью глин и техникой изготовления изделий существуют сложные зависимости, реализуемые и в практической деятельности древних мастеров,

Как показывают специальные исследования, лепные изделия изготавливались в основном из более плотных (по отношению к массам круговых изделий), высокопластичных глиняных масс. Именно высокая пластичность масс обеспечивала возможности изменения материала, его деформацию в неподвижном внутреннем состоянии. Однако устойчивость ее измененного состояния, реальное сохранение кривой сосуда обеспечивались, как правило, специальным технологическим приемом обработки такой массы, ее отощением. Качество отощителя использовался сортированный (часто крупнозернистый) инертный материал: кварц, карбонат, шамот или органическая примесь. Именно такого типа глиняные массы обладали достаточно большим интервалом формности, обеспечивающим лепной способ их моделирования. Для пластичных глин с инертным отощителем деформация сдвига нарастает медленно. Глиняная масса изделий, выплавленных из такой глины, на рентгенограммах имеет совершенно определенный вид. Это плотные массы с неупорядоченным расположением включений отщающей примеси и разнонаправленностью характерных пор.

Иначе проявляют себя глиняные массы изделий, изготовленных на круге. К глинам, используемым для формовки на круге, предъявлялись другие требования. Прежде всего они должны были обладать соответствующими качествами, обеспечивающими их повышенную динамичность, возможность приведения их во вращательное движение, совершающееся по законам вращения пластичных масс. Рентгеновские снимки достаточно хорошо фиксируют принципиальные отличия масс изделий, изготовленных на круге, от лепной керамики. По ним устанавливаются реальные показатели динамичности. В качестве таких, четко фиксируемых показателей степени динамичности глиняных масс, выступает характер уплотнения и распределения массы, ориентация пор и отщающего материала в основной формовой массе. Наличие такой определенной направленной ориентации пор и отщающей примеси может служить показателем соответствующих условий формования древних сосудов — изготовления их на круге.

Этот принцип определения былложен, в частности, основу дифференциации керамики по технике (лепная и на круге) формовки из комплексов разных раннеземледельческих памятников и установления возможности использо-

вания гончарного круга в конкретных обществах, а значит, восстановления технико-производственного уровня последних. Такого типа исследования на базе использования рентгенографии были проведены при изучении керамического материала раннеземледельческих памятников Южного Туркменистана с целью выявления условий формовки и их изменения на протяжении V—III тыс. до н. э., в том числе в плане определения времени введения гончарного круга и его рабочих возможностей. Рентгенографический анализ был применен и при изучении керамики трипольских памятников разного времени и прежде всего позднего периода культуры Триполье-Кукутени для установления возможностей использования здесь гончарного круга (именно как особого, отличного от разного рода вращающихся приспособлений, средства производства).

Конкретная направленность данной работы позволяет не останавливаться на полной характеристике полученных в этом плане данных, что является предметом рассмотрения специальных работ.⁶ В данном случае необходимо лишь отметить следующие, представляющие интерес в заданном плане, моменты. При всем различии «рентгеновского рисунка» исследуемых (в плане определения условий формовки) изделий памятников разной культурно-хронологической принадлежности намечается общая тенденция в организации внутренней структуры их массы и, что особенно важно — в расположении пор и отщающей примеси: беспорядочном в одном случае (при возможной локальной ориентировке на общем фоне разнонаправленности) и четко ориентированном, под определенным углом — в другом.

Первый вариант состояния керамики, фиксируемого на рентгеновских снимках, связан (как показали, в частности, экспериментальные данные) с лепной техникой, второй — с формовкой на круге. Такие признаки послужили доказательством для утверждения о применении гончарного круга в производстве изделий южнотуркменистанских памятников периода Намазга V (последняя четверть III тыс. до н. э.), что в принципе считается признанным. В то же время для специально изучаемой «сомнительной» по технике формовки группы керамики периода Намазга IV (даже для более поздней его фазы) характерные показатели круговой формовки,

в том числе соответствующей ориентации пор непластичных частиц, всей массы, не отмечается. Слабая же ориентация пор, прослеживаемая для нескольких фрагментов (при том, что далеко не самых качественных) изделий позднего Намазга IV, не является характерной для всего комплекса, и вся внутренняя структурная организация глиняной массы этих конкретных образцов отлична от глин более позднего периода.

Граница введения гончарного круга в областях Юго-Западного Туркменистана, очевидно, приходится на переходный период между Намазга IV—Намазга V, но во всех случаях она была достаточно жесткой. Образцы изделий Намазга V значительно отличаются в своем «рентгеновском рисунке» от образцов керамики предшествующего периода. Необходимо отметить, что петрографические анализы глиняных масс изделий ряда памятников этого времени (Алтын-депе Намазга-депе и др.), проведенные автором, позволили не только определить минералогические особенности, но и уловить различия, во-первых, «технических типов» (включающих новый подбор сырья и приемы отождествления) для периода Намазга V и предшествующего; во-вторых, физического состояния этих масс, в частности, за счет соответствующей ориентации характерных включений отошающей примеси для круговых сосудов.

В плане установления условий формовки рассматриваемым методом показательны рентгенографические анализы трипольской керамики. В данном случае важным представляется тот факт, что для исследуемой группы позднетрипольских изделий, в частности, Костешты IX и Брынзены III, находящихся в одном из наиболее развитых районов расселения трипольских племен, на рентгеновских снимках не было обнаружено характерных следов ориентации пор и отошающей примеси, характеризующих вращение глиняной массы.

Рентгенографические исследования (снимки и просвечивание) при разработке соответствующих методик, в том числе на основе анализа экспериментальных образцов, специальных наблюдений вращающихся масс и выделении основных и вариантовых схем, обеспечивают возможности более сложных, в том числе сравнительных, исследований

древней керамики. Так, сравнительный анализ рентгеновских снимков фрагментов изделий разных южнотуркменских памятников эпохи бронзы, выполненных на круге, выявил разный характер расположения отошающей примеси и пор для разных сосудов разных размеров и форм (рис. 1). Это определило возможность постановки вопроса, с одной стороны, о дифференциации условий изготовления южнотуркменистанских изделий, касающихся как индивидуальных рабочих особенностей, «почерка» мастеров, так и эволюционных хронологических изменений в производстве; с другой — о разных рабочих возможностях гончарного круга (в частности, большей или меньшей скорости его вращения, ровности, поскольку увеличение скорости вращения, как показали снимки экспериментальных бразцов, при прочих равных условиях обеспечивает разный угол наклона частиц, а, следовательно, и преобладающей ориентации пор), о разных приемах, применимых при формовке разных изделий, в частности, мастерами Алтын-депе и Намазга-депе.

Однако, одновременно встали задачи чисто методического плана. Накопление данных рентгенографического исследования позволило отметить на некоторых снимках в определенных участках разнонаправленные по отношению к основной массе ориентированных следов поры, смещения следов и т. д. Перед автором встали, таким образом, вопросы о сходстве и различии характера внутриструктурной организации глиняной массы на рентгеновском снимке при моделировании сосуда на круге и только выпрямленного на нем при быстром вращении. Встала задача поиска средств построения геометрической модели различия следов поверхностной обработки и формовки внутренней структуры в ее объемном решении.

Многочисленные опыты по исследованию особенностей вращения пластичных вязких и жидких масс (с различного рода наполнителем) при разных скоростях работы гончарного круга и с разным запасом цирционного движения и изучение вариантов дислокации глиняной массы, движущейся на нем, позволили установить сложные и многоплановые зависимости характера расположения наполнителя от пластичности, вязкости опытных, в том числе глиняных масс образцов, размеров, формы и веса отошающих частиц, а также скорости движения круга и т. д. Именно эти экспериментальные данные позволили не только отработать определен-

ные, более точные рабочие схемы, необходимые для прочтения «рентгеновских рисунков» древних изделий, но и определить направленность поиска средств их правильного построения.

В этом плане перспективным представляется стереорентгенограмметрический метод анализа древних образцов. В основу конкретной разработки такого метода лег особый тенометрический способ стереорентгенограмметрической съемки, разработанной А. Н. Чернием.⁷ На основе главных принципов такой съемки и схем, построенных по данным рентгенографических исследований одиночных снимков, была отработана специальная методика стереорентгенограмметрического анализа образцов керамических изделий раннеземельческих памятников с соответствующим особенностям (в частности, плотности и т. д.) их масс режимом рентгенографии. В качестве основной задачи выступало построение геометрической модели внутренней структуры глиняной массы лепных и круговых изделий, а также выявление степени глубины и характера ориентации примеси и пор с целью дифференциации и определения особенностей условий формовки керамики разных раннеземельческих племен и установления критерия, определяющего достоверность использования ими гончарного круга. Смысль стереорентгенограмметрического анализа заключается, как известно, в том, что изучается не один, а два снятых с различных точек пространства рентгеновских снимка, так называемой стереопары, при помощи специального стереоскопического аппарата. Снимки эти осуществляются так, чтобы выполнялись определенные условия, соответствующие особенностям бинокулярного зрения. Одновременно с предметами исследования рентгенографируется специальный тест-объект. Измерение внутренней структуры предмета осуществляется по стереопаре снимков на стереокомпараторе с использованием изображения шкал тест-объекта. В данном случае конструкция тест-объекта определялась задачей исследования и спецификой анализируемого материала — керамики.

Стереоскопический анализ рентгеновского снимка создает возможность выявления характера распределения частиц отходящей примеси по всей глубине (толщине) черепка, всей видимой массы и в связи с этим установления реального угла их наклона (не по единичным зернам и группам пор,

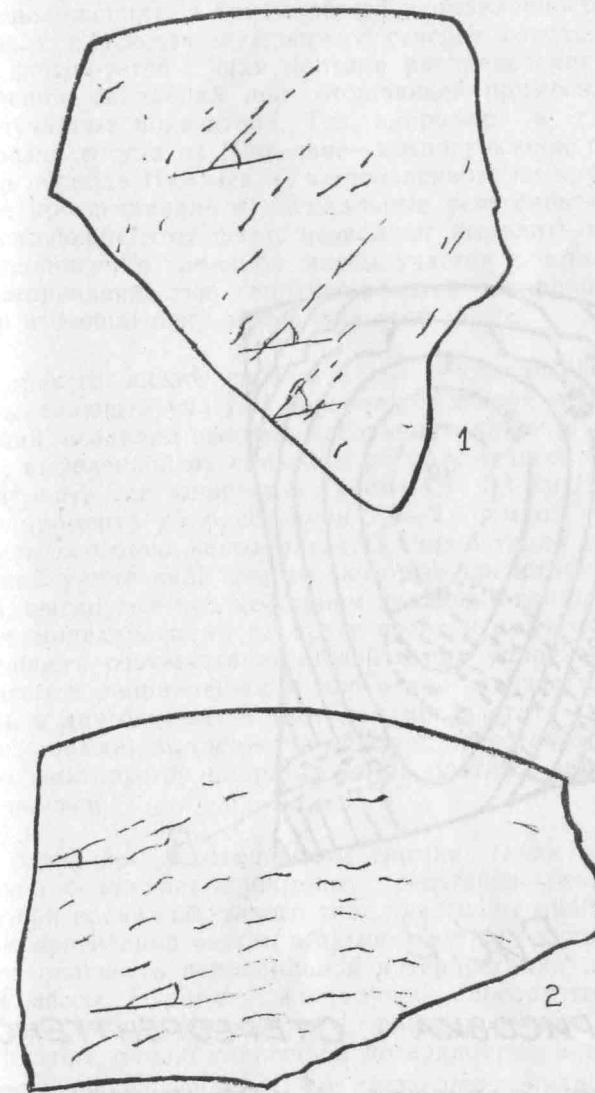

Рис. 1. УГОЛ И ХАРАКТЕР ОРИЕНТАЦИИ ГЛИНЯНЫХ МАСС КРУГОВЫХ ИЗДЕЛИЙ. 1 - ХАПУЗ - ДЕПЕ, 2 - НАМАЗГА - ДЕПЕ (ПЕРИОД НАМАЗГА V).

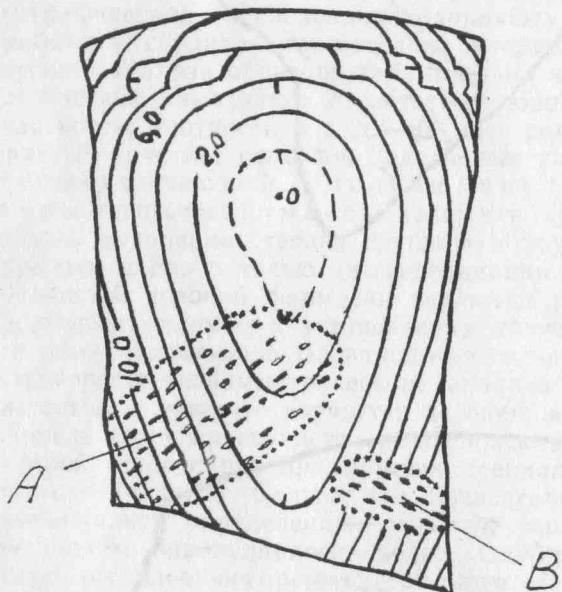

Рис. 2

Прорисовка стереорентгеновского снимка. А - ориентация внутренних пор и частиц; В - ориентация инородных частиц на внешней поверхности.

по всей совокупности их в исследуемом фрагменте и в объемном расположении), а также общей направленности их по отношению к плоскости поперечного сечения сосуда. Одновременно фиксируется общая картина распределения массы, ее уплотнений, скоплений пор, отошающей примеси, выделяются случайные показатели. Так, например, в глиняной массе образца сосуда из Шор-депе—южнотуркменистанского памятника периода Намазга V, изготовленного на круге, рентгеновское пребывание и специальные рентгеновские снимки, фиксирующие этот факт, позволяют выделить в общей схеме расположения глиняной массы участок с четко выраженной направленностью, противостоящей основной ориентации пор и отошащего материала всей массы.

Стереорентгеновский снимок с соответствующей диспацией, выделяющей участки разнонаправленной ориентации образований, позволил выявить следующую картину (рис. 2). В зоне А, выделенной на снимке и расположенной в нижней части фрагмента, где толщина его равна 4,8—5,1 мм (по вертикальному промеру) на расстоянии 1,8—2,3 мм от внешней поверхности особенно четко читается ориентация светлых образований удлиненной формы, которые представляют собой поры, вытянутые под действием движения глиняной массы при ее моделировании на круге вверх и под углом. Их направленность соответствует общей схеме уплотнений глиняной массы и направленности пор в других участках. В то же время, в другой зоне В (которая могла стать главной в одиночном снимке) вычленяется участок, на котором еще более резко фиксируется направленность плотных округло-вытянутых частиц.

При одиночном рентгеновском снимке такая ситуация значительно осложняет прочтение рентгеновского снимка, особенно при попадании такого типа участков с иной направленностью ориентации частиц в активную зону его просмотра. Возникает опасность неправильной интерпретации динамики глиняной массы. В данном же случае стереорентгенограмматический анализ показал, что ориентированные частицы в зоне связаны только с внешней поверхностью и не имеют отношения к общей ориентации и смещению глиняной массы при ее формовке. Скорее всего, эти плотные ориентированные частицы, проявившиеся на рентгеновском снимке, являются

результатом дополнительной обработки поверхности стенок при которой к стенкам пристали частицы песчанообразного материала.

Стереорентгенограмметрический анализ позволяет более точно устанавливать углы и линии направленности ориентации пор, отщающих частиц и характер смещения всей глиняной массы. Поэтому расширяются возможности дифференциации лепных и круговых изделий, что особенно важно при выделении первых круговых изделий и установлении времени освоения ранними земледельцами гончарного круга. Кроме того, этот метод, обладающий высокой степенью доказательности, обеспечивает постановку и решение проблемы определения условий работы гончарного круга в его исторической динамике и в конкретных условиях функционирования обществ, раннеземледельческих культур на основании анализа характера смещения пластичной массы полого вращающегося тела. Последнее особенно важно при изучении технической базы организации керамического производства раннеземледельческих обществ, в котором определение наличия и условий введения гончарного круга приобретает особый смысл.

Адамова Н. Ю.

МОДЕЛИРОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ СТОРОН ГОНЧАРНОЙ ТРАДИЦИИ (на материалах таежных памятников развитой бронзы)

За последние годы археологами Свердловска, Тюмени, Тобольска исследован ряд памятников, относящихся к раннему — развитому бронзовому веку, — могильник Сатыга-XVI, поселения Сайгатинское-VI, Геологическое-II, Пашкин Бор-I, Волвонча-I,¹ Ленино (верховья и среднее течение р. Конды), Чилимка-II² (низовья Конды). Не весь материал этих памятников введен в научный оборот.³

Керамика эпохи развитой бронзы таежной зоны Западной Сибири имеет довольно стандартный облик: закрытые банки или банки с прямыми стенками, иногда венчик чуть отгибается наружу, появляются слабопрофилированные формы; срез венчика прямой; сосуды орнаментированы печатной гребенкой, штамп крупный, короткий, «личиночный». В орнаментальной композиции уменьшается доля геометризма, характерного для эпохи энеолита—ранней бронзы, орнамент становится более монотонным: сплошное заполнение поля горизонтальными рядами гребенчатого штампа, чередующегося с рядами ямок, ромбической сеткой, штрихованными лентами, зигзагом. Несмотря на общие черты, керамика отдельных микrorайонов имеет локальные отличия. Выявить эти отличия в форме и орнаментальной схеме — тема отдельного исследования. В данной работе будет сделана попытка реконструкции технологического процесса производства посуды в бассейне р. Конды.

В работе при сопоставлении керамического материала мы остановимся на следующих признаках: способы конструирования тулов и начинов, обработка внешней и внутренней поверхности готовых форм.

Для определения способа формовки сосудов использовались выработанные путем экспериментального моделирования диагностирующие признаки внешнего рельефа и внутренней структуры.

Сосуды, как правило, формировались жгутами или неширокими лентами. Довольно часто стенки сосудов ломаются, обнажая спаи жгутов. Расслоение по слоям особен-

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Применение количественных методов в археологии. Нью-Йорк 1960 (на англ. яз.).

² Сайко Э. В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М. 1982.

³ Янг С. Анализ китайской синей и белой посуды. // Происхождение искусства. Т. II, 1956 (на англ. яз.).

⁴ Сайко Э. В. Рентгеновские лучи в археологии // Новое в применении физико-математических методов в археологии. М., 1979.

⁵ Фадеева В. С. Формуемость, пластичность масс. М., 1961.

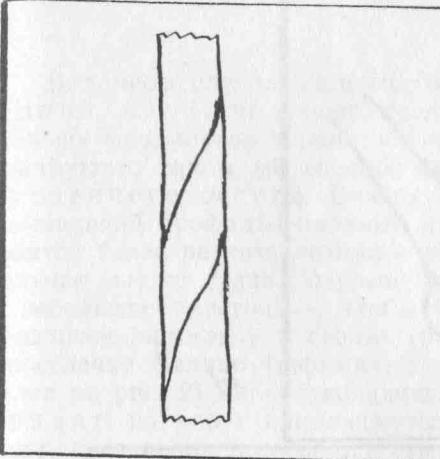
⁶ Сайко Э. В. К истории гончарного круга и развития форм керамики. Душанбе, 1971.

⁷ Черний А. Н., Музеус Л. А., Сайко Э. В. Рентгеновская фотограмметрия в археологии // Геодезия и картография. 1983. № 10.

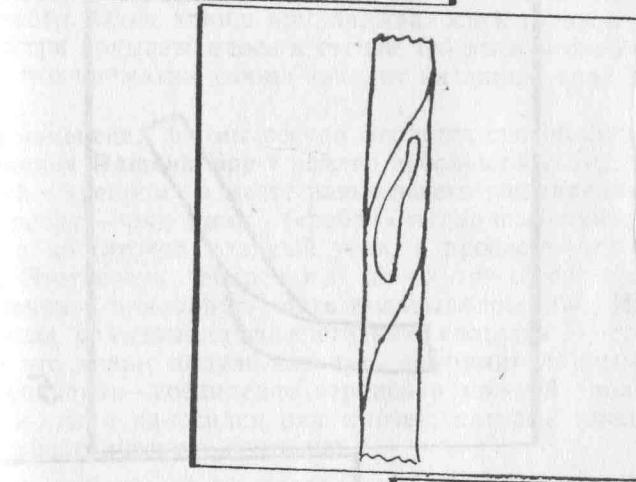
по характерно для керамики поселения Ленино. При толщине стенки 0,7—0,8 см ширина спая достигает 2—3 см (рис. 1,1). На нижнем участке спая видны отпечатки пальцев рук (негатив). Видимо, после примазки очередного жгута мастер расформовывал руками верхний край жгута и какое-то время подсушивал его для того, чтобы избежать деформации нижней части сосуда. Отдельные участки были пересушены, благодаря чему и стало возможно расслоение. На поселении **Волвонча-І** найден фрагмент сосуда, распавшийся по спаям жгутов. На негативе видны острые насечки, оставленные ногтем гончара. Нижний спай подсушивался, на него накладывался новый жгут, глина затекала во все неровности спая, обеспечивая относительную прочность соединения жгутов. На других памятниках процент расслоения стенок по спаям гораздо более низок. На вертикальном изломе фрагментов туловы фиксируется витое течение глинистой массы, что с помощью экспериментальных эталонных образцов определяется как слабо раздавленный или раздавленный жгут (рис. 1,2). При ширине слоя 2—3 см высота расформованного жгута 5—6 см, тогда его диаметр равен 1,5—1,8 см⁵ (**Волвонча-І**, **Геологическое-ІІІ**, **Сайгатинское-VI**).

Несколько способов формовки начинов можно реконструировать по имеющимся днищам и придонным частям. На поселении Пашкин Бор-І днище чуть вогнуто, с внутренней стороны линия соединения днища и туловы с нажимом обработана деревянной щепой или штампом. Видимо, дно крепилось к тулову в последнюю очередь и приходилось подсушенную глину разравнивать твердым орудием. Снаружи стенки примазывались к дну, примазка заходила на края дна по диаметру и возникала небольшая выпуклость краев дна по сравнению с серединой (рис. 1,3).

Подобный способ начина фиксируется и в двух днищах с поселения **Волвонча-І**, причем кусочек примазки стенки, заходящий на дно, откололся, продемонстрировав таким образом способ изготовления. Параллельно здесь существуют и другие варианты. Профиль придонной части одного фрагмента плавно изогнут при переходе от стенки к днищу. С внутренней стороны в месте соединения обнажился спай (вспомогательный жгут?) (рис. 1,4). Подобный профиль придонной части чаще всего свидетельствует о внешней примазке днища к стенке, когда первая лента накладывается на край дна по диаметру и примазывается к днищу

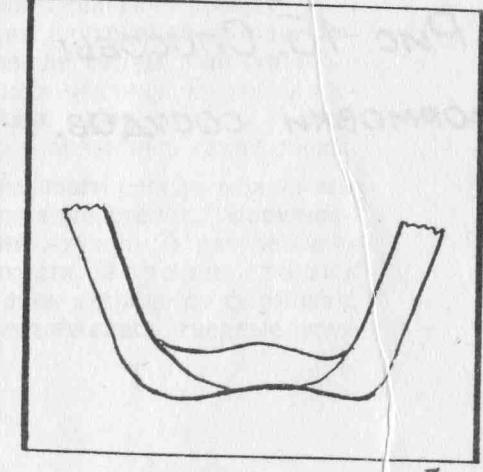

1

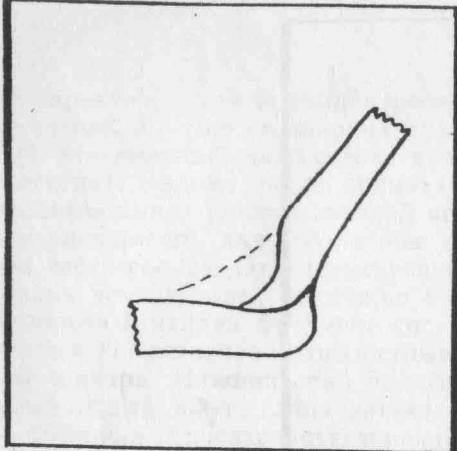

2

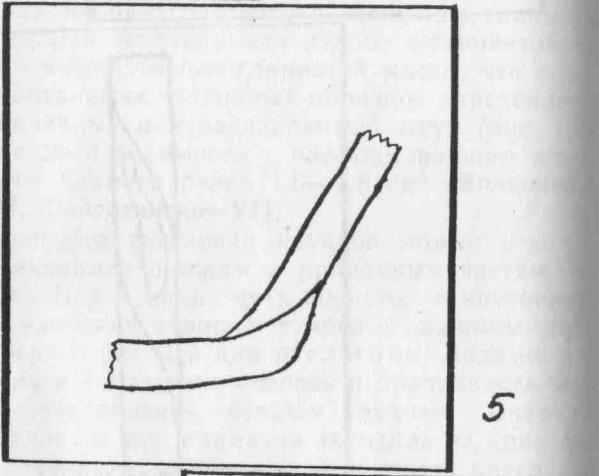
1A. Способы формовки сосудов.

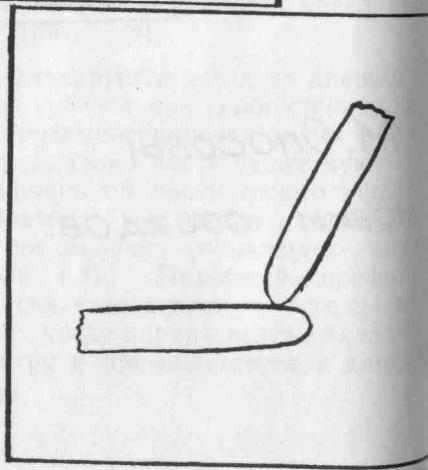
3

4

5

6

Рис. 15. Способы формовки сосудов.

изнутри. В данном случае, видимо, был еще использован внутренний жгут для лучшего соединения дна и туловища. Несколько фрагментов днищ могильника **Сатыга-XVI** свидетельствуют о таком же способе формовки начинов, но без внутреннего жгута. В этих случаях сохраняется такой же внешний профиль—плавный изгиб, в одном случае он становится более резким, похожим на бортик. Возможно, в этом случае мастер ставил первый жгут на дно, отступив от края небольшое расстояние, чтобы было удобнее производить внешнюю примазку к стенке (рис. 1,5).

На поселении **Ленино** (керамический материал частично представлен на рис. 2) несколько днищ показывают следующий варант: на дно с приплюснутыми краями накладывался жгут, сочленение получалось стык в стык, примазка очень слабая. Одно днище прикладывалось к готовому туловищу и изнутри примазывалось к стенке. Об этом можно судить по тому, что примазка днища заходит на линию спая жгутов туловища.

При изменении формы сосуда меняется способ формовки. На поселении **Пашкин Бор-1** найден небольшой сосуд: закрытая банка с «ребром» в месте наибольшего расширения туловища, по «ребру»—ряд ямок («ребро» в данном случае — не острый, а достаточно плавный угол, в профиле—утолщение стенки). Этот сосуд лепился из двух частей, после их изготовления в придонную часть вкладывалось дно. Изнутри края днища примазывались к стенкам, снаружи — стенка к дну, так что днище получилось чуть деформированным. Последняя операция—соединение верхней и нижней половины. По месту стыка наносился ряд ямочек, которые имели, видимо, технологическую функцию.

Сосуд, найденный на поселении **Геологическое-III**, формовался на сосуде-болванке: на внутренней стороне появляются отпечатки орнамента. Кое-где видны вертикальные прочерченные линии, идущие от дна к венчику. Видимо, после изготовления сосуда ему не давали долго сохнуть — снимали с болванки, в результате чего и появились такие следы.

В обработке поверхности готового сосуда можно выделить две стадии: 1) разравнивание стенок, перемещение глины, следующие за примазкой жгутов; 2) разглаживание поверхности, придание ей гладкости. Первая стадия — это, по сути, операция, относящаяся к процессу формовки, завершающая его. Для этого использовались твердые ору-

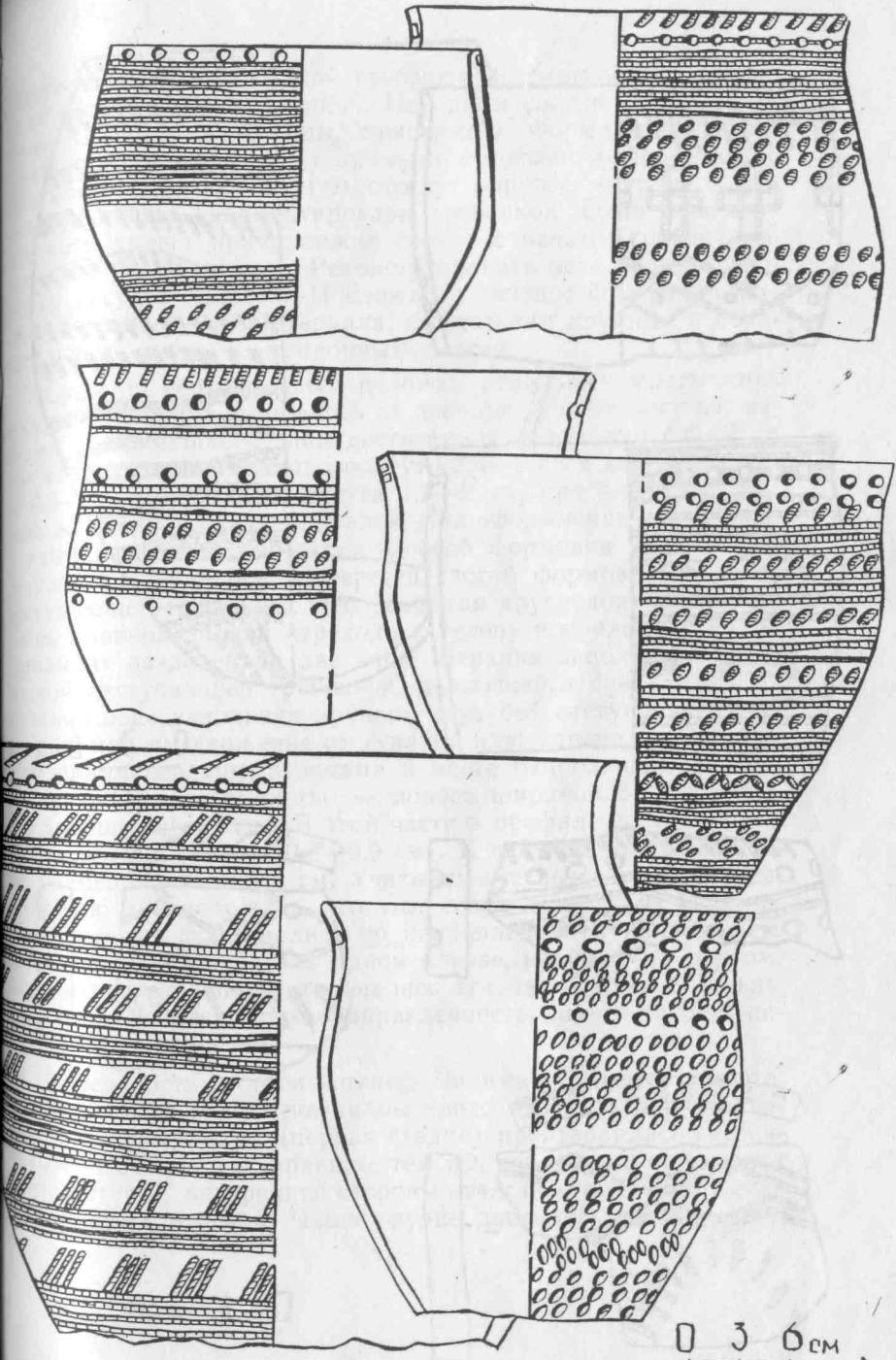
дия: шпатель, щепа, гребенчатый штамп. Вторая стадия выполняет эстетическую функцию. В этом случае могли применяться более гладкие или мягкие орудия: кожа, рука, пучок травы, керамическое, каменное или костяное лоццило т. д. Определение орудия обработки проводилось с помощью экспериментальных образцов обработки поверхности.

Определение щепы или штампа в качестве орудия обработки поверхности для археолога обычно не составляет труда. Следы обработки штампом очень характерны: упорядоченность ширины и глубины борозд, перемычек между ними, ложа борозд; четкость очертаний, повторяемость следа. Эти признаки были зафиксированы на внешней и внутренней поверхности сосудов с памятников Сайгатинское-VI, Пашкин Бор-I. У сосудов с поселения Сайгатинское-VI внутренняя поверхность обработана более небрежно, глубина борозд больше, чем на внешней стороне, обработка не упорядочена. Внутренняя поверхность посуды поселения Пашкин Бор-I обрабатывалась по кругу, внешняя—вертикально, отступая к дну.

На памятниках Волвонча-I, Сатыга-XVI на первой стадии обработки применялся гребенчатый штамп, на второй—поверхность разглаживалась с помощью рук. Кое-где на внешней стороне невооруженным глазом видны следы пальцев. При увеличении различим рисунок капиллярных линий в тех местах, где рука мастера задерживалась различима и слабоветвистая структура микроследа, характерная для пальцев рук.

Для обработки керамики с поселения Ленино наряду с гребенчатым штампом использовалась деревянная щепа. На поверхности фиксируются неупорядоченные параллельные мелкие бороздки и штрихи, ширина рабочего края не меняется по всей длине следа орудия, профиль поверхности зигзагообразен. Как и на упомянутых памятниках, внешняя сторона сосудов Ленино обработана более аккуратно.

Керамика жилища поселения Чилимка-II (низовья Колы) (рис. 3) делится на две группы: с печатно-гребенчатой и накольчато-отступающей техникой оформления. Композиция печатно-гребенчатой группы достаточно стандартна: зигзаги, ромбы, штрихованные ленты, горизонтальные ряды гребенчатого штампа, крест, выполненный гребенкой, ряды ямок. Композиция группы накольчато-отступающей техники очень монотонна: горизонтальные и волнистые ряды отступающего двузубого гребен-

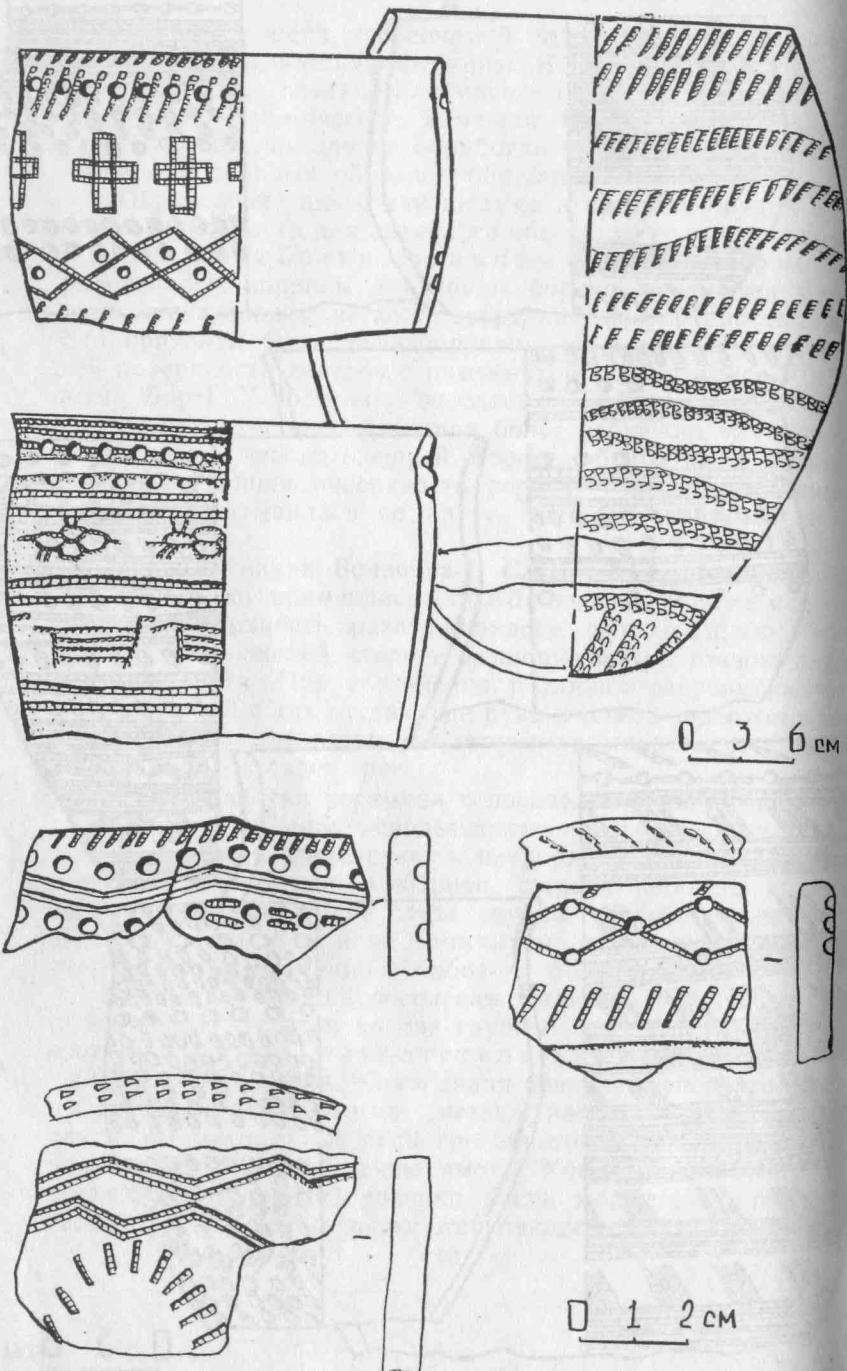

Рис. 3. Керамика жилища

чатого штампа или мелкой гребенки, шахматное заполнение поля отступающей гребенкой. На одном сосуде есть зооморфные изображения (птицы, животные?). Форма сосудов: закрытые банки или банки с прямыми стенками, есть несколько фрагментов, где венчик чуть отогнут наружу; круглые, уплощенные днища орнаментированы гребенкой. Один фрагмент плоского днища принадлежит сосуду с печатно-гребенчатой техникой орнаментации. Реконструировать весь процесс формовки сосудов Чилимки-II сложно в связи с фрагментарностью керамического материала, отсутствием крупных и показательных днищ и придонных частей.

Судя по вертикальным изломам отдельных фрагментов, сосуды жилища формовались из довольно тонких жгутов, местами обнажившиеся спаи достигают длины всего 1,5—2 см при высоте расформованного жгута 2,5—3 см и толщине стени 0,6—0,9 см. Диаметр жгута 1,5—2 см, при формовке тулов жгут сильно раздавливается. Для оформления венчика накладывался отдельный жгут. Способ формовки начина восстановить не удалось. Интересен способ формовки сосуда с отступающей гребенкой. Это закрытая круглодонная банка с очень плавной линией перехода к тулову и придонной части. Орнамент разделен на две зоны. Верхняя заполнена очень тонкой отступающей гребенкой, движущейся слева направо. Нижняя зона заполнена крупной двузубой отступающей гребенкой, причем движение отступания идет справа налево. Между орнаментальными зонами в месте наибольшего расширения чистое пространство — полоса шириной 3—4 см. Место хорошо заглажено. В этой части в профиле сосуда заметно утолщение стени (0,8—0,9 см). К венчику толщина стени уменьшается до 0,5 см. Учитывая все вышесказанное, естественно предположить, что этот сосуд лепился из двух частей, которые формировались по направлению от наибольшего расширения к венчику — в одном случае, к днищу — в другом. Возможно, что орнаментировались эти части тоже отдельно. Отсюда и возникла разнонаправленность движения отступания гребенки.

Поверхность сосудов жилища Чилимки-II сильно затерта, поэтому следы обработки видны плохо. Обработка поверхности данной керамики (первая стадия) производилась гребенчатым штампом, как правило, тем же, что использовался как орнаментир. С внутренней стороны отчетливо видно движение гребенчатого штампа. Чаще орудие двигалось по диаметру,

и иногда движение неупорядоченно. На внутренней стороне помошью штампа мастер достигал относительно ровной верхности, одинаковой толщины стенок и на этом завершала обработку. На внешней поверхности следы гребенки не заметны. На второй стадии обработки применялись керамические лощила, также найденные в жилище, или же верхность разглаживалась пальцами. Поскольку глина песочена (и орудие из такой же запесоченной глины), на верхности остались многочисленные царапины—следы от притщенных песчинок, фракций шамота, попавших между орудием и плоскостью сосуда.

Керамика с накольчато-отступающей техникой орнаментирования при обработке лощилом (вторая стадия) смачивалась водой. При исследовании следов обработки по экспериментальным образцам выяснилось, что даже при теплом заглаживании и в том случае, если орудие смачивается в воде, керамика имеет абразивную поверхность. Если водой смачивается обрабатываемая плоскость, верхний слой глины размокает и получается своего рода ангоб, более гладкая поверхность. В некоторых случаях сосуды обрабатывались по уже подсушенней глине лощилом, отчего получались следы лощения.

Таким образом, мы можем говорить о существовании бассейне Конды в эпоху ранней—развитой бронзы нескольких способов конструирования тулов и начинов сосудов, обработки внешней и внутренней их поверхности. По мере дальнейшего накопления материала представляется интересна более полная реконструкция процесса изготовления посуды в данном районе, сравнительное исследование и интерпретация выявленных черт сходства и различия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор благодарит С. Ф. Кокшарова за предоставленную возможность ознакомиться с материалами указанных памятников.

² Раскопки И. Г. Глушкова (Тобольский педагогический институт).

³ Стефанова Н. К. Кокшаров С. Ф. Поселения бронзового века на р. Конде // СА. 1988. № 3.

⁴ Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.

⁵ Глушков И. Г. Эксперименты по жгутовым и ленточным способам формовки: Доклад на семинаре «Методы исследования древней керамики». Тобольск, 1989.

А. П. Бородовский

АДАПТАЦИЯ И ЗАИМСТВОВАНИЯ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПОСУДЫ (о «дорожной» керамике в лесных условиях)

Изменение культурно-хозяйственной обстановки в определенном экологическом районе хорошо отражается в керамических комплексах археологических культур. Взаимодействие их на этом уровне приводит к заимствованию и переделке лишь какой-то части элементов, при этом остальные элементы с вытеснением или ассимиляцией прежней культуры утрачиваются. В Новосибирском Приобье такая ситуация складывается в конце I тыс. до н. э. при столкновении и взаимодействии культур кулайского и большереченского типа. Керамический комплекс первого этапа Новосибирского варианта кулайской культуры обладает подчеркнутой двукомпонентностью. Он включает на равноправных началах как северные (лесные), так и южные (лесостепные) керамические традиции. В некоторых погребениях могильника Каменный мыс-1 соседствуют сосуды большереченского и кулайского типа.

Однако, следует подчеркнуть, что заимствуются лишь определенные формы большереченской керамики. Одна из них — сосуды с узким горлом, с ушками или дырочками для подвешивания (рис. 5, 6).¹ Такая керамика косвенно связана с сосудами, имитирующими кожаные фляги (рис. 2, 3, 4, 9).² Можно предположить, что наличие таких сосудов связано с большереченской имитационной традицией в новых лесных условиях. Для объяснения этого необходимо рассмотреть синхронную историко-культурную ситуацию. Анализируя причины и характер передвижения кулайских племен в Новосибирском Приобье, Т. Н. Троицкая подчеркивает их комплексность. Изменения экологической среды и исторической ситуации в регионе облегчили проникновение и упрочение здесь северных лесных племен. В хозяйственной деятельности это отразилось на сокращении удельного веса скотоводства и увеличении роли охоты у пришлого населения по сравнению с предшествующим большереченским. Остеологические материалы иллюстрируют это положение следующим образом: для большереченских поселений характерно наличие 3—7%

костей диких животных,³ а для кулайских—71%. Одну из причин такой переориентации населения на охоту Т. Н. Троицкая видит в уничтожении пришлыми лесными племенами значительной части непосредственных носителей большереченских скотоводческих традиций.⁴ Это могло подорвать прежний хозяйствственный уклад и связанную с ним характерную материальную культуру, в которой керамика, имитирующая кожаные сосуды, была одним из ярких атрибутов.

Отсутствие кувшинов с непосредственной имитацией швов кожаной посуды подчеркивает чуждость и «непонятность» этого типа керамики в новых условиях, поскольку не прослеживаются ее генетические корни в культуре и хозяйстве кулайцев. Большой удельный вес охоты отразился на их материальной культуре, в том числе и на керамике. Лесной охотничий хозяйственно-культурный тип действительно предполагает наличие специфических приспособлений. Интересные общеисторические параллели приведены А. П. Окладниковым при анализе влияния охотничьего быта на серовскую керамику.⁵

Подвижный охотничий образ жизни в любых экологических условиях требует переносных емкостей для разнообразных нужд. Глиняные сосуды при этом могут спасться ушками для подвешивания, как это известно у серовцев (рис. 8) и у охотничих африканских племен. Использование «дорожной» керамики у охотников, кроме этого, связано с целым рядом других приспособлений, помогающих выявить генетические корни такой посуды. В орнаменте одного из глазковских сосудов (рис. 7), по мнению А. П. Окладникова, можно видеть имитацию плетеной сумки, в которую помещалась керамика. Аналогичные приемы ношения сосудов отмечались у австралийских аборигенов. На этих примерах можно проследить связи керамики в охотничьей среде с близкими по функциям, но отличными по материалу емкостями. Выявляется также своеобразная имитационная керамическая традиция, характерная для охотничьего уклада.

Однако «дорожная» керамика с ушками для подвешивания в лесной зоне Сибири имеет свое специфическое функциональное обоснование — использование переносных керамических сосудов в качестве дымокуров

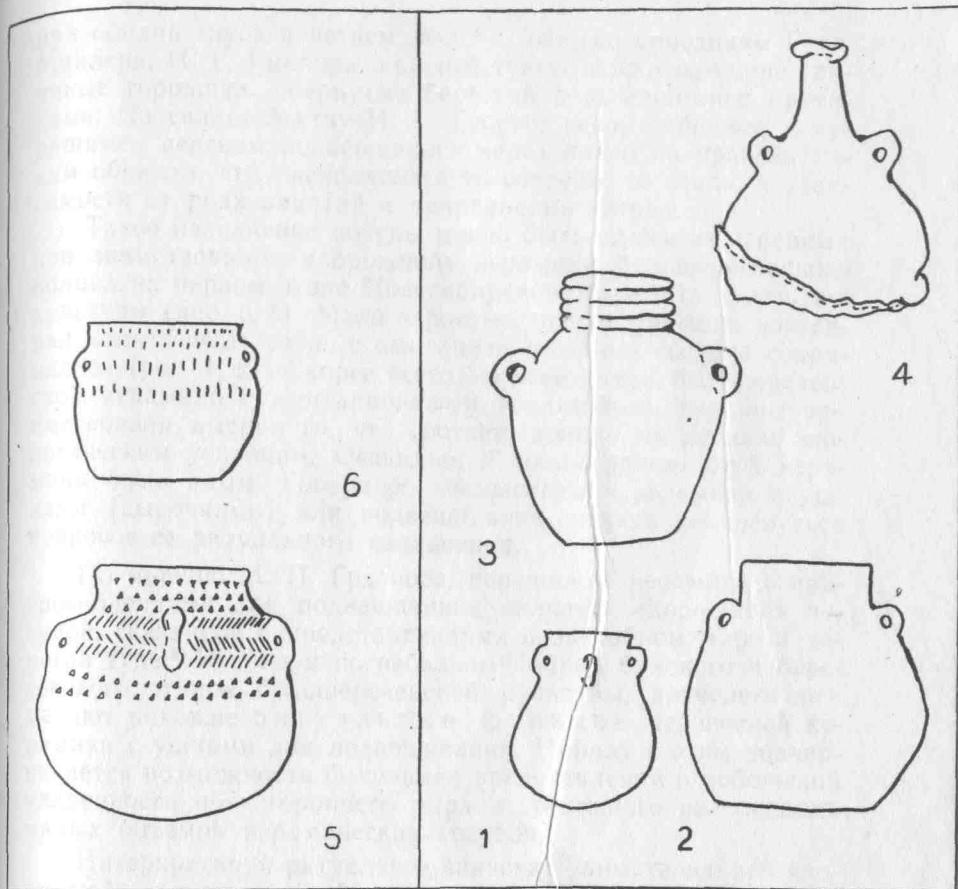
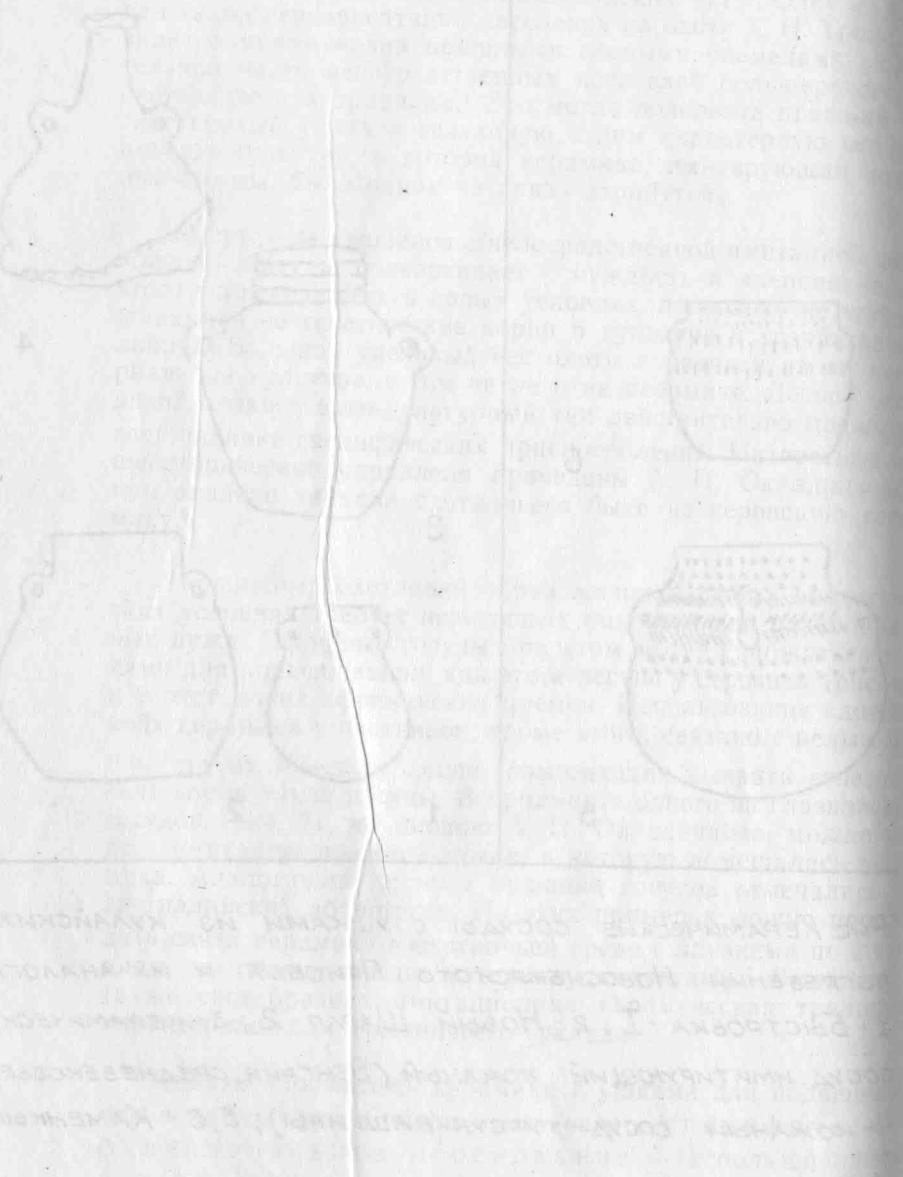

Рис. КЕРАМИЧЕСКИЕ СОСУДЫ С УШКАМИ ИЗ КУЛАЙСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ НОВОСИБИРСКОГО ПРИОБЬЯ И ИХ АНАЛОГИИ
1 - БЫСТРОВКА - I; 2 - НОВЫЙ ШАРАП - 2; 3 - КЕРАМИЧЕСКИЙ СОСУД, ИМИТИРУЮЩИЙ КОЖАНЫЙ (ВЕНГРИЯ, СРЕДНЕВЕКОВЬЕ);
4 - КОЖАНЫЙ СОСУД - ТУРСУК (БАШНИРЫ); 5, 6 - КАМЕННЫЙ МЫС - I.

при обилии гнуса в летнем лесу.⁶ Так, по описаниям Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина, каждый тунгус носил на спине глиняные горшочки, обернутые берестой с дымящимися прутиками. По свидетельству И. Г. Георги, такой горшочек с курящимся деревом подвешивался через плечо на привязи таким образом, что располагался то спереди, то сзади, в зависимости от рода занятий и направления ветра.

Такое назначение посуды могло быть одним из основных при заимствовании «дорожной» керамики большереченского облика на первом этапе Новосибирского варианта кулайской культуры (рис. 5, 6). Мало вероятно, что их прежняя косвенная «смысловая» связь с имитацией кожаных сосудов сохранялась (рис. 1, 2). Скорее всего, из всей массы большереченской керамики с имитационными традициями, кулайцы заимствовали именно то, что соответствовало их лесным экологическим условиям. Очевидно, и «осмысление» этой керамики было иным. Говоря об «осмыслении» керамики с ушками (дырочками) для подвешивания, нельзя не коснуться вопросов ее ритуального назначения.

По мнению М. П. Грязнова, переносная керамика с приспособлениями для подвешивания является «дорожной» посудой, связанной с представлениями о загробном мире и дорогой туда.⁸ Исследуя погребальный обряд бийского и березовского этапов большереченской культуры, археологи отмечают похожие ритуальные функции переносной керамики с ушками для подвешивания. Наряду с этим подчеркивается возможность бытования представлений о небольшой удаленности потустороннего мира от реального на основании малых объемов керамических сосудов.⁹

Интерпретируя ритуальное значение заимствованной «дорожной» посуды у кулайцев, резонно принять это положение. Действительно, осмысление смерти у первобытных народов в общекультурном плане предполагает не только загробный мир, но и дорогу туда. Однако разница экологических условий существования культур не может не накладывать своего отпечатка на сознание и представление о деталях такого пути. А. П. Окладников отмечал, что часть погребальных походных сосудов у серовцев могла в реальности иметь значение дымокуров или даже хранилищ огня.¹⁰ Примитивное сознание рисовало «тот свет» как продолжение и некоторое подобие земной жизни, окружающих ландшафтов, вплоть до наличия в нем гнуса. Такую точку зрения, исходя из общеписто-

рических культурных параллелей, вполне можно распространить и на «дорожные» сосуды у кулайцев в Новосибирском Приобье.

К этому можно добавить еще одно предположение. Сосуды с ушками для подвешивания, используемые как дымокуры, кроме экологической «информации» о загробном мире, несут еще и временные сведения. Как известно, гнус появляется в определенный летний период, когда и требуются дымокуры. Поэтому их помещение в могилу можно рассматривать как расчет на продвижение погребенного в загробный мир именно в это время, независимо от того, когда умер человек. Это находит подтверждение в этнографии: похороны в определенное время, некоторый срок сохранения тела покойника и реальные трудности сооружения могилы, например, в зимних условиях. Однако не исключен смысл помещения сосуда-дымокура в погребальный инвентарь в расчете на то, что он пригодится усопшему в будущей загробной жизни, построенной по образцу реальной, без акцента на временные рамки загробного пути.

Подводя итоги, следует отметить, что при столкновении мигрирующих культур с различной хозяйственной ориентацией их взаимодействие на уровне керамических комплексов обуславливается определенными закономерностями. Выбор заимствований при этом иногда определяется их «понятностью» и «функциональностью» в новых условиях. Для «восприятия» должны существовать свои специфические аналоги, которые выработаны внутри культурной среды, идущей на заимствование, т. е. речь идет о генетических корнях заимствования и его осознанности. Утраченные при культурном взаимодействии орнаментальные мотивы и типы керамики также несут важную информацию. Они позволяют более точно выяснить, что именно было чуждо и непонятно пришельцам. Способность «восприятия» керамики, непосредственно имитирующей кожаную посуду, — яркий пример этому. Отсутствие заимствований ее у кулайцев, продвинувшихся в Новосибирское Приобье, иллюстрирует роль иной хозяйственной ориентации культуры при заимствованиях.¹¹ В то же время сохранение керамики с ушками для подвешивания, косвенно связанной с имитационной керамикой, может объясняться использованием ее в качестве переносных емкостей для дымокуров или огня и в ритуальных целях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Троицкая Т. Н. Южные элементы в кулайской культуре // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1976. Вып. 7. С. 62, 63; Она же. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. С. 18, 19.

² Там же.

³ Троицкая Т. Н. Кулайская культура... С. 53; Она же. Развитие скотоводства у племен Новосибирского Приобья // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 158, 159.

⁴ Троицкая Т. Н. Кулайская культура... С. 55.

⁵ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. 1950. № 18. С. 236—238.

⁶ Там же. С. 237; История Сибири. Л., 1968. Т. 1. С. 46, 55.

⁷ Там же.

⁸ Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби // МИА. 1958. № 18. С. 97.

⁹ Троицкая Т.Н., Соболев В. И., Молодин В. И Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск, 1979. С. 152.

¹⁰ Окладников А. П. Указ. соч. С. 238.

¹¹ Бородовский А. П. Об имитации швов кожаной посуды на керамике // СА. 1984. № 2. С. 234.

Л. Н. Мыльникова

О ДВУХ ГОНЧАРНЫХ ТРАДИЦИЯХ В НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКЕ НИЖНЕГО АМУРА

Исследование керамики нижнеамурской неолитической культуры с технологической стороны, вероятно, в дальнейшем даст интересные результаты. Это не только выявление общекультурных особенностей, но и локальных, местных, характерных для каждого памятника в отдельности и, конечно, временных, что особенно важно.

Обработка керамического материала неолитических поселений Сучу и Сакачи-Аляна (Малышево) уже на данном этапе дает право говорить о двух гончарных традициях, существенно отличных друг от друга. Поселение Сучу расположено в 2,5 км ниже с. Марининского Ульчанского района Хабаровского края. Раскопки в течение нескольких сезонов велись Амуро-Уссурийским отрядом (начальник — доктор исторических наук В. Е. Медведев) под общим руководством академика А. П. Окладникова. Керамическая коллекция насчитывает более 19 тыс. фрагментов и 36 целых изделий.¹ Поселение Малышево находится в 80 км от г. Хабаровска вниз по Амуру. Материалы представлены сборами А. П. Окладникова в 1960—1965 гг. Коллекция насчитывает около 2 тыс. фрагментов.

Материал обрабатывался по методике А. А. Бобринского,² т. е. под микроскопом изучались свежие сломы керамики, а также применялись физико-технические испытания (установление температуры обжига, водопоглощение), нейтронно-активационный и атомно-абсорбционный анализы для изучения исходных глин, химико-биологические исследования.

Первая гончарная традиция характеризуется следующими признаками: формочная масса составлялась из глины с естественной примесью песка с вводом в нее шамота (Ш) или дресвы (Д). Преобладающим является рецепт Г+Ш (84%). Для сакачи-алянской керамики следует отметить ввод в формочную массу сухой глины и мелкой окатанной гальки. Сосуды изготавливались вручную способом ленточно-кольцевого налепа. В обработке поверх-

ности отмечается большая тщательность и наличие многих приемов: затирка, заглаживание, лощение, обмазывание тонким слоем глины без примесей. Водопроницаемость сосудов довольно низка — капля воды высыхает в течение 1,5—2 мин. Обжиг проводился в окислительном режиме, среднетемпературный — до 800°С. Формы керамических сосудов отличаются значительным разнообразием. Думается, что выделение форм (на уровне категорий «горшок», «ваза» и т. д.) для неолита не оправдывает себя, так как каждый сосуд представляет собой законченную форму, не повторяющую в деталях в других изделиях, хотя стремление к какому-то эталону, точнее — выдержка определенных пропорций, наблюдается: сосуды плоскодонны, выделяются сосуды без горловины (открытые и закрытые) и с горловиной.

Наряду с большой похожестью, между сосудами на памятниках есть некоторые отличия. Для поселения Сучу наблюдается большое колебание в размерах сосудов: от 10 см высотой до 85 см. Своеобразно соединение dna с туловом: а) дно сразу переходит в туло; б) приподнятое дно (преобладает). Угол отгиба dna — 70°. Отношение диаметра максимального к общей высоте — меньше I. Для сакачи-алянской керамики: дно сразу переходит в туло, образуя плавную закругленную линию, угол отгиба dna — 45°, отношение диаметра максимального к общей высоте — больше или равно I, отчего сосуды имеют приземистые, «развалистые» очертания. Для обоих памятников форма венчиков представлена четырьмя группами: прямые, отогнутые паружу, загнутые внутрь, Г-образные.

Большинство сосудов орнаментированы (84%). Орнамент по способу нанесения подразделяется на рельефный и плоский. Рельефные узоры выполнялись штампованием ямок различной формы и валиками. Плоские узоры наносились краской темно-красного цвета. У большинства сосудов не орнаментированы обрез венчика и самая верхняя часть (80,8%). Затем идет орнаментальная зона. Орнамент имеет строго концентрическую структуру. Ряды отделяются друг от друга гладкими участками. Среди штампов первое место принадлежит «гребенке» — 83%. Примерно 19 проц. всех сосудов орнаментированы «лопаточкой», 16% — и «гребенкой», и «лопаточкой». Все остальные штампы (ромбы, овалы, тре-

угольники, кружки) встречаются в сочетании с двумя первыми и располагаются по низу узора, как бы завершая его. Придонная часть не орнаментирована у 80,1% сосудов.

Именно эта традиция, по определению А. П. Окладникова, характеризует развитый этап нижнеамурской неолитической культуры. Наверное, в дальнейшем выделится более ранняя керамика и более поздняя, но это будет градация внутри одной гончарной традиции.

Вторая гончарная традиция по всем характеристикам отличается от первой.³ При составлении формовочных масс неорганические добавки в тесто не вводились. Специфической особенностью этой керамики является то, что на поверхности черепков, а также в изломе хорошо прослеживаются даже невооруженным глазом пустоты «чешуйчатой» формы. Анализ поперечных и продольных свежих изломов керамики, а также биолого-химические исследования позволили установить наличие в формовочной массе добавок органического происхождения (речной моллюск, рыбья чешуя).

Керамика изготавливалась вручную, также способом ленточно-кольцевого налепа. Поверхность только затиралась или заглаживалась. Очень высока водопроницаемость сосудов — капля воды высыхает в течение 30—40 с. Температура обжига — не более 600°C. Формы сосудов отличаются единообразием. Плоскодонны. Венчики отогнуты наружу так, что изгиб образует шейку, которая сразу переходит в округлое тулово. Точка максимального диаметра находится в верхней трети сосуда. Из общей массы только 30% сосудов орнаментированы. Особенностью является наличие орнамента на венчике. Орнамент прост. Это композиции из вертикальных зигзагов, выполненных зубчатым колесиком (91%) или прочерчиванием (7%). Очень редко встречаются налепные валики.

Таким образом, на поселениях Сучу и Малышево выделяются две группы керамики, совершенно отличные друг от друга. Различия между ними прослеживаются на всех этапах изготовления сосудов, как в навыках составления формовочных масс, которые способны изменяться очень быстро, так и в способах обработки поверх-

ности, формовки сосудов, орнаментации, как более устойчивых навыках труда. Это говорит о том, что на поселении существовали носители различных технологических школ, что указывает на отдельные периоды развития гончарной техники.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отчеты о раскопках неолитического поселения Сучу находятся в архиве ИИФИФ СО АН СССР.

² Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.

³ Мыльникова Л. Н. Гончарные традиции в неолитической керамике поселения Сучу // Технология древних производств Дальнего Востока/ Препринт. Владивосток, 1988. С. 10—12.

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРЫ ЯМАЛА

Все меньше и меньше белых пятен остается в сибирской археологии. Одно из них—культуры циркумполярной зоны. Отсутствие источников и труднодоступность археологических памятников Арктики явились серьезным тормозом в исследовании древнейшей истории Севера Сибири. Планомерное археологическое исследование зоны Сибири началось несколько лет назад.

В настоящей работе объектом исследования является относительно небольшой участок приморского побережья полуострова Ямал. ТERRитория Ямальской тундры представляет всхолмленную поверхность с песчаными отложениями, где грунт лучше прогревается и вечная мерзлота несколько отступает, в результате чего формируются тундрово-слабоподзолистые почвы. Наиболее типичные представители тундрового типа растительности—мхи и лишайники. На севере растительный покров отсутствует, кроме мест с пониженным рельефом. Южнее растительность (полярная ива, карликовая бересклет и др.) тяготеет к речным долинам и наиболее обогреваемым склонам. Полуостров Ямал с трех сторон омывается морскими водами; с запада—водами Байдарацкой губы; с востока—Обской губы, с северо-запада—Карского моря. Окружение холодных морей делает климат Ямальской тундры особенно суровым, резким и постоянно меняющимся.

Впервые «культура охотников арктической полосы» Ямала была выделена В. Н. Чернецовым, производившим раскопки на поселениях Тиутей-Сале и Хаэн-Сале. По материалам экспедиции он заключил, что на северном Ямале до середины XVII в. существовала приморская культура, характеризуемая развитым зверобойным промыслом (предполагавшим использование кожаных лодок) и развитой костяной индустрией.¹ В. Н. Чернецов датировал памятник на Мысе Тиутей-Сале и Хаэн-Сале концом I тыс. до н. э.—сер. II тыс. н. э. и связывал его с населением Нижнего Приобья. После изысканий В. Н. Чернецова территория Ямальской тундры не подвергалась систематическому археологическому исследованию, и дискуссии о древней истории морских охотников велись на уровне предположений и гипотез.

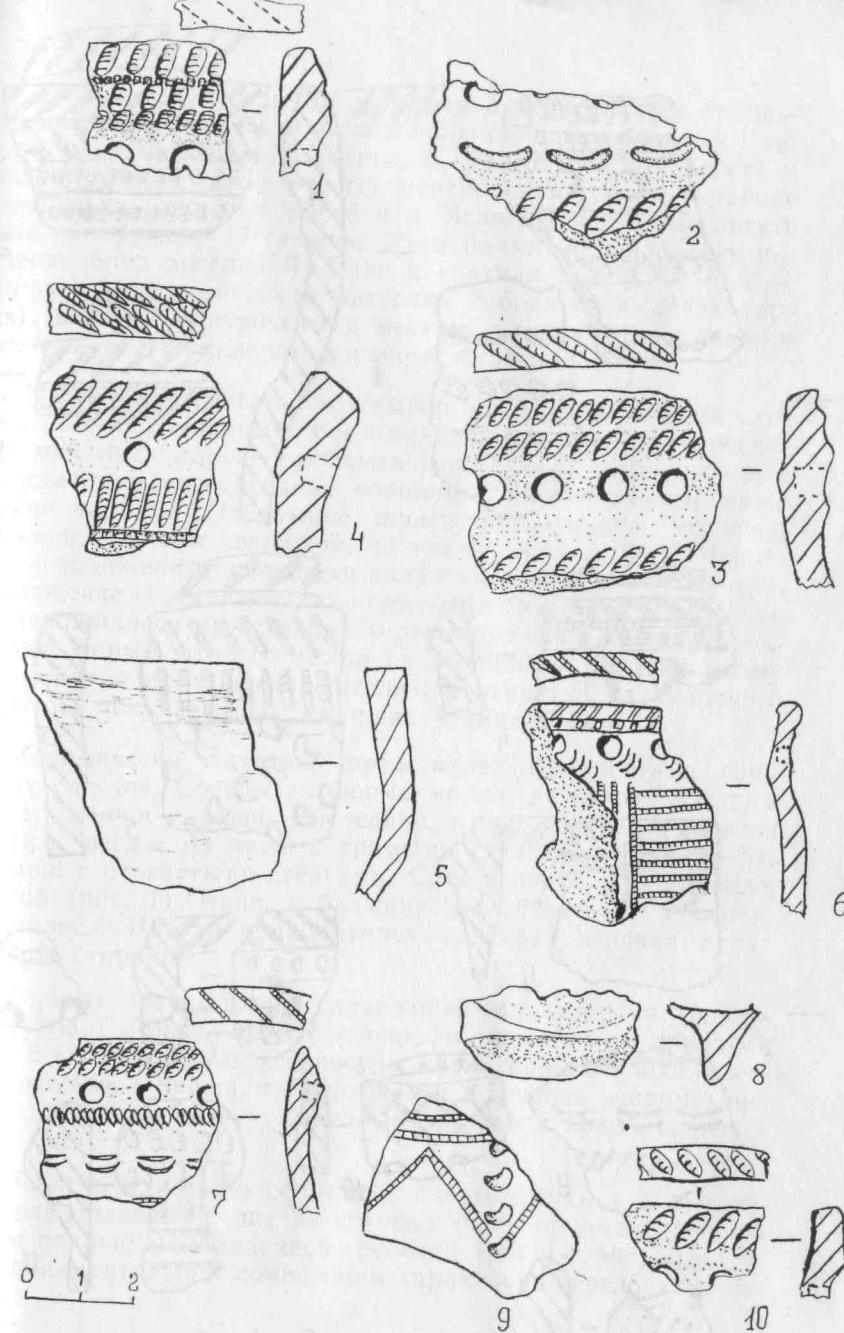

Рис. 1. КЕРАМИКА со стоянок ЯМАЛА.
1,2 - МАЛТО I; 4-СЕЯХА I; 5,6 - ЮНЬЯХА I; 7,8 - ТИРТ-ЯХА;
3,9,10 - ЮРИБЕЙ IV.

Рис.2. ЯМАЛЬСКАЯ КЕРАМИКА. 1-ЮРИБЕЙ VI; 2-7-СЕЯН

За последние годы археологами и этнографами Тобольского пединститута были исследованы районы побережья Карского моря, пролива Малыгина, о. Белый (южный берег) и Обской тубы, а также участки центральной тундры в районе Нейтипских озер, р. Юрибей и р. Ясавей-яха. В результате было обнаружено 17 стоянок. Раскопками исследовались поселение близ поселка Яр-Сале и святилище в устье р. Сидай-яха. Археологический материал собран на выдувах (ярях), которые приурочены к местам с мощными песчаными отложениями по склонам коренных берегов.

Интересно отметить, что выбор месторасположения стоянок не был случайным. Все памятники находятся на песчаных мысочках коренного берега моря, реки, озера, которые представляют своеобразные площадки, расположенные ниже уровня террасы. Небольшие овраги, образующие мысочки, служили хорошим дренажом, на что указывал и В. Н. Чернепцов, а пониженные площадки являлись прикрытием от ветра. Исключение составляют два памятника (Юнь-яха II. Халя-то 1), находящиеся на останцах коренного берега, имеющих округлую форму, что соответствует ненецкому фольклорному материалу о приморских жителях, охотниках на морского зверя, их полуназемных жилищах в виде холмов.²

Керамический материал представлен фрагментами глиняных сосудов. Сосуды по форме можно разделить на два типа: горшки и чаши. Последние, в свою очередь, делятся на два вида: 1) чаши с прямыми стенками (рис. 1—5); 2) чаши с отогнутыми стенками. Срез венчика, как правило, прямой (рис. 1). Чаша в большинстве случаев не орнаментирована. Иногда орнаментировался край венчика с наружной стороны.

Горшки представлены сплюнпрофилированными (раздутое туловище) (рис. 3-1) и слабопрофилированными формами (рис. 2-1). Для ямальской посуды характерны венчики, слегка вогнутые, с внешним треугольным в сечении ребром (рис. 3), но встречаются и утолщенные венчики с прямым срезом (рис. 2-2).

На четырех стоянках были найдены сосуды с кольцеобразными поддонами, два из которых были орнаментированы рядом наклоннопоставленной гребенки (рис. 1-8, рис. 3-15, 18). Для орнаментальной композиции характерно чередование го-

изонтальных рядов, выполненных гребенчатым штампом, ногтевыми вдавлениями, овальнорубчатыми или ромбическими рубчатыми штампами, отступающей гребенкой, копытным штампом, редко—змейкой.

Венчик орнаментировался либо рядами, выполненными гребенчатым штампом, либо «елочкой» (рис. 2-2). Под утолщенной частью венчика неизменно присутствует ряд ямок (в двух случаях 2 ряда ямок). Ниже ямочных вдавлений обычно наносились узоры, выполненные ногтевыми вдавлениями в горизонтальном порядке, попарно (рис. 1-7) или спускающиеся под наклоном лентами (рис. 1-6); горизонтальными рядами овальных рубчатых, ромбических рубчатых штампов (рис. 2); близкоставленной отступающей гребенкой, которая иногда наносилась и в верхней части венчика (рис. 2-1, 2). Такие виды штампов, как копытный, стреловидный, ногтевые вдавления, ямочные вдавления обычно применялись в фестонах (рис. 4-7, 8). Из геометрических фигур встречается зигзаг (рис. 1-9). Аналогичная керамика была найдена в разное время Г. А. Черновым в Большеземельской тундре. В этой посуде отмечаются сходные черты как в профилировке венчика, так и в построении композиционного ряда, выборе штампа.

Основные черты, сближающие сосуды Ямала и Приуралья:

1. Пристроенные венчики (в большинстве).
2. Наличие наплыва (утолщения) в профиле среза, имеющего подтреугольную форму.
3. Встречающийся двойной ряд по венчику.
4. Наличие овального рубчатого штампа, копытного штампа.
5. Кольцеобразные поддоны.

Керамика полуострова Ямал и Большеземельской тундры по характеру орнаментации и профилировке венчика сходна и отражает единую приморскую культуру арктической тундровой зоны. Меридиональные границы предварительно можно определить на западе—устье р. Печоры, на востоке—устье р. Таз. (Найдена Р. Е. Кольса—сосуд с кольцеобразным поддоном на зимовье Мамеева.).

Как уже отмечалось, В. Н. Чернецов связывал керамику Тиутей-Сале с Нижним Приобьем. Однако черты, характер-

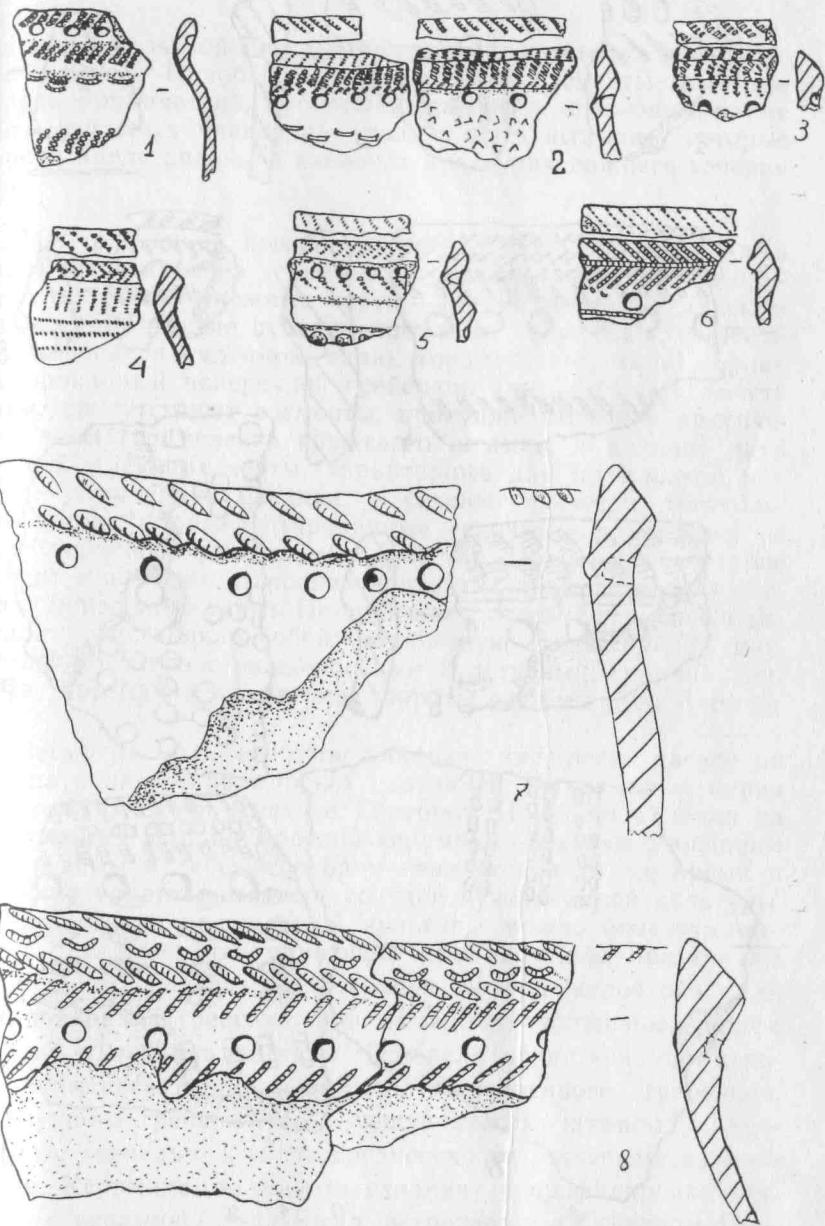

Рис. 3. ЯМАЛЬСКАЯ КЕРАМИКА.

1-3.—Толя I; 4-6.—Толя II; 7-8.—пос. Яр-Сале.

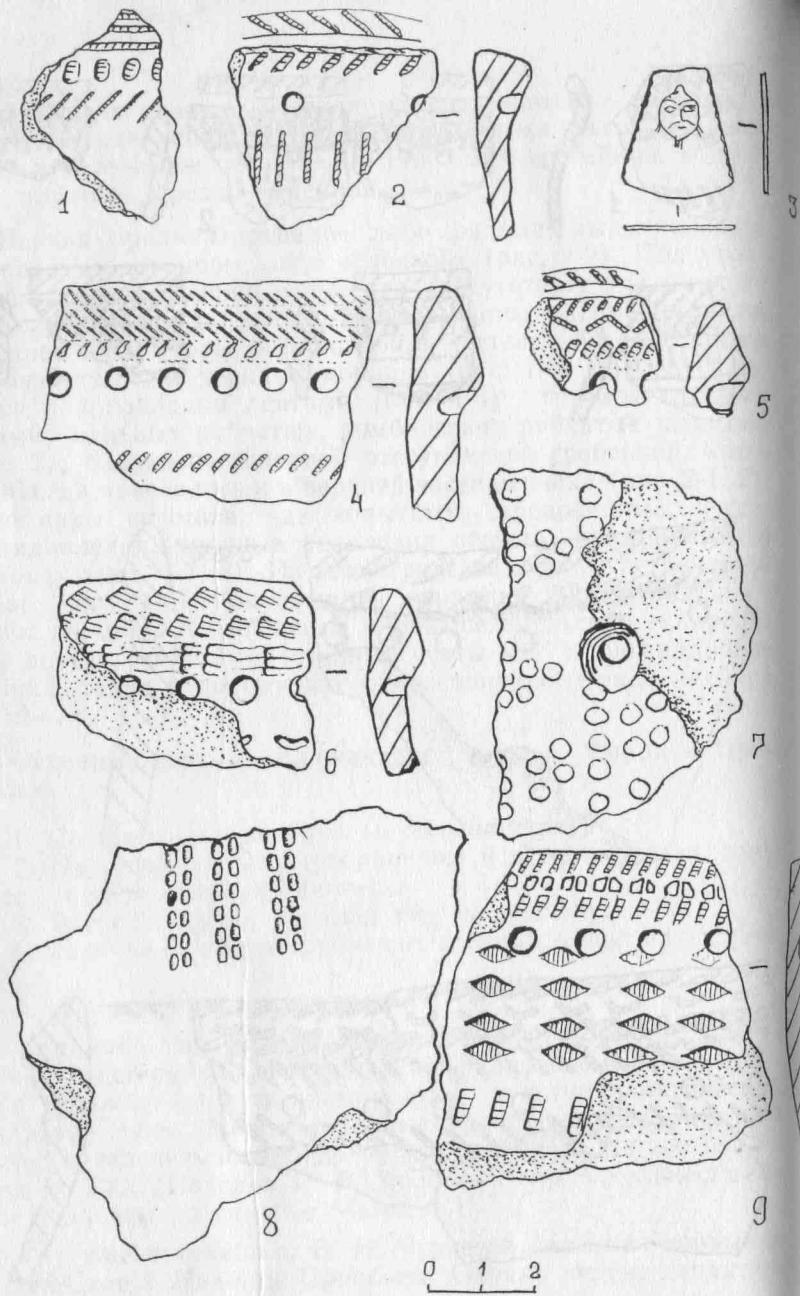

Рис. 4. ЯМАЛЬСКАЯ КЕРАМИКА.

1-4, 7 - ЮРИБЕЙ III; 5,6 - ХОЛЯ-ТОСЕ;

8-9 - пос. ЯР-САЛЕ.

ные для ямальской посуды, почти не встречаются в культурах Нижнего Приобья, исключая такие элементы орнамента, как ромбический, рубчатый штампы и свисающие косые ленты погтевых вдавлений (полуулунного штампа), которые широко представлены в таежных культурах нижнего течения Оби.

При раскопках поселения близ п. Яр-Сале (Южный Ямал) была найдена керамика, в орнаментации которой присутствуют чисто таежные черты—прямой венчик с плоским срезом, ромбические рубчатые штампы, канцеляры, по которым наносился ряд ямок, валик (орантурского типа), орнаментированный поперечной гребенкой (рис. 1-9). Но вместе с тем, присутствуют элементы, присущие керамике арктической зоны: применение копытного штампа, и наличие двух сосудов, имеющих черты, характерные для приморской посуды,—утолщенные венчики, в сечении имеющие треугольную форму, и орнаментированные «елочкой» по венчику с инкрустующим рядом ямок (рис. 5). Подобное сочетание говорит о возможно широких контактах приморского населения Ямала представляло собой самобытную этническую группу, контактирующую с нижнеобскими культурами, граница контакта проходила не севернее широты системы озер Ярро-то.

Несмотря на некоторое влияние таежного населения Оби на культуру приморских охотников, исторические корни последних следует искать в Северном Приуралье. Одна из характерных черт приморской керамики—венчики с внешним треугольным в сечении ребром—является в то же время и одной из характерных черт сосудов чужъяельской культуры. В орнаментации посуды этой культуры можно отметить мотивы, отдаленно напоминающие орнаментацию приморской посуды. Это заштрихованные края венчика «елочкой» или ряд наклонной гребенки, ряд ямок под утолщенным краем венчика. Для орнаментации Чужъяеля характерно применение копытного штампа, зигзага, выполненного гребенкой, полуулунного гребенчатого (чешуйчатого) штампа,⁵ замеченного, очевидно, к эпохе средневековья погтевыми вдавлениями. Керамика, во многом сходная (в профилировке венчика) с керамикой п-ва Ямал, встречается в Северном При-

уралье, на стоянке Колва-Вис (близ устья Печоры), относящейся к концу бронзового века, к атаманюрской культуре.⁶ В переходное время от бронзового века к железному на поселении Кыско, которое отнесено В. С. Стоколосом к лебяжской культуре, встречается керамика, имеющая аналогии с приморской посудой Ямала, как в профилировке венчика, так и в композиционном построении орнамента.⁷

Все это дает нам основание искать генезис приморской культуры в Северном Приуралье и видеть ее исторические корни в чужъельской культуре эпохи энеолита. На протяжении бронзового и раннего железного века на некоторых поселениях тундровой зоны, расположенных относительно недалеко от морского побережья, к западу от Уральского хребта встречаются фрагменты керамики, аналогичные посуде Ямальского приморья.

Тундровая зона, являющаяся территорией обитания населения приморской культуры, составляет в Северном Приуралье довольно узкую полоску, вытянутую вдоль побережья. Более сильное в культурном отношении таежное население оказывало значительное влияние на носителей приморской культуры в этом районе. Этим объясняется определенная культурная компрессия на территории Северного Приуралья. В этом отношении значительная по протяженности тундра Ямала является более труднодоступной для проникновения таежного населения, что отразилось в археологическом материале ямальских памятников. Автохтонное население Ямала не подвергалось такому сильному влиянию таежных культур юга, как население Северного Приуралья.

По материалам раскопок на мысе Хаэн-Сале В. Н. Чернцов предположил, что древние жители арктической тундры к середине XVII в. были ассимилированы ненцами, которые с развитием у них крупно-табунного оленеводства продвинулись в северную тундру. В ненецкой фольклорной традиции автохтоны именуются «сихирт» (сирит).⁸

Доненецкое население арктической тундры характеризовалось рядом особенностей хозяйства, прежде всего значительной долей морского зверобойного промысла. Об этом свидетельствуют как находки на мысе Тиутей-Сале, так и расположение стоянок на побережье моря (То-яха I, II, III; Паелово I; Мыс Каменный I, Тиутей-Сале, Хаэн-Сале и др.).

Однако, приморское население осваивало не только прибрежную зону, но и глубинно-тундровые районы, наиболее пригодные для промысла (охота на дикого оленя, гусей, рыболовство). Таким образом, встает вопрос об определении места зверобойного промысла в хозяйственном комплексе аборигенов тундры.

А. В. Головнев, основываясь на этнографических материалах, собранных на полуостровах Ямал и Гыдан, заключил, что в конце XIX—начале XX вв. охота на морского звенинте оленеводства, была весьма продуктивной, играла немаловажную роль в экономике ряда северо-тундровых хозяйств ненцев и осуществлялась круглогодично. Судя по археологическим данным, в период средневековья этот вид хозяйства имел еще большую значимость: основную долю осене-зимних остатков в земляниках на Тиутей-Сале, Хаэн-Сале составляют кости морского зверя.⁹

Однако, на памятниках центральной тундры нами не обнаружено костей морских животных, что можно объяснить, скорее всего, раскопками ненцами стоянок «сихирт» (тихирт-ярэ) в целях обнаружения дефицитной кости, как поделочного материала. О зверобойном промысле арктического населения Приуралья и Ямала свидетельствуют исторические и фольклорные данные.¹⁰

Сравнивая места стоянок «сихирт» и современных ненецких стойбищ, можно еще раз подчеркнуть неоленеводческий облик хозяйства приморского населения. Ненцы-оленеводы, выбирая место для стоянки, располагаются в отдалении от больших озер, рек, морского побережья, на невысоких сопках, прикрытых от ветра. Основным условием выбора места для стойбищ является наличие хорошего пастбища и достаточно широкого пространства для загона оленей в кораль. Крупные водостоки в этой связи выступали бы помехой для скарауливания оленей. Поселения же арктического населения представлены кратковременными стоянками, о чем свидетельствует малое количество культурных остатков в слое. По всей видимости, это связано с полукочевым образом жизни людей, оставивших стоянки. В связи с этим, встает вопрос о средствах передвижения приморского населения. Многие исследователи правомерно указывали на органич-

ность связи морской охоты и собаководства.¹¹ Косвенным доказательством служат находки собачьей упряжи на городище Усть-Полуй.¹²

Как уже говорилось выше, ненцы-оленеводы ассимилировали автохтонное население Ямала, в результате чего (находясь в одних экологических условиях) они не могли не перенять у приморского населения некоторые элементы традиционной формы хозяйства, в данном случае промысел на морского зверя, белого медведя и др., в дальнейшем утраченные.

В сфере духовной культуры, одним из заимствований у древнего приморского населения, является выбор ненцами мест и принципы построения жертвеников (святилищ). При раскопках в устье реки Сидай-яха было найдено древнее святилище, которое представлено большим количеством черепков белого медведя, песца, нерпы, моржовой кости, остатками столбовых ямок — следов сядаев (деревянных культовых скульптур). Аналогичную картину мы можем наблюдать и на современных жертвенных местах, с той лишь разницей, что они представляют собой кучи из оленьих рогов, черепов песца, нерпы, напоминающие по форме ненецкий чум, в центре которого ставится хэтэ и сядай, охраняющие его.

Исследователи, работавшие в Арктике, пытались определить причины кризиса арктической культуры Ямала. И. И. Крупник видел их в смене климатических периодов — теплого и благоприятного для морского промысла (IX—XII вв.) на неустойчивый, с частыми бурями, штормами, суровыми зимами (XIII—XVI вв.) — при одновременном хищническом зверобойном промысле русских и западноевропейских китобоев. А. В. Головнев отмечал трансформацию способов морской охоты, на которую существенное воздействие оказало распространение огнестрельного оружия, металлического и сетевого промыслового инвентаря. Сокращению удельного веса отрасли в хозяйственном комплексе северо-тундровых жителей способствовало и развитие пушного промысла.¹³

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чернецов В. Н. Древняя приморская культура на полуострове Ямал // СЭ. 1935. № 4—5. С. 109—124.

² Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. // МИА. 1957. № 58, С. 240.

³ Чернов Г. А. Атлас археологических памятников Большемельской тундры // М., 1985. С. 9. Табл. 12, рис. 5, 6, 7, 9, 17; Табл. 14, рис. 4, 12, 15, 18, 20, 28; Табл. 15, рис. 2, 7, 5, 11; Табл. 16, рис. 17, 18, 21, 22; Табл. 24, рис. 1.

⁴ Стоколос В. С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья // М., 1988. С. 40.

⁵ Стоколос В. С. Древние поселения Мценской долины // М., 1986. Рис. 8, 9, 11, 12, 15, 16, 17, 25, 26, 27.

⁶ Стоколос В. С. Культура эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988. Табл. 37, рис. 12, 13.

⁷ Там же. Табл. 42, рис. 4.

⁸ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. // МИА. 1957. № 58. С. 241.

⁹ Головнев А. В. Этнографическая реконструкция хозяйственного облика приморской культуры на севере Западной Сибири // Источники и методы исследования социальных и культурных процессов. Омск, 1988. С. 95.

¹⁰ Ламартинье П. М. Путешествие в Северные страны // Записки Московского археологического института. М., 1912. Т. 15. С. 46, 93.

¹¹ См. например: Головнев А. В. Указ. соч. С. 98.

¹² Мошинская В. И. Археологические памятники Западной Сибири // Свод археологических памятников. М., 1964. Вып. ДЗ—8. Табл. 4, С. 55.

¹³ Головнев А. В. Указ. соч. С. 96.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПОСЕЛЕНИЯ
ЛЕСОСТЕПНОЙ ПОЛОСЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
XIV — XV вв.

(возможные направления исторической реконструкции)

В исторической науке каждое из ее направлений или дисциплин — археология, этнография и топонимика, история — имеют свои специфические источники, которые в конечном итоге служат одной цели: реконструкции исторических процессов, событий или явлений, протекавших в прошлом. Эти источники по своей форме и внутреннему содержанию, несущему информативную нагрузку, во многом отличны друг от друга, хотя археология и этнография имеют близкие вещественные данные (орудия труда, предметы быта и др.). Особенность археологических и этнографических источников заключается, в основном, в месте их «хранения», культурном слое или социальной среде и времени, которое они отражают (характеризуют). История располагает особыми материалами, в которых содержится вся информация.

Источниковедческая база этих научных дисциплин отличается объемом и объективностью сведений, заложенных в них. Выявление и использование более широкого круга данных по изучаемому историческому периоду является важной частью научного исследования. Это, в свою очередь, расширяет перечень задач и вопросов, которые могут быть решены на их основе. Наличие разнотипных и разнохарактерных по своей информативности источников может этому только способствовать.

Мы имеем опыт подобного рода исследований, особенно для тех этносов, которые имели свою письменность. Это большинство стран древнего и античного мира, средневековая история Европы и почти всех регионов Азии. У нас в стране — история Руси, Кавказа, Средней Азии и отдельных государств восточных районов, например, Чжурчженей.

По истории народов, не имевших своей письменности, может быть использована информация, которую собрали о них соседи. Опыт подобного исследования был предпринят, например, Э. А. Савельевой по коми-зырянам.¹ В разделе «Источники и историография вопроса» среди источников отмечаются русские летописи, документы (договорные грамоты), народные сказания.²

Как показали исследования, разнообразной источниковой базой располагает и средневековая история народов Западной Сибири, входивших в состав сибирских политических объединений. Но специальные работы по выявлению и анализу источников для данного региона эпохи средневековья отсутствуют. Целью данной работы является определение этих источников, выяснение их информационной значимости и определение задач, которые возможно решать, опираясь на них.

Среди опубликованных исследований по рассматриваемому региону необходимо отметить учебное пособие З. Я. Бояршиновой³ и диссертацию А. Г. Нестерова.⁴ В первой работе данной проблеме посвящен целый раздел, названный «Источники (археологические и письменные)», который охватывает значительный период с I тыс. до н. э. и по XVI в. н. э.⁵ Наряду с незначительным археологическим материалом, относящимся к середине II тыс. н. э., автором упоминаются «Сибирские летописи».

Значительно шире археологическая база в работе А. Г. Нестерова, поскольку были обобщены материалы исследованных к концу 80-х годов археологических памятников.⁶ Кроме того, в диссертационное исследование включены «отдельные произведения шейбанидского круга» и некоторые сибирско-татарские народно-краеведческие произведения.⁷

В этом же плане интересно отметить монографию М. Г. Сафаргалиева, в которой отмечаются отдельные источники по рассматриваемому региону, хотя исследование в основном касается других проблем и территорий.⁸ В частности, автор указывает некоторые русские летописи, в которых имеется определенная информация о событиях XIV—XVI вв. в Западной Сибири.⁹

Дорусское население Западной Сибири своей письменности не знало или, по крайней мере, мы пока не располагаем сведениями обратного порядка. Но это не значит, что письменные свидетельства по этому региону отсутствуют вообще.

Среди имеющихся источников по данной проблеме в качестве ведущих необходимо отметить следующие: вещественные (археологические, этнографические), письменные и топонимические данные.

I. Археологические источники. Они включают собственно археологические памятники — объекты и ту информацию, которая в них содержится. Сам археологический памятник — это сложный многосоставной или многокомпонентный источник, который состоит из ряда блоков, несущих информационную нагрузку: месторасположение—оборонительные сооружения, внутренняя—внешняя планировка, жилые—хозяйственные постройки и т. д. Наконец, все то, что содержится в культурном слое.

Данные по археологическим памятникам, характеризующим материальную культуру народов, входивших в состав политических объединений Западной Сибири середины II тыс. н. э., до недавнего времени были фрагментарны и отрывочны. В настоящее время объем информации заметно возрос. При ее анализе можно отметить два направления, по которым шло накопление материала. Выражаясь методическим языком археологии, это «разведка», т. е. описание, внешняя характеристика памятника, и раскопки—раскрытие их внутреннего содержания. В изучении памятников средневековой лесостепной полосы Западной Сибири отмечаются два этапа:

1-й этап характеризуется сбором информации и описанием памятников, указанием их расположения, где «татаровия живут» (начато Н. Спафарием и С. Ремизовым¹⁰ и продолжено позже);

2-й этап связан с накоплением вещественных источников, получаемых при исследовании археологических объектов. Начало данной работы было положено В. Н. Пигнинти с раскопок на Искере—столице Сибирского ханства.¹¹ Уже тогда был получен разнообразный материал: орудия труда и предметы быта, украшения и изделия азиатских мастеров.¹² Продолжила изучение памятников сибирского юрта

В. П. Левашова. Полученная ею информация дополнила ту, которая уже имелась и содержала новые данные о строительных традициях западносибирских татар.

Последние десятилетия ознаменовались расширением источников базы по средневековой истории лесостепной зоны Западной Сибири. Поток информации возрос благодаря проведенным археологическим исследованиям сотрудников ИА АН СССР, Тобольского, Омского, Новосибирского педагогических институтов, научных организаций Свердловска, а также специалистами музеев этих и других городов. Уточнена топография известных и вновь открытых памятников. Это дало возможность произвести их типологию, выявить закономерности и особенности расселения народов, а в конечном итоге, определить их место и роль в социально-экономической и политической истории региона.

Содержащиеся в памятниках вещественные источники являются прямыми свидетельствами различных событий и явлений. Их значение для реконструкции вопросов социально-экономического характера переоценить трудно. Орудия труда, костные останки диких и домашних животных — уровень и направления развития хозяйства. Местная керамика, литеевые формы, тигли, отходы металлургического производства, орудия обработки шкур, прядильца и другие изделия — уровень ремесленного производства. Предметы «импортного» происхождения — торговые связи. А все в совокупности позволит решать вопросы имущественного расслоения общества, его социальной стратификации и многих других проблем, обработка которых имеет положительный опыт в археологии.¹³

Для периода XIV—XVI вв. археологические источники по объему и внутреннему содержанию занимают первостепенное положение.

II. Этнографические источники. Основным объектом, предметом этнографии является этнос и его история, которая проявляется во всем многообразии: от образования и всестороннего развития до исчезновения или сохранения до настоящего времени. Материальная и духовная жизнь этноса, в самом полном и широком его выражении, является тем материалом, который наполняет этнографическую науку.

Неразрывная связь между этнографией и археологией отмечается специалистами постоянно.¹⁴ Имеются и довольно

глубокие исследования, проведенные археологами, где этнографические параллели широко используются в реконструкции исторических процессов, протекавших в древних обществах.¹⁵ Вопросы взаимодействия этих наук являются предметом совместных обсуждений специалистами, где в итоге были получены интересные результаты.¹⁶

Учитывая все отмеченное, можно сказать, что в данном случае, при изучении истории народов лесостепной полосы Западной Сибири, мы имеем прекрасную возможность для археолого-этнографических сопоставлений и на их основе реконструкции исторических процессов XIV—XVI вв. Для этого необходимо выявить круг этнографических материалов, которые позволяют: во-первых, определить характер и функциональную направленность отдельных предметов археологии и реконструкцию материальной культуры, как в целом, так и во всех ее составных частях; во-вторых, воссоздать особенности формирования и развития погребального обряда как составного элемента материальной и духовной культуры; в-третьих, проследить контакты западносибирских татар с населением сопредельных территорий, нашедших отражение в материальной и духовной культуре; в-четвертых, рассмотреть вопросы этногенеза западносибирских татар.

Среди материалов краеведческих музеев Западной Сибири, в этнографических собраниях Омского и Томского университетов имеются довольно значительные материальные остатки тюрко- и угрозычных народов лесостепной полосы рассматриваемого региона. Орудия земледелия и переработки земледельческих продуктов, обработки сырья, получаемого в результате охотничих и рыболовецких промыслов, предметы керамического и берестяного производства, жилые и хозяйственные постройки и другие элементы материальной культуры зафиксированы и обследованы этнографами. Большинство этих материалов опубликовано в обобщающих статьях и монографических изданиях, а также начаты публикации коллекций по отдельным народам Сибири.¹⁷

III. Письменные источники. Опираясь на разработанную в советской исторической науке типологию письменных источников по изучаемому вопросу, можно выделить следующие: документальные и повествовательные. К первым относится незначительное количество документов дипломатического характера. Повествовательные

включают русские и сибирские летописи, жития, записки, свидетельства, описания и другие виды письменных сообщений, которые по месту создания можно подразделить на арабо-персидский и европейский круг. Их авторами были дипломаты, купцы, путешественники. Особо нужно отметить исторические труды участников академических экспедиций XVIII в. С одной стороны, это научные исследования, но с другой они содержат фактическую информацию археологического и палеоэтнографического характера. Безусловно, подобные исторические сочинения могут рассматриваться как источники и как исследования. «Чаще всего оно (историческое сочинение.— В. С.) имеет значение как то, и как другое одновременно».¹⁸

Среди документальных источников необходимо отметить материалы дипломатического содержания. «Активные дипломатические связи России с многочисленными ханствами крымских, ногайских, а также сибирских и казанских татар были вызваны важнейшей проблемой русской внешней политики конца XV—начала XVI века—необходимостью окончательной ликвидации зависимости от преемников Золотой Орды».¹⁹ Именно с конца XV в., а точнее с 1488 г., имеется упоминание о дипломатических сношениях хана Ибака и Ивана III.²⁰ 60—70-е годы XVI в. характеризуются наиболее активными контактами между сибирскими правителями Евдигером, а затем Кучумом с русской администрацией и Иваном IV. Они нашли свое отражение в ряде грамот, по которым можно судить о социально-политических событиях, проходивших в Сибирских ханствах. Наличие самих грамот и некоторые вопросы, отраженные в них, позволяют судить о международном положении и отношениях с соседями.²¹

Летописные источники имеют некоторые особенности. Русские летописи — это исторические повествования, которые составлялись людьми, далекими от событий и явлений, протекавших за Уральскими горами. Не вызывает сомнений, что информация о сибирских ханствах составителям летописей давалась опосредованно, через других лиц, и требует серьезной проверки и сопоставления с данными других наук. Довольно узок и круг вопросов, нашедших отражение в этом типе источников. В основном, это сведения социально-политического характера, сообщения об отдельных сибирских правителях и упоминание городов, где происходили те или иные события.

Среди бесценных летописных памятников нашей страны особое место занимают «Сибирские летописи» — важнейший источник по средневековой истории Западной Сибири. Они являются первыми местными письменными сообщениями о крае. Составленные в конце XVI—XVII вв., дополненные позднее, они являются единственными прямыми свидетельствами многих исторических процессов и событий, протекавших здесь. Материалы «Сибирских летописей» не только несут информацию по вопросам присоединения Западной Сибири к русскому государству, а именно в этом направлении, в основном, их сведения только и используются, но и являются важным источником по дорусской истории края. Их анализу посвящено значительное количество статей и монографических изданий, в которых рассматриваются вопросы датировки, определение авторства, места создания и др.²² Они пополняются новыми, не известными ранее списками.²³ В целом, «Сибирские летописи» характеризуются как летописный сборник, открывающий страницы движения русских на восток.

Одним из немногих исследователей, кто довольно глубоко анализировал эти материалы как источник о дорусской Сибири, был А. И. Андреев.²⁴ Совершенно справедливо подчеркивая скучность данных «...о народах Сибири, с которыми сталкивался его герой Ермак», он в то же время отмечал, что в дополнении с другими данными этот материал раскрывается по-новому.²⁵ Рассматривая генеалогию сибирских правителей, к летописям обращался М. Г. Сафаргалиев.²⁶ Некоторые факты, касающиеся жизни коренных жителей Западной Сибири, приводит в I томе «Истории Сибири» З. Я. Бояршикова.²⁷

Анализ «Сибирских летописей» показывает, что спектр вопросов, которые отмечены их составителями, довольно многообразен: от природоклиматических и полулегендарных виначале, до подлинных (фиксируемых по другим документам) правителей Сибирского юрта.²⁸ Вопросы, которые сосредоточены в летописях, можно разделить на следующие: естественно-географического характера — природа и климат, реки, звери, птицы и рыба, животный мир;²⁹ населенные пункты: города и городки, которыми владели и в которых жило коренное население. Иногдадается их топо- и планиграфия, а также упоминается внутреннее

содержание: жилые и хозяйственные постройки;³⁰ уровень и развитие экономики, а также торгово-экономические связи местного населения со среднеазиатскими городами, и прежде всего с Бухарой, пути и маршруты, караванные дороги, по которым они шли, состав торговцев.³¹ Последний круг вопросов касается проблем социально-политического и культового характера, включает: структуру управления, традиционные и новые религии, принципы и методы воинских формирований и родословные местных правителей.³²

Данные топонимики. Большой интерес представляют топонимы, распространенные в лесостепной полосе Западной Сибири. Определяя возможности этой дисциплины для решения исторических вопросов, А. П. Дульzon писал, что она «...в качестве источника для истории имеет своей целью установить границы былого проживания различных народов или этнических групп на определенной территории, выяснить их передвижения на ней и определить связанные с нею относительные или абсолютные даты этнографического характера».³³

Наиболее древними топо- и гидронимами региона являются названия, относящиеся к угорскому языковому кругу. Количество они значительно преобладают и распространяются в таежной и предтаежной зонах этой территории, частично опускаясь южнее и смешиваясь с тюркскими. Среди них наиболее распространены названия, имеющие основания или оканчивающиеся на -ох, -ахт (манс.); карга, корга (восходит к финно-уграм); курт (ханты) и др. Со второй половины I тыс.—времени проникновения в регион тюрков—здесь распространяется и закрепляется в названиях мест тюркская основа. Среди наиболее распространенных встречаются — агын, ахын, аым, аним, агым, апыт, апаи, булақ, булаг, булок (превращенное в кулак, Тюм. обл. —В. С.); галым, елга и др.

Топонимы, распространенные в регионе, отражают не только этногенетические вопросы, но могут характеризовать социально-экономическую сторону исторических процессов. Так, некоторые названия свидетельствуют: о хозяйственной деятельности—Кыштовка (райцентр НСО) — кыштау — зимнее стойбище, альтернатива летнему стойбищу, оба связаны с ведением скотоводческого хозяйства, Тебендея

(село в Омской области) имеет два объяснения — зимнее стойбище и место, где трава выпотапана; производное от этого топонима — тебеневка — пастьба скота на заснеженных пастбищах. Интересное объяснение самоназванию одной из групп западносибирских татар-туралиицев дает В. И. Огородников: городские или оседлые жители.³⁴ Это предположение, очевидно, строится на производном от топонима тур — город, крепость. Но данное название, если оно отражает истину, говорит и о том, что не все западносибирские татары были скотоводами, отдельные группы вели оседлый образ жизни. Карабчи (населенный пункт Тюменской области) — имя собственное или название, должность приближенного к хану лица. Тархан (населенный пункт Тюменской области) — освобожденный от пошлины или высокий сан, титул правителя и др.

Важным в решении вопросов этногенеза, прежде всего западносибирских татар, является распространение монгольских топо- и гидронимов: Татарка, Ордынское, Чингисы и другие топонимы явно монгольского происхождения.³⁵

В качестве дополнительных источников в решении частных вопросов могут быть использованы данные фольклора, антропологии, остеологии и других наук.

Отмеченный выше круг источников является информативно наиболее насыщенным. Они занимают ведущее место в реконструкции исторических процессов, протекающих в лесостепной полосе Западной Сибири в середине II тыс. н. э. Опираясь на эти данные, мы можем определить те направления, по которым возможно проведение этой работы.

Наиболее полно в источниках отмечена хозяйственная деятельность жителей региона. Она базировалась на производящей экономике, ведущее положение в которой занимало скотоводство полукочевого типа. Расположение поселений — зимники в предтаежной зоне и летники в степных районах, остеологический материал, принадлежности рыбной ловли и охоты, орудия земледелия. Вещи из стран Азии, китайский фарфор, золотоордынские монеты свидетельствуют о торговых связях.

Вопросы расселения жителей региона, времени возникновения политических объединений, социально-политической истории, административного устройства — вот тот основной круг проблем, которые могут быть решены при реконструкции исторического прошлого региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Савельева Э. А. Пермь вычегодская. М., 1971.
- ² Указ. соч. С. 5—17.
- ³ Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960.
- ⁴ Нестеров А. Г. Государство шейбанидов и тайбутидов в Западной Сибири в XIV—XVII вв.: Археология и история: Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М., 1988.
- ⁵ Бояршинова З. Я. Указ. соч. С. 16—19.
- ⁶ Напр.: Молодин В. И. Кыпштовский могильник. Новосибирск, 1978; Соболев В. И. Барабинские татары: XIV—начало XVII вв. н. э. (По археологическим материалам): Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Новосибирск, 1983.
- ⁷ Нестеров А. Г. Указ. соч. С. 4.
- ⁸ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
- ⁹ Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. С. 201—231.
- ¹⁰ Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири: XVII век. М.: Л., 1960. Вып. 1.
- ¹¹ Пигнатти В. Н. Искер (Кучумово городище): Ежегодник Тобольского музея. Тобольск, 1915. Вып. XXV.
- ¹² Там же.
- ¹³ Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. М., 1976.
- ¹⁴ Дербов Л. А. Введение в изучение истории. М., 1981. С. 67; Основы этнографии. М., 1968. С. 11—12; Итс Р. Ф. Введение в этнографию. Л., 1974. С. 71; Этнография. М., 1982. С. 29; Авдусин Д. А. Археология СССР. М., 1977 и др.
- ¹⁵ Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.
- ¹⁶ Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 119—146.
- ¹⁷ Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Томск, 1986.
- ¹⁸ Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения. Ростов-Д., 1976. С. 67.
- ¹⁹ Автократова М. И., Буганов В. И. Сокровища документов прошлого. М., 1986. С. 215.
- ²⁰ Скрыников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. С. 101—103.
- ²¹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII вв. М., 1972. С. 18—19.

- ²² Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965.
- ²³ Дворецкая М. А., Медведев П. А. Новый список Сибирской ле.
тописи Абрамовского типа // Новые материалы по истории Сибири
досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 55—81.
- ²⁴ Андреев А. И. Указ. соч. С. 151—152.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. С. 220—221.
- ²⁷ История Сибири. М.-Л., 1968. С.
- ²⁸ Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. С. 222—223; ПСРЛ. М., 1987. Т. 36
С. 32, 80, 91, 107 и др.
- ²⁹ ПСРЛ. С. 32, 80, 91, 107, 129 и др.
- ³⁰ Там же. С. 33, 38, 54, 56, 113 и др.
- ³¹ Там же. С. 38, 53, 62, 90, 92, 95 и др.
- ³² Сам же. С. 33, 54, 81, 121 и др.
- ³³ Дульzon А. П. Дорусское население Западной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 361—371.
- ³⁴ Огородников В. И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Иркутск, 1920, Ч. 1. С. 218.
- ³⁵ Воробьева И. Язык земли. Новосибирск, 1971.

С. В. Лезова

ЖИЛИЩЕ СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ

Основными видами традиционных жилищ у северной группы селькупов являются полуzemлянки каркасно-столбовой конструкции «пой мот», «локоро пой мот», «локоро чуй мот»; наземные переносные чумы «мот» и временные постройки «кумар», «кора».¹

«Пой мот» представляет собой строение высотой 1,8 м с основанием квадратной (4×4 м) или прямоугольной (6×7 м) формы (рис. 1,1). Глубина жилищной ямы равна 30—40 см. Каркас жилища имеет вид усеченной пирамиды, он состоит из четырех опорных столбов (эттая) и балок перекрытия (тоды). Основные столбы ставят по углам жилища с наклоном к центру. При малом наклоне столбы закапывают на глубину 80 см, при большом — на 1 метр. На вершине каждой опоры вырезают пазы, в них укладывают верхние перекладины (тоды), образующие собой четырехугольную раму. Затем устанавливают два бревна дверного проема. Стены покрывают плахами (расщепленные вдоль на две половины стволы лиственницы, приставляя их плотно друг к другу. На углах плахи располагают веерообразно. На крыше, от входа к задней стенке, укладывают толстые жерди, расстояние между ними соответствует ширине двери. Крышу закрывают плахами, оставляя в центре отверстие для выхода дыма. На внешней поверхности жилища делают настил из полотнищ дерна или бересты, после все строение засыпают песком. Песок берут вокруг жилища, впоследствии образовавшиеся ямы используют для сброса хозяйственных отходов. Толщина насыпи у основания жилища достигает 35 см, вверху и на крыше 10—15 см. По углам насыпь делают больше.

Дверью служит оленья шкура или многослойная вываренная береста. Иногда к жилищу данного типа пристраивают «коридор» в виде навеса, при этом несколько изменяется способ крепления верхних перекладин (рис. 1,2). Вход строения ориентируют к реке или в сторону утреннего и дневного положения солнца. Интерьер этого жилища и всех нижеописанных одинаков. В центре располагают очаг, огораживая его с трех сторон бревнами. По периметру бревен укладывают

доски. За очагом, напротив входа, находится «сытке» — сакральная часть жилища. С двух сторон от очага располагают спальные места; для этого настилают траву и лапник, сверху раскладывают постели из оленьих шкур. От входа к очагу кладут бревенчатый настил (рис. 1,3).

Между членами семьи места в жилище распределяются следующим образом. С обеих сторон, ближе к входу, находится женская часть. Здесь хранятся дрова, посуда, принадлежащие женщине вещи. По обе стороны от очага и за ним располагается мужское место, здесь же находятся дети. «Сытке» считается почетным местом для уважаемого гостя.

Следующее жилище «локоро пой мот» имеет форму усеченного конуса высотой 2,5 м, в диаметре 3—4 м (рис. 2,1). Глубина жилищной ямы 25—30 см. Каркас постройки составляют две основные плахи, соединенные вверху перекладиной. Перекладина (тодт) представляет собой длинный, 40—50 см, треугольный в сечении брус, в котором вырезаны пазы. Нижние концы плах закопаны в землю на глубину 30—40 см. На основную конструкцию, по окружности жилищной ямы, накладывают остальные плахи. Изнутри их укрепляют песочной насыпью. Щели забивают мхом. С внешней стороны жилища закрывают берестой, всю поверхность засыпают песком толщиной 10—15 см; чтобы он не скатывался, через каждые 40—50 см по периметру постройки укладываются жерди. Для выхода дыма в верхней части делают отверстие.

Жилище «локоро чуй мот» (рис. 2,2) отнесено автором к полуземляночному типу на основании материала покрытия и небольшого углубления: если же брать как основной признак строение каркаса, то его следует причислить к постройкам типа чум. «Локоро чуй мот» — земляной дом, имеющий вид конуса. Жилищная яма круглая диаметром 3—4 м, глубиной 20 см. Основой каркаса являются две сосновые жерди (эттэ) с рогатинами на верхних концах. На них накладываются длинные шесты, как и при строительстве чума. По всей окружности к каркасу приставляют короткие палки. В верхней части постройки делают берестяной настил, затем деревянное основание покрывают дерном и засыпают песком.

Наземная переносная конструкция конической формы чум «мот» состоит из деревянной основы и покрытия. Из общего количества шестов (28—30 штук) выделяются два ос-

новных. Существует два способа их крепления: в первом случае шесты связывают вверху веревкой, во втором они крепятся с помощью разводил, находящихся на вершинах обоих шестов. Покрытие чума изменяется в зависимости от времени года. Зимой используются юкки, сшитые из оленьих шкур, летом — из бересты. В средней части некоторых чумов укрепляют внутренний деревянный обруч, соединяющий все шесты, чтобы дом не качался при сильном ветре.

Временные жилища строятся охотниками и рыбаками на промыслах. Иногда подобные постройки используются в качестве подсобных помещений. Наиболее распространенными у селькупов являются строения «кумар» — шатер из тальника полусферической формы с берестяным покрытием; «кора» — навес из жердей в виде полукума, покрытием служат лапник, береста.

Понятно, что интерес представляет не столько детальное изучение и описание жилищ, сколько возможность моделирования истории их возникновения или заимствования. Исходя из того, что всякие изменения в материальной культуре вызваны эколого-хозяйственными сдвигами или взаимодействием этнокультурных традиций, мы пытались определить реагентные и консервативные элементы жилых конструкций. Основным методом исследования был избран сравнительный анализ. Жилища северных селькупов сопоставлялись с функционально-подобными постройками соседних этнических групп по ряду признаков: 1) способ крепления каркаса, 2) степень углубления, 3) материал покрытия, 4) ориентация входа, 5) интерьер.

Наиболее информативными представляются два первых и последний параметры. Сравнение по третьему признаку привело к выводу о том, что материал покрытия жилищ идентичен для всех этнических групп, проживающих в зоне тайги. Видимо, это объясняется сходными природно-климатическими условиями. Следующий критерий, ориентация входа, также оказался недифференцирующим, поскольку он регламентируется общим для аборигенов Западной Сибири представлением о пространственном строении мира. Северная и западная части света ассоциируются с холодным миром умерших, а южная и восточная символизируют добро, жизнь. Часто встречающаяся ориентация входом к реке (но ни в коем случае не вниз по течению) — также отражает представление

о мире, только в горизонтальном его членении. В верховых реки проживают боги и духи, покровительствующие людям, это «чистая» священная часть; в среднем течении — сфера жизнедеятельности человека; в низовьях — страна умерших, место обитания всей «нечистой» силы.

Жилище «пой мот» по двум первым параметрам можно связать с аналогичными постройками нарымских селькупов и вааховских хантов. Г. И. Пелих, изучив жилые строения селькупов Нарымского края, разделила их на шесть типов.² Последний, уже исчезнувший с указанной территории, представлен однокамерной шатровой полуземлянкой с наклонными столбами под названием «плюй мот». Определенное созвучье с названием подобного жилища северных селькупов (пой мот) подтверждается сходством в наименовании опорных столбов: для нарымской группы «эттет», для тазовской «эттая». Однако наблюдаются и существенные различия: жилищная яма у южной группы селькупов была значительно глубже (1 м и более), в связи с этим земляные стены укреплялись деревянным срубом. Внутренняя планировка этих построек отличается от североселькупских: очаг находится в левом переднем углу, нары располагаются слева от входа и у противоположной ему стены.

В числе множества жилых построек хантов З. П. Соколова описывает бытовавшие в начале XX в. у вааховского и васюганского населения шатровые полуземлянки каркасно-столбовой конструкции в виде усеченной пирамиды; вершины опорно наклонных столбов соединены четырехугольной рамой.³ Степень углубления этих жилищ не превышает 80—90 см, чаще всего она достигает 20—30 см. К некоторым из них примыкают крытые сени или навес с плоской крышей на вертикальных жердях. Интерьер хантыйских жилищ также отличается от селькупского. Очаг, как правило, располагается с правой стороны от входа, нары тянутся вдоль правой и противоположной входу стен.

Из вышесказанного следует, что конструкция «пой мот» была перенесена на территорию Тазас с юга (Нарым, Вах). Сохраненные в памяти строительные навыки были использованы для новой среды обитания и прекрасно соответствовали экологической обстановке. Если учесть хозяйственную переориентацию селькупов (при продвижении на север они сменили оседлое рыболовство на пушную охоту),

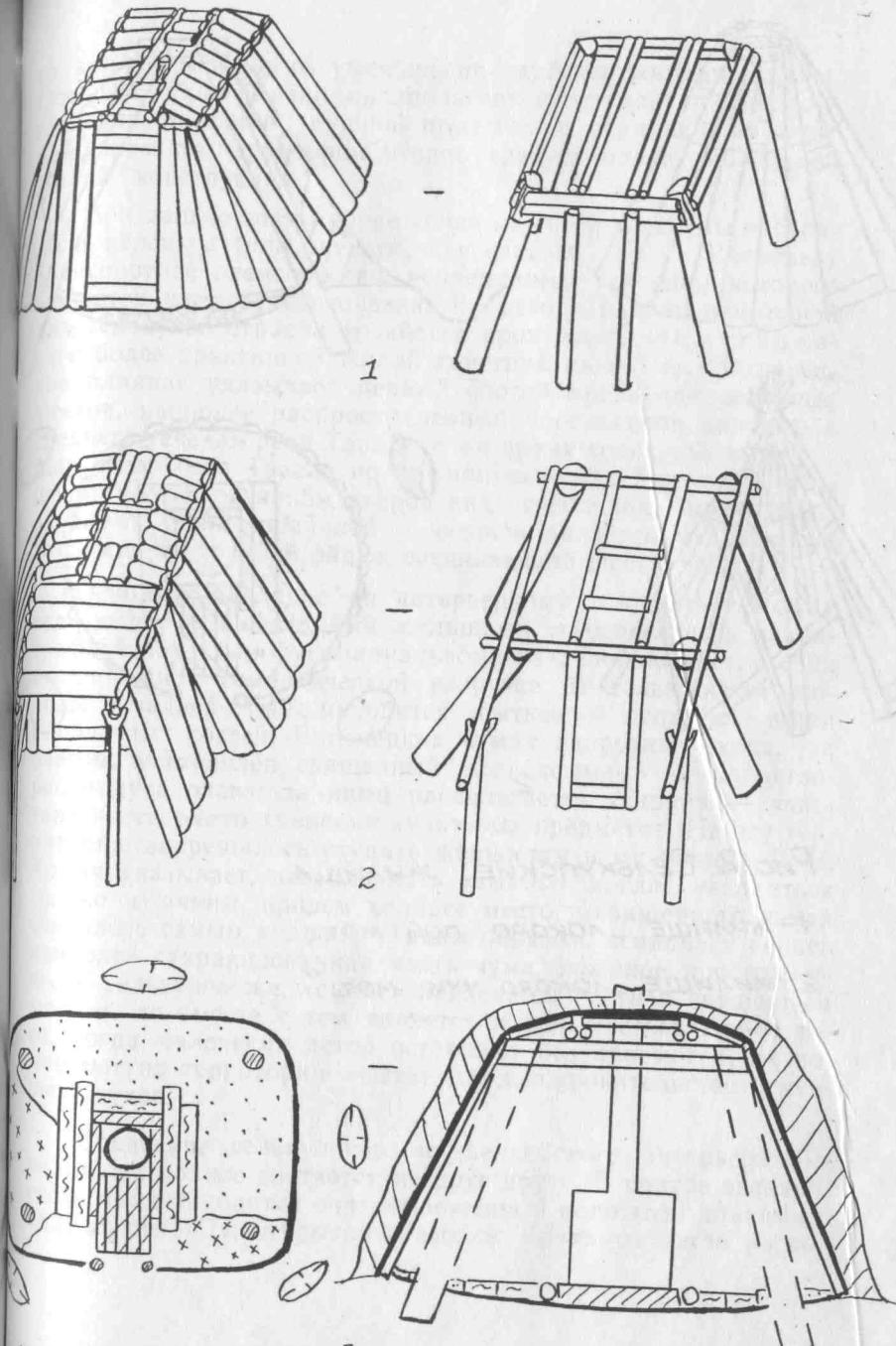
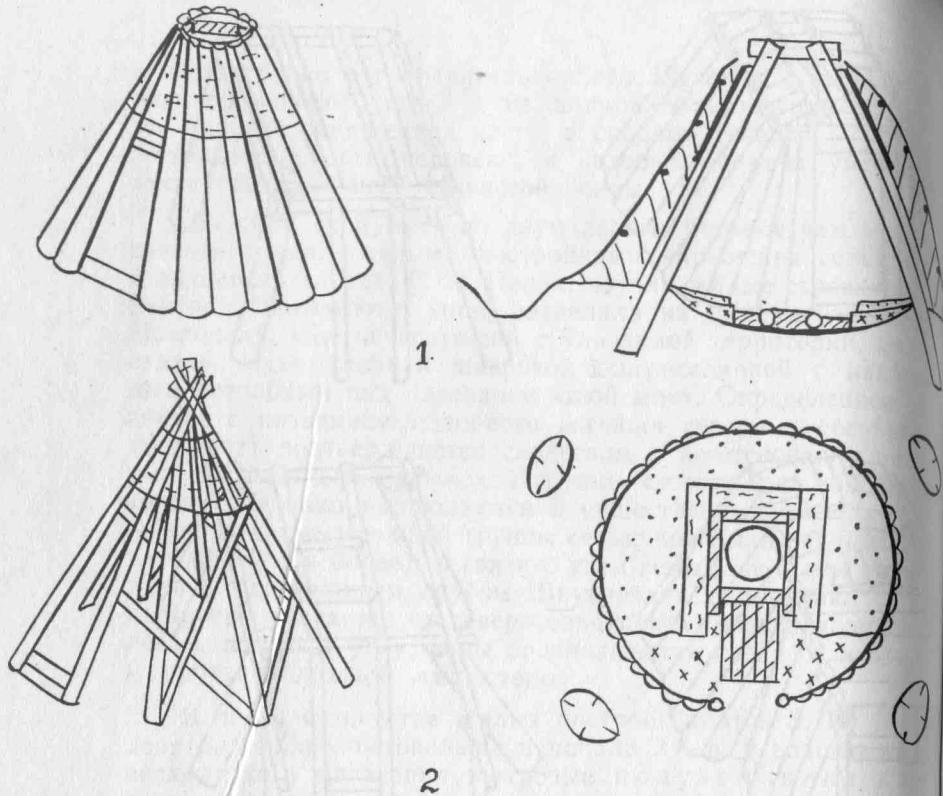

Рис. 1. Жилище „пой мот.“ 1 — общий вид; 2 — конструкция с навесом; 3 — план и разрез.

Рис. 2. Селькупские жилища.

- 1- жилище „локоро пой мот“
2- жилище „локоро чуй мот.“

то вполне объяснимо уменьшение глубины жилищной ямы. Оседлый образ жизни предполагает фундаментальные долголетние постройки; пушной промысел с периодичным перемещением по территории угодий требует более мобильной жилой конструкции.

При дальнейшем продвижении на север селькупы восприняли ненецкое (или энечкое, как считает В. И. Васильев) транспортное оленеводство, непременным условием которого являются частые перекочевки. В связи с появлением новой для селькупов отрасли хозяйства произошло заимствование более практичной жилой конструкции—чума. На ненецкое влияние указывает первый способ крепления основных шестов, наиболее распространенный у селькупов нижнего и среднего течения реки Таз. В то же время селькупы, живущие в верховья Таза и по его притокам (р. Ратта, Ширта), используют в основном второй вид крепления, присущий эвенкам. Заимствованной у эвенков является и такая деталь, как внутренний обруч, соединяющий шесты чумы.

Основное различие по интерьерному признаку между селькупскими и ненецкими жилищами относится не к планиграфическому или функциональному разделению мест, а к их неоднородной семантической нагрузке. В селькупском жилище у задней стены находится «сытке» — место для детей и почетных гостей. В ненецких чумах напротив входа, за очагом, установлен священный шест «сымзы» — олицетворение духа очага; за ними располагается «синий» — «чистая» часть, место хранения культовых предметов. На эту территорию запрещалось ступать женщинам и мужчинам. Л. В. Хомич указывает, что близко к «сымзы» могли находиться только мужчины, причем крайнее место у священного шеста считалось самым худшим.⁴ Таким образом, «синий» у ненцев наиболее сакрализованная часть чума, нежилое пространство. У селькупов же, «сытке» признается чистым, священным местом, но вместе с тем является жилой частью. Кроме того, когда маленьких детей оставляют без присмотра, их помещают на территорию «сытке», под покровительство семейных духов.

Сравнение селькупского и эвенкийского интерьера выявляет их полное соответствие друг другу. В центре эвенкийского чума находится очаг, обложенный колотыми плахами в виде буквы «П», открытой к выходу, спальные места распо-

лагаются по обе стороны от очага, за очагом, напротив входа, — почетное место для гостя.

Обособленными и своеобразными представляются жилища «локоро пой мот» и «локоро чуй мот». Эти конструкции удивительно сочетают в себе форму чума, легкого наземного жилища, с тяжелым древесным или деревянным покрытием и углублением жилищной ямы. По-видимому, возникновение этих построек следует отнести к строительному творчеству самих селькупов и объяснить данный феномен следующим образом: во-первых, в XVIII—XIX вв. в связи с резким сокращением популяции соболя и песца развивается ходовой промысел — охота на мелкую пушину, а также активизируется транспортное оленеводство. Мобильность населения увеличивается и, как следствие, возникают нетрудоемкие (по сравнению с изготовлением жилища «пой мот»), но теплые и надежные жилые строения; во-вторых, транспортное оленеводство с небольшим поголовьем стада не может полностью обеспечить потребности хозяйства. На пошив зимних нюков для покрытия чума требуется 40—50 оленевых шкур. Зимняя одежда и обувь для членов семьи также изготавливается из оленьего меха. Следовательно, чтобы обеспечить себя и тем, и другим, необходимо было расстаться с собственным стадом. Очевидно, эти сооружения и послужили мотивом к созданию жилищ «локоро пой мот» и «локоро чуй мот». Кроме того, эти постройки иллюстрируют реальную возможность симбиоза традиционных строительных навыков и приобретенных конструкционных новшеств под влиянием изменившихся хозяйственных установок.

Временные постройки типа «кумар», «кора» встречаются у ваховских и васюганских хантов, кетов, эвенков и, по-видимому, могут считаться наиболее простыми жилыми конструкциями, которые распространены по всей территории лесной полосы Западной Сибири.

В результате проведенного сравнительного анализа можно сделать заключение о хронологии и причинах появления (или заимствования) жилищ различной конструкции. Представляется, что они были таковыми:

1. При разделении селькупской этнической общности на северную и южную в XVII в. первые перенесли с собой на

новую территорию, в бассейн реки Таз, жилище «пой мот». Была значительно уменьшена глубина жилищной ямы — явление, обусловленное изменениями в хозяйственной структуре.

2. Впоследствии, с принятием ненецкого (энецкого) тайского транспортного оленеводства, было заимствовано переносное жилище — чум. Эвенкийское влияние, которое прослеживается в деталях конструкции и интерьера, следует относить к более позднему времени, оно произошло в результате миграции представителей обеих этнических групп.

3. Тогда же появились жилища «локоро пой мот» и «локоро чуй мот» — свидетельства полукуочевого образа жизни.

Представляется возможным говорить о различной обусловленности изменения конструкций жилища и его интерьера. Если внешний вид постройки зависит от экологических и хозяйственных факторов, то внутреннее устройство определяется традициями данного этноса, его социальными устоями, и изменения могут произойти лишь в случае тесных культурных контактов с другой этнической общиной. Ярким примером служит проникновение эвенкийских традиций в самобытную культуру северных селькупов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Для описания жилищ используются обширные полевые материалы, собранные этнографическими экспедициями Тобольского педагогического института и Тобольского музея-заповедника в 1988—89 гг. Отчеты хранятся в фондах ТГИАМЗ.

² Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 58—60.

³ Соколова З. П. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров. //СЭС. 1963. № 5. С. 198—200.

⁴ Хомич Л. В. Ненцы. М.-Л., 1966. С. 101—113.

ТИПЫ ХОЗЯЙСТВА СИБИРСКИХ ТАТАР НИЖНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

К изучению хозяйственной организации сибирских татар обращались многие исследователи на протяжении XVIII—XX вв. (Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас, И. Г. Георги, Н. М. Ядринцев, С. В. Бахрушин и др.). В последние годы история хозяйства рассматривалась в работах Ф. Т. Валеева и Н. А. Томилова.¹ На основании литературных источников и данных полевых исследований ими выделяются основные черты, характерные для хозяйства сибирских татар, отмечаются особенности отдельных групп. Н. А. Томилов указывает, что хозяйство сибирских татар было комплексным, и при всей неоднородности хозяйственного облика почти для всех районов были «характерны 2 основных момента: значительная роль охоты и рыболовства; низкий уровень земледелия или даже отсутствие его». И. Ф. Т. Валеевым, и Н. А. Томиловым также делается попытка определения возможных путей становления данного типа хозяйства у сибирских татар.

Однако остаются пока нерешенными следующие вопросы:

- 1) сравнительное соотношение хозяйственно-культурного облика различных групп сибирских татар;
- 2) рассмотрение роли производящих отраслей — животноводства и земледелия — в системе хозяйствования;
- 3) влияние русской колонизации и административного управления на изменение экономической структуры сибирских татар;
- 4) историческая реконструкция типов хозяйственных комплексов населения Нижнего Прииртышья.²

В конце XIX—начале XX вв., как отмечается большинством исследователей, для всех групп сибирских татар была характерна комплексность традиционного хозяйства. Однако, обширность ареала расселения народа, а в связи с этим различия в природно-климатических условиях, в степени контактов с другими этническими группами, собственное историческое развитие и многие другие причины оказали существенное влияние на вариации комплексного хозяйства.

На основе полевых материалов по хозяйственной организации трех групп сибирских татар — заболотных, тевризских и тарских — в настоящей работе предпринята попытка типологии хозяйственных форм рубежа XIX — XX вв. по методике, предложенной А. В. Головневым при исследовании истории хозяйства народов Северо-Западной Сибири: в системе хозяйства выделены 2 основных элемента — хозяйственный комплекс (ХК) и хозяйственное объединение (ХО). Под ХК подразумевается совокупность занятий, обеспечивающих производственно-потребительский цикл определенной группы населения; под хозяйственным объединением — коллектив людей, оптимальный для осуществления определенного хозяйственного комплекса. Систематизация данных производится первоначально по отдельным отраслям, затем полученные характеристики сводятся воедино.³

Рыболовство

Доминирующую роль в хозяйстве заболотных татар играло рыболовство, как озерное, так и речное. При этом характерно использование широкого набора средств рыбной ловли, таких как невод «ельм», сеть «ау», запор «туан», фитиль, морда, котцы «кацэ», берекет (разновидность фитиля, отличающегося большими размерами и использованием лишь при речном рыболовстве).

Круглогодичное занятие рыбным промыслом определяло хозяйственный цикл этой группы. Для зимнего периода, лившегося с серединой ноября по середину марта, наиболее характерным являлся подледный неводной лов карася, сырка. С апреля начиналась подготовка к новому этапу рыбного промысла, и в начале мая рыбаки выезжали на летние озерные угодья. В этот период основными средствами лова служили сети и фитили; объектами промысла — карась, язь. В конце июня рыба уходит, и в это время ставятся запоры; кроме того, широко использовались в летнее время фитили (на озерах), сети, невод, котцы. В июле начинался сенокос, «цвела» вода и к середине июля заканчивался этот этап рыболовства. Следующий начинался в середине августа и длился до октября. Рыбачили в этот период на больших озерах фитилем, неводом, сетками, широко практиковалось и запорное рыболовство.

Усть-ишимским татарам известны были такие способы лова, как использование сетей, неводов, фитиля, уст-

новка запоров, выкапывание карасиных ям; в конце мая при лове щуки применялась острога. Основными объектами рыбного промысла являлись язь, окунь, чебак, щука, карась, нельма. Наибольшее распространение получили здесь запорное и сетевое рыболовство.

Рассматривая рыболовство у группы тарских татар, можно отметить, что оно здесь значительно уступает по значению производящим отраслям и охоте. Однако при этом средства и способы рыболовства отличает большое разнообразие: известны были сети, невод, фитиль, запор; на крупную рыбу кололи острогами «цанецке»; весной, когда вода уходила, ловили накидками; кроме того, использовались крючки «кормах», перемет «ташлама». Подледное рыболовство у тарских татар не практиковалось.

Охота

Охотничий промысел в Заболотье значительно уступает в значении рыболовству, но все же относится к ведущим отраслям хозяйства. Информаторы указывают на наличие специализации различных сетей на рыболовстве, охоте или разведении скота. Основной охотничий сезон — зима, когда мужчины на 3—4 месяца уходили промышлять в свои угодья (арендуемые на 2—3 года в Уватском районе). В конце XIX—начале XX вв. в Заболотье были распространены следующие способы охоты: с луком, ружьем, с помощью косы, самострела, установки капканов, петель, силков, подсечек, сооружения ловчих ям, охота с собакой. Среди видов охоты промысел копытных у заболотных татар занимал важное место. Охота производилась посредством самострелов, косы, устанавливаемой в яме; в осенний период характерна охота на лося с собаками. При добыче копытных усть-ишимскими татарами использовались аналогичные способы охоты, т. е. установка ям-ловушек «урецк», охота с собаками как и в Заболотье, используя осенне-весенние миграции лося, на тропах ставились самострелы. Кроме этих способов, указывается и использование копья «сунге». Для тарской группы промысел копытных (в полевых материалах) не указывается.

У всех трех изучаемых групп известен был промысел медведя, для которого применялись самострелы, ружья, ножи. В Заболотье медвежий промысел имел определенную

культовую окраску. Вот как она описывается информатором: «На медведя ходили по 2—3 человека. Перед выходом из берлоги втыкают крестовину, и когда медведь выходит из берлоги, то голову просовывает в эту крестовину, а в это время охотник стреляет ему в голову. Если же медведь выйдет другим ходом, то он начинает делать круги вокруг охотника, и после 3-го, самого маленького круга медведь становится на задние лапы перед охотником, а в это время второй охотник стреляет в сердце медведя». До сих пор сохранились обычай, верования, запреты, связанные с культом медведя. Многие роды (аю-тугум) связывают свое происхождение с этим животным.

В зимний период занимались преимущественно добычей пушного зверя. В Заболотье охотились обычно ружьем на соболя, куницу, лису, песца, белку, горностая, на крота ставили капканы. У усть-ишимских татар промысел пушного зверя аналогичен. Хотя, в общем, охота играла незначительную роль в хозяйственной организации тарской группы, пушной промысел здесь был наиболее распространен. Охотились, как правило, ружьями, использовались также и капканы. На лису устраивали загоны с собаками. Объектами охоты были колонок, горностай, волк, лиса.

Кроме этих видов охоты, определенное значение имела добыча дичи и мелкого зверя. В пищевом рационе заболотных татар дичь занимала важное место паряду с продуктами рыболовства. На утку, куропаток ходили с ружьями, глухаря добывали посредством пленок, на тетерева, глухаря ставились силки. Этот вид промысла был распространен у усть-ишимских татар. Практиковалась охота путем установки петель — на глухаря, тетерева, куропатку, а также зайца. Кроме того, на зайца охотились и посредством изготовленных из бревен давилен «басмак». Таким способом добывали по 20—30 тушек в день.

Лов мелкого зверя и дичи у тарских татар сходен с предыдущим. Промысел зайца производился посредством устанавливаемых в зимний период на заячьих тропах петель «тузак». Птицу — уток, глухаря — начинали промышлять с осени, после окончания основных работ, связанных с земледелием.

Животноводство

Животноводство, включающее коневодство и скотоводство, в хозяйственной жизни сибирских татар имеет глубокие корни. Годовой хозяйственный цикл тарской группы определяли производящие отрасли, и прежде всего животноводство. Характерно содержание большого количества скота. Болгары хозяйства имели по 10—20 коней, еще больше коров и овец. «Шамниулла Халилов богатым был. У него много скота было: если один конец стада у ворот, то другой уже у реки». Самые бедные хозяйства имели по 1 корове и 1 лошади. Уход за скотом у тарских татар был основным занятием. Для того, чтобы стадо не заходил на посевы, делались поскотины «читан». В летний период за общим стадом смотрел пастух, нанимаемый из бедняков.

В народных приметах тарских татар отразилась важная роль, которую играло животноводство в хозяйстве. «Если гром гремит очень рано весной, то коровы в этот год будут молочные». Деление на счастливые и несчастливые годы тоже связано с этим занятием. Обычно несчастливыми считались годы, когда был большой падеж скота, плохой урожай.

Древность занятия животноводством усть-ишимских татар отразилась и в топонимии. Легенды рассказывают о кочевавших здесь 300—400 лет назад братьях — Эбариzie, Космале и Ильчибаке, основным занятием которых было коневодство и скотоводство. По имени одного из братьев — Эбариzie — называется здешняя деревня. Происхождение названий еще двух деревень — Большой Тебенди и Малой Тебенди — также связано с занятием скотоводством. «Тебен» — пастбище и, как указывают информаторы, на месте этих деревень когда-то были пастбища.

На рубеже XIX—XX вв. животноводство оставалось ведущим занятием у усть-ишимских татар. Среднее хозяйство держало по 3—4 лошади, 4—5 коров, 30—40 овец. Братья метили скот одной меткой. Как и тарские татары, делали «читан» — поскотину. Летом скот находился на пастбищах, а в зимний период содержался в пристройках. «Пай» на сенокосные угодья получали с 18 лет. Угодья ежегодно передавались на собраниях по едокам мужского пола, причем участок состоял из двух частей — небольшого заливного луга «соульер» и лесного луга.

Животноводство в Заболотье играло второстепенную роль, значительно уступая рыболовству. В основном, в хозяйствах было по 3—4 лошади, 2—3 коровы, несколько овец. Домашний скот содержался под присмотром женщин и стариков, т. к. мужчины были постоянно заняты на промыслах. Всей деревней делалась поскотина, чтобы стадо не портило сенокос. Пастухов не было. Сенокосные угодья распределялись по семьям или тугумам на собрании. Сенокос начинался в июле и длился до начала сентября. В это время все трудоспособное население было занято на сенокосе.

Земледелие

Вопрос о роли земледелия в хозяйстве сибирских татар требует еще глубокого и всестороннего изучения. Большинство исследователей сходятся в том, что к моменту русского переселения в Сибирь земледелие сибирских татар находилось в зачаточном состоянии, хотя, к примеру, Г. Ф. Миллером в «Истории Сибири» отмечается, что во многих взятых русскими городками обнаруживались значительные хлебные запасы.

Земледелие, наряду с животноводством, занимает важное место в хозяйственной жизни тарских татар. Информаторы отмечают, что обрабатывать здесь землю начали с приходом русского населения 300—350 лет назад. К началу XX в. основными посевными культурами здесь были пшеница, рожь, ячмень, овес, кроме того, засевали также лен, коноплю. При обработке земли пользовались деревянной бороной и плугом. Во многом местным населением была перенята русская культура земледелия, существенное влияние оказывалось и переселившимися сюда казанскими татарами.

Основная часть пашни принадлежала некоторым деревенским богачам, которые нанимали батраков для обработки земли. Остальная часть земель, принадлежавшая собственно юрту, распределялась по семьям. Как правило, среднее хозяйство имело по 2—3 десятины, да и то худшей земли, поэтому основная часть населения земледелием занималась мало.

Земля у усть-ишимских татар принадлежала юрту. Пашни делились по числу членов семьи мужского пола (на мужчину давали 1 га, на мальчика до 18 лет — несколько соток). Сеяли ячмень, овес, рожь, пшеницу. Каждая семья раскорчевывала себе участок. Огородничество не было распрост-

ранено. В целом земледелие не играло той значительной роли, какая была у животноводства и промыслов.

Еще меньшую долю земледелие составляло в хозяйственном цикле заболотных татар: практически в начале XX в. оно отсутствовало. Землю в основном начали обрабатывать незадолго до революции. Основными зерновыми культурами были рожь и ячмень. Хлеб выпекали на углях без применения форм. Выращиваемого зерна не хватало для обеспечения себя хлебом, и муку приобретали путем товарообмена.

Хозяйственные комплексы и хозяйственные объединения

Представляется возможным наметить 3 типа хозяйственных комплексов сибирских татар на рубеже XIX — XX вв.:

1) с определяющей ролью присваивающих отраслей — рыболовства и охоты;

2) с преобладающей ролью производящих отраслей (животноводство и земледелие);

3) промежуточный, сочетающий в равной степени как производящие отрасли, так и промыслы.

Тип ХК с определяющей ролью добывающих отраслей характерен для группы заболотных татар. Доминирующим круглогодичным занятием этой группы было рыболовство с преобладающей ролью сетевого и неводного промысла. Другим важнейшим занятием, по значению несколько уступающим рыболовству, была охота. Наибольшее распространение получил промысел копытных (лося, оленя). Характерна особая роль охоты на медведя. Добыча дичи производилась круглый год, пушного зверя — в зимнее полугодие. Доля производящих отраслей в хозяйстве заболотных татар незначительна. Скотоводство играло вспомогательную роль. Кневодство выполняло в основном транспортную функцию. Для конца XIX — начала XX вв. занятие земледелием в Заболотье не характерно.

Пищевой рацион населения этого региона состоял в основном из промысловых продуктов, и прежде всего рыбы, с добавлением дичи и приобретенных в результате товарообмена муки и других продуктов. Основными товарными продуктами заболотных татар были рыба (карась), а также пушнина и мясо. Торгово-обменные операции производились обычно на ярмарках, куда отвозили рыбу и другие товары. Через Заболотье проходила большая зимняя дорога с территории Кондинского района до Тюмени, которая была важнейшей

торговой артерией региона. Кроме того, приезжали торговцы, занимавшиеся обменом различных товаров (муки, сахара, соли, предметов хозяйственной необходимости) на рыбу и муку.

Основной формой ХО в конце XIX — начале XX вв. являлась семья. Это касается прежде всего второстепенных в Заболотье занятий — производящих отраслей и собирательства. ХО, действующее в основных отраслях — рыболовство и охоте, могло изменяться в зависимости от сезона и способа промысла. Промысловые коллективы, будь то охотничья группа или рыболовецкая артель, состоящая из 2—3 чел., объединялись прежде всего по родственному признаку. Эта черта наиболее характерна для заболотной группы. Устойчивых ХО, носящих определенные названия и имеющих определенную структуру, вне семьи не было.

Тип ХК с превалирующей долей производящих отраслей свойствен группе тарских татар. Определяющими ХК занятиями здесь являются животноводство и земледелие. Животноводство осуществлялось путем летнего выпаса на пастбищах и зимнего содержания скота в хозяйственных дворовых постройках. Занятия, связанные с животноводством (уход за скотом, сооружение поскотин, сенокос и т. д.), занимали основное место в годовом хозяйственном цикле.

Важную роль в хозяйстве играло и земледелие, во многом заимствованное от русских крестьян.

Вспомогательную роль в ХК играл промысел пушного зверя и дичи. Рыбный промысел имел лишь эпизодический характер, обычно рыбной ловлей занимались в весенне-летний период.

Основу пищевого рациона составляли продукты земледелия и скотоводства с добавлением промысловых — дичи и рыбы (обычно весной и летом), а также продукты, приобретенные в результате торговли.

Товарное значение имели продукты животноводства, пушнина, а также лес, заготавливаемый обычно весной, детьми, смола.

Торговые функции выполняла группа зажиточных людей, державших магазины и перепродающих русские товары. Хозяйство тарских татар в конце XIX — начале XX вв. было значительно втянуто в товарно-денежные отношения.

В годовом хозяйственном цикле тарских татар домини-

рут занятия, связанные со скотоводством и земледелием. ХО, осуществляющим эти занятия, является семья. Что касается промысловых занятий, то здесь наблюдается определенная варианность ХО. Пушной промысел осуществлялся либо индивидуально, либо небольшой группой охотников — 2—3 чел. Добыча дичи, мелкого зверя производилась в основном индивидуально. ХО, осуществляющими рыбный промысел, выступала небольшая группа — несколько человек, это характерно для летнего неводного запорного промысла, либо один человек (сетью, фитилем, переметом).

Промежуточный тип ХК, представленный усть-ишимской группой сибирских татар, характеризовался приблизительно равными долями в хозяйстве производящих и промысловых занятий.

Тем не менее ведущая роль в годовом хозяйственном цикле принадлежала все же животноводству. Подобно тарской группе, животноводство осуществлялось путем выпаса общего стада на пастбищах под присмотром пастуха в летний период и загонного содержания скота в остальное время года. Заготовление скота в остальное время года. Заготовленное летом сено обеспечивало прокорм домашнего скота в зимний период, а кроме того, имело и товарное значение.

В определенной мере усть-ишимские татары занимались и земледелием, которое в основных чертах было перенято у русского населения. Если продуктами скотоводства обеспечивали себя сами, то зерно производилось в недостаточном количестве, и большую часть приходилось покупать на ярмарках.

В ХК усть-ишимцев значительно представлено рыболовство, которое осуществлялось круглогодично. Основными средствами лова были сети, запор, невод с широким использованием других способов промысла. Преимущественно практиковалось сетезапорное рыболовство. Существенное значение имел и охотничий промысел (копытных, пушного зверя).

Основу пищевого рациона составляли продукты скотоводства, мучные изделия, рыба и дичь.

Основными товарами усть-ишимской группе служили рыба, пушнина, ягоды, орехи, а также деготь, смола, лес. Эти товары возили на ярмарки в соседние села. Торгово-обменные операции происходили и с русскими крестьянами, и с перекупщиками. Продукты производящих отраслей товарного значения не имели. В деревне уже появились люди, специа-

лизирующиеся на торговле — «магазины», лавочки, продающие населению продукты русского производства и производившие обменные операции.

В зависимости от времени года и способа промысла структура ХО, занимавшегося рыболовством, изменялась. Индивидуальный промысел был характерен для весеннего лова посредством фитиля, сети.

Определенного названия ХО, занятое рыбным промыслом, не имело. Во главе стоял «рыбный бригадир» — «башлык», которым, как правило, был хозяин невода, а вокруг него объединялись на паевых началах несколько семей. Это ХО характерно для летнего и зимнего сезона, когда практиковалось неводное рыболовство. В охотничье промысле наблюдается много сходных черт с заболотными татарами. И для тех, и для других характерно отсутствие стабильного охотничьего хозяйства, что во многом зависело от характера охоты.

Что касается распределения продуктов хозяйственной деятельности, оно происходило лишь относительно семьи, что характерно для продукции как производящих отраслей, так и промысловых.

Большое место занимала также торговля рыбой, лесом и т. д. Единицей, осуществляющей торговлю, снова является семья, т. е. мы видим, что семья является вполне самостоятельной единицей на всех этапах отношений производства и потребления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Валеев Ф. Т. Западносибирские татары во второй половине XIX—начале XX вв. Казань, 1980; Томилов Н. А. Тюркоязычное население западносибирской равнины в конце XVI—первой половине XIX вв. Томск. 1981.

² Полевые материалы, использованные в статье, собраны среди тарских, усть-ишимских и заболотных татар в 1982—1988 гг. экспедициями Тобольского педагогического и Тобольского музея-заповедника.

³ Головнев А. В. Историческая типология традиционных форм хозяйства у народов Северо-Западной Сибири (XVII—начало XX вв.); Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.

Е. В. Перевалова

БРАЧНО-РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ. СЕВЕРНЫХ ХАНТОВ

Исходя из необходимости комплексного конкретно-исторического изучения социальной организации западносибирских угров, отмеченной в ряде последних статей В. Г. Бабакова,¹ в настоящей работе на основе литературных данных и полевых материалов автора, собранных среди хантов Шурышкарского и Приуральского районов Тюменской области в 1987—1989 гг., предпринята попытка анализа структуры брачно-родственных отношений как составной части социальной организации северных хантов в начале XX в. Рассматривая брачно-родственные отношения, основным регулятором которых выступают экзогамные установки, следует отметить, что само происхождение экзогамных норм северных хантов в определенной степени связано с этническими и миграционными процессами в Нижнем Приобье, предопределявшимися во многом экономическими и политическими факторами.

В этнографической литературе не сложилось единого мнения о характере регламентации брачных отношений среди обско-угорского населения. Согласно неоднократно высказывавшемуся в этнографической литературе предположению, выдвинутому В. Н. Чернецовым и подтвержденному в ряде публикаций З. П. Соколовой, для угорской общности в прошлом была характерна регламентация брачных связей посредством норм дуальной экзогамии.² Мнению З. П. Соколовой о древности и общеугорском характере дуально-фратриальной системы, противостоит точка зрения В. Г. Бабакова о существовании у нижнеобских хантов эндогамных этнодемографических общностей (эндогамных демов) с несколькими брачными ареалами.³ В то же время, по данным Г. Д. Вербова, аганские и тромаганские (а по нашим полевым материалам, и пымские, юганские, демьянские ханты) делились на три экзогамные части-группы: Медведя («Пупи сир»), Лося («Нев сир»), Бобра («Мах сир»).⁴ Н. В. Лукина и В. М. Кулемзин не обнаруживают дуально-фратриальной системы у ваховско-васюганских хантов.⁵

По мнению Б. О. Долгих и В. И. Васильева, в основе

складывания дуально-фратриальной организации ненцев лежат этнические процессы, причем в составе одной из ненецких фратрий (Вануйто) обнаруживается угорский компонент.⁶ Разрабатывая проблему формирования экзогамных систем, А. В. Головнев приходит к выводу, что культура экзогамных институтов обусловливается действием принципа поиска «минимальнородственного» партнера в определенной коммуникативной среде, при этом широта коммуникации, высокая подвижность соответствует патрилинейности и дислокальности, т. е. в большой степени характерны для мобильного оленеводческого населения — тундровых ненцев; обратные показатели: низкий уровень интенсивности и узость сферы общения — локальности и билинейности, т. е. свойственные полуоседлому промысловому населению тайги. С ростом мобильности и расширением сферы общения локальность экзогамной регламентации утрачивает свое значение и заменяется патрилинейностью (бифратриальностью), на фоне новых контактов былое соседство и свойство переосознаются как родство.⁷

Для разработки модели брачно-родственных отношений автором использованы материалы по войкарским хантам. Прожива яна небольшом притоке Оби, население Войкара было консервативным в сохранении традиций обмена брачными партнерами в отличие от «подвижных» социальных групп, проживающих на Оби (Обь как главная водная магистраль являлась своеобразными «воротами» для продвижения как на север, так и на юг различных социальных и этнических групп). Кроме того, население р. Войкар находилось в чисто хантыйском окружении и испытывало минимальное влияние иноэтнических (ненецкой и мансийской) экзогамных систем.

«Курык ики» — Орел-старик (дух-хранитель группы «Нерапса ех»), пролетая над Войкарским сором, хотел сесть на лиственичном мысу («нак авт»). «Сяду, — думает, — здесь будет мое место». Закричала на него тогда Най ими: «Сядешь и будет здесь тогда святое место. Но напротив лиственичного мыса мое место, здесь народ Ай вош ех мне поклоняется. С двух сторон озера не может быть святых мест, как тогда люди по озеру проезжать будут». Подумав, Курык ики решил лететь дальше. Когда взлетал, от взмаха крыльев все деревья на лиственичном мысу на бок повалились. Поэтому сейчас на том месте все деревья в наклон стоят. Курык ики выбрал себе место на Холам лор нел — и этот мыс считается

святым для людей Нерапса ех, а для народа Ай вош ех так и остался святым мыс напротив лиственничного берега».

На основании этой легенды, распространенной среди войкарских хантов, попытаемся прежде всего определить статус социальной группы, именуемой у северных хантов «ех». Как видно, местной считается группа Ай вош ех, пришлой — Нерапса ех. Старые люди довольно четко определяют фамильный состав вышеуказанных групп: Ай вош ех — «маленький город людьи» (название группы совпадает с самоназванием войкарских хантов), включает фамилии Аляба, Ребась, Тынзяновых; Нерапса ех — «не имеющие ничего (?)», объединяет фамилии Озеловых (Возеловых), Хунзи, Сюлис и Назаровых. Кроме того, войкарским хантам известен ряд обских групп подобного характера: Ас пухлын ех — «Обь долбящие люди», включающая фамилии Костиных, Конкиных, Тарагута, Пастыревых, и Послы ех — «проточные», в состав которых входят Карасимовы, Романовы, Сэвли, Нензяловы. Для определения места проживания человека называется либо принадлежность его к крупной территориальной группе, обозначающейся тем же термином ех (сынские ханты — Сеня ех, шурышкарские — Лор вош ех, куноватские — Кун-ов-аут ех и т. д.), либо просто указывается название юрта (Ханты-Мужи курт ех, Хош-лог курт ех и т. д.).

Фамилии, входящие в одну группу, определялись как «сыр хоят» — «одного рода люди» — и считались кровными родственниками — «братьями и сестрами», их же называли «и люх хоят» — «люди одного божества». Отсюда две основные функции социальной группы «ех»: во-первых, «ех» — это экзогамная единица, во-вторых, группа «ех» является религиозно-культурной общностью. Останавливаясь на первой функции «ех» — экзогамии, следует отметить, что решающее значение при выборе брачного партнера имела принадлежность лиц, вступающих в брак, к определенной социально-экзогамной группе. Браки между членами фамилий, входящих в одну из указанных групп, не допускались. Пробрачующихся в одноименной группе говорили «сыр ли» — «родню не признает». Кроме запретов браков внутри экзогамной группы «ех», у войкарских хантов существовал запрет брачных связей по материнской линии до четвертого колена.

При изучении брачных связей группы Ай вош ех, представленной на сегодняшний день двумя фамилиями Аляба и

Ребась (фамилия Тынзяновых уже не встречается на Войкаре), обнаруживаются следующие моменты:⁸

1) явное тяготение к брачным связям с сынскими хантами (три брака из шести мужчинами Аляба заключено с женщинами р. Сыни Лонгортовыми); пять браков из двадцати пяти мужчинами Ребась: Ребась — Вольгамова, Ребась — Рохтымова (2), Ребась — Лонгортова (2);

2) довольно большой удельный вес связей с местными обскими экзогамными группами — тринадцать браков из двадцати пяти: с группой Послы ех пять браков (Аляба — Сэвли, Ребась — Сэвли, Ребась — Нензялова (2), Ребась — Романова); Ребась — Нензялова, Ребась — Послы не (Романова (?), пять браков с Нерапса ех — (Ребась — Сюлис, Ребась — Озелова (3), Ребась — Хунзи); три брака с Ас пухлын ех (Ребась — Конкина, Ребась — Конкина (2);

3) из общего числа браков два заключено с женщинами ю. Ханты-Мужи (Ребась — Тогачева, Ребась — Ай мужи не); три брака с женщинами Большой и Малой Оби (Ребась — Тырлина, Ребась — Сухарина, Ребась — Сандрина); один брак заключен с ненкой Тыликовой и один с манси (охаль).

Напротив, пришлая группа Нерапса ех вступила в брачные связи с многочисленными экзогамными группами. К примеру, Озеловы, кроме браков с местными группами Ай вош ех (Озелов — Ребась (3), Озелов — Аляба) и Послы ех (Озелов — Сэвли), заключали браки с сынскими хантами (Озелов — Лонгортова, Озелов — Сыня не, Озелов — Талигина, Озелов — Пырысева (2)). Широко представлены браки с ханты-мужевскими женщинами (Озелов — Пастырева, Озелов — Тогачева (2)). Отмечены связи с шурышкарскими (Озелов — Кондыгина) и катравожскими (Озелов — Сязи) хантами. Одним браком представлен контакт с обской группой (Озелов — Сандрина).

Расселенная на Малой Оби (район Унсельгорта) группа Нерапса ех отличается большим диапазоном брачного партнерства, что обусловлено обширными связями с прибывающими в летний период для рыболовного промысла на Обь представителями различных территориальных групп. При этом брачные контакты группы Нерапса ех имеют менее устойчивый характер, чем у войкарской Ай вош ех.

Обращаясь вновь к легенде, можно сказать и о разновременности формирования экзогамных единиц «ех». Среди Ай

вош ех наиболее древней (и чистой) считается фамилия Ребась. Сохранилась информация о том, что фамилии Аляба Тынзяновы вошли в состав группы Ай вош ех позднее. Основной фамилией в группе Нерапса ех считается фамилия Озеловых (они же Возеловы), имевшей, вероятно, зыряцкие корни. Бытующая у хантов легенда о «святой» воде, передается Озеловыми в следующем варианте:

«В старое время Нерапса хо пришел из-за Урала. Был он (зырянин). Когда большая вода («емын ик») появилась, все люди собрались на высоком месте на Урале («Кевур»); собрались туда не только люди, но и звери (медведи, росомахи, горностаи и т. д.—все кто считается святыми животными—«емын вой», чьи шкурки сейчас кладут домашним божествам). Все вместе жили на горе и никто не боялся. Целую неделю стояла большая вода, а потом ушла куда-то на север. С уходом воды, Нерапса ех (Озеловы) сошлись с Хунзи, Сюльси и Назаровыми. И теперь считаются «братьями». Название Озеловых—Нерапса ех—было распространено на всю экзогамную группу. Вероятно, в данном случае, так же как и в ситуации с Ай вош ех, речь может идти не о генеалогическом, а о территориальном родстве. ТERRиториальным родством, по-видимому, связаны пришлые в район Малой Сибири с юга (район Березова) Нензяловы и группа Посли ех. Сходными причинами можно объяснить отмеченный рядом информаторов запрет браков между Романовыми, относящимися к экзогамной группе Посли ех, и Ай вош ех.

Фамилии, входившие в одну социально-экзогамную группу, считались «и люх хоят»—«людьми одного божества», т. е. поклонялись определенному духу и имели общее жертвеннное место. Для Ай вош ех, по легенде, главной считалась Найими—«огонь-женщина» (термин «най» у войкарских хантов является многозначным, кроме «огня», он означает еще и «солнце»; слово «най» используется в обращении к старшим уважаемым женщинам). Най ими хранилась в лесу на женских нартах и представляла из себя антропоморфное женское изображение, одетое в семь ситцевых халатиков. Ее «местом» считается упомянутый в легенде священный мыс, расположенный напротив лиственничного леса по войкарскому сору. Хранителями ее никогда считались Тынзяновы, но после того, как род вымер, право хозяев перешло к Аляба.

Нерапса ех до настоящего времени хранят недалеко от Унсельгорта священные нарты с изображением Курык ики («орла»), одетого в детскую парку из белой пешки, подвязанную семью поясами. В нарте же лежат различные приклады: пять шкур медведя, шкурки росомах, лисиц, лоскуты тканей и платков. Хранителями Курык ики являются Озеловы. В старое время нарты с Най ими и Курык ики перевозились с места на место. Почитание духов предков происходило не только у священных нарт, но и на жертвенных местах: Най ими—на священном мысу на Войкарском соре, Курык ики—на Холам лор нель. Посещение святилищ считалось необходимым для всех членов экзогамной группы «ех», устраивавшей коллективное «поры лыды» — почитание духов. Мужчинам, принадлежавшим к группе «ех», разрешалось во время празднеств выполнять любую работу (разведение огня, сбор дров для костра, жертвоприношение и т. д.), гостям (не членам группы—«и люх хоят») отводилась пассивная роль (запрещалось свободное перемещение по святыму месту и т. д.). Доставать же изображение духа из нарт мог только хозяин нарта «люх козя». Замужние женщины закрывались платком от священных нарт и священного места.

Таким образом, социальная группа «ех» у войкарских хантов выступает как экзогамное объединение людей различных поколений и фамилий, носящих общее название, осознавших единство своего происхождения и осуществляющих общий религиозный культ. При этом экзогамия как основной регулятор брачно-родственных отношений выступала как центробежная сила (поиск брачного партнера ввиду экзогамности группы «ех» возможен лишь вне данной общности) и, напротив, религиозная функция «ех» являлась центростремительной силой, консолидирующей группу. Группы с теми же характерными признаками и функциями существовали у казымских (казым ех), шурышкарских (лор вош ех) и других групп хантов, проживающих на Малой и Большой Оби. Несколько иная ситуация складывалась у самой северной группы хантов под влиянием ненецкой дуально-фратриальной системы, а также сынских хантов с прилегающими к ней районами на Большой Оби, благодаря воздействию дуальной организации сосьвинско-ляпинских манси.

У нижнеобских хантов начала XX в. фиксируют несколько локализованных групп, характеризующихся составом: Пуль-ях—«люди реки Полуй» (Атаман, Кали, общим названием и определенным фамильным Тобось, Шеховы), Оксар-ях—«люди лисьей реки» (Пандо, Вычины), Ек-вожен-ех—«ледяного города люди» (Сязи, Сибаревы), Пель-вас-ях—«жители города на возвышенности» (Пальдины, Нева) и т. д. Названные группы по своей природе были идентичны войкарским социально-экзогамным группам. В ориентации браков важную роль здесь играла принадлежность к той или иной группе; браки между отдельными фамилиями внутри групп не допускались. Существовала традиция обмена брачными партнерами между группами: Пуль-ях—Пель-вас-ях; Пель-вас-ях—Ек-вожен-ех. Разряженность, оседлость, замкнутость общения в рамках данной группы, узкий фронт брачных контактов, обусловленные спецификой рыболовского типа хозяйства, обусловили складывание у северных нижнеобских хантов локальной билинейной экзогамии.

Группа осуществляла как брачно-родственно-регулирующую, так и религиозно-культовую функции— имела общее культовое место и поклонялась общим духам. К примеру, у Осяс ях (Тибичи, Салла, Лондо, Хейвы) главным считался дух Муку таси—«без крыши», деревянное изображение которого содержалось в священном амбарчике с отверстием в крыше. Хранителями его считался род Крупгинских (Лоун-ях—«костистые», «язевый народ»). Для Канясь-ях (Салян-ях)—Тайшиных, Русколамовых, Мазеркиных, Ендыревых, Ермаковых, Теткиных, Куйбинах—местом поклонения считалась Сорни-юх—«золотое дерево», находившееся недалеко от Горнокнязевска. Последним его хранителем явился Вандо Руслаламов.

Широкий контакт в лесотундровой зоне двух культур — ненецкой, оленеводческой, и хантыйской, рыболовной,— привел к разрушению хантыйских традиционных билинейных установок и «включению» локальных экзогамных групп северных хантов в ненецкую дуальную-фратриальную систему. Группы, находившиеся в зоне непосредственного контакта, получали статус ненецкого рода и приобретали, помимо своего собственного названия, ненецкое, чаще всего связанное с характером местности, в которой проживала данная группа: Канясь-ях или Салян-ях—стали именоваться

родом Салиндер («жители мыса»), Осяс-ях—Тибичи («тальниковые»), Нерка-ях—Неркаги («ивняковые»), Пуль-ях — Лар (от Лар-яха—р. Полуй), Оксар-ях—Пандо (от р. Пандо-яха).

Таким образом, установленные Г. О. Вербовым в составе сибирских тундровых ненцев 7 родов хантыйского происхождения — социально-экзогамные группы нижнеобских хантов, вошедшие наряду с другими этническими компонентами в состав ненецкой фратрии Вануйто и заключавшие браки с представителями группы Харючи. При этом хантыйские роды, вошедшие в состав фратрии Вануйто, не осознавая своего единства, продолжали брачеваться между собой по правилам локальной экзогамии, соблюдая ограничения лишь в отношении основных родов фратрии (Вануйто, Яр, Янтик и др.).

Элемент «подключения», «вхождения» одних этнических компонентов в чужую экзогамную систему был распространен в Северо-Западной Сибири довольно широко. По материалам Г. Д. Вербова, 4 основных рода лесных ненцев (пян-хасово)—Нгеваседа, Еуши, Вела, Пяк—не могли вступать в браки с представителями определенных родов тундровых ненцев (Нгеваседа и Пяк, по-видимому, брачевались по правилам фратрии Вануйто, Вела и Ивш—по правилам Харючи). С другой стороны, на южной границе при контакте с таежными хантами те же роды лесных ненцев находились в экзогамных отношениях с группой аганских, тром-аганских, пымских и юганских хантов, т. е. входили в состав трех экзогамных групп: к группе «Лося» (Нев сир) принадлежали Нгеваседа, к группе «Бобра» (Мах сир)— Евши, к группе «Медведя» (Пупи или Моми сир)—Пяк.⁹

Влияние ненецкой дуальной системы привело к потере билинейности у ряда локальных групп: в родах Пандо, Тибичи, Салиндер, Неркаги предпочтительными стали браки в роде матери, более удаленные от ненецких контактов группы Пуль-ях, Пель-вас-ях, Ек-вожен-ях и др. сохранили билинейность.

Рост подвижности оленеводческого населения привел к размыванию и перегруппировке хантыйских локальных экзогамных групп. Постепенное расселение и распределение рода Поронгуй, ранее локализовавшегося в районе Салемала, обусловило размывание экзо-

гамной группы Похрон-ях и появление запретов браков между Поронгуй и Пандо, Ядобчевых (рода Поронгуй) с Анагуричи и Неркыги. Сложилось экзогамное единство между Тибичи (Осяс-ях) и Климовыми (Выл-посл-ях) как части Неркаги, что привело к брачному запрету между Тибичи и Неркыги, ранее считавшимися двумя отдельными группами — Осяс-ях и Нерка-ях. Экзогамное единство Тибичи и Неркыги скреплено ныне общим религиозным культом. Сходную природу имеют, возможно, запреты браков между пришлыми в пизовья Оби оленеводами Серасковыми (Послан-ях или Серас-ях), Тобольчими (Вури-корт-ях) с родом Пандо, Выжигари (Бохрн-ях) и Собриных — с Неркыги.

Переходом от локальной экзогамии к территориальному родству объясняется и «исключительность» рода Лар (Пуль-ях), заключавшего браки, в отличие от всех других родов хантайского происхождения, по правилам фратрии Харючи. Основанием этому послужил запрет браков между родом Лар — полуйскими хантами — и нарымскими ненцами — Анагуричи. Вероятно, их экзогамное единство складывалось как «соседское родство» в результате длительных контактов.

Таким образом, дуально-фратриальная организация тундровых ненцев выступала связующим звеном в системе брачно-родственных отношений данного региона ввиду специфики оленеводческого типа хозяйства. Степень включения в чужую экзогамную систему не была одинаковой для всех локальных групп и зависела от интенсивности контактов между ними.

Говоря о брачно-родственных отношениях хантов, невозможно оставить без внимания вопрос о происхождении и социальной сущности группировок «Пор-ех» и «Мось-ех». Не претендую на разрешение этой проблемы, приведем несколько сюжетов, связанных с ней. Понятие о Пор и Мось, как о двух экзогамных половинах, существует лишь у сынских хантов и населений прилегающих к Сыне районов. У северных групп нижнеобских хантов такая информация не фиксируется. Войкарские ханты считают группу Ай-вош-ех принадлежащей к Мось, все остальные относятся к Пор-ех. По-видимому, установку «местные — Мось, пришлые — Пор» войкарские ханты восприняли от сынских в результате длительных брачных контактов — у сынских хантов местные («чистые») Сеня-ех относятся к Мось-ех (входящие в эту группу Лон-

гортовы, Вальямовы и часть Карятовых проживали в пос. Вытвошорт). Все пришлые фамилии (Макаровы, Талигини, Муркины, Пырысевы, Артанзеевы, Пугорчины, Конкины, Тарагута, Новьюховы, Кельчины, Хунзи, Сотруевы, Питласовы, Курятовы) считаются Пор-не-ех.

На Сыне же фиксируется информация о существовании экзогамии другого порядка. Так, сохранилось предание о том, что Макаровы, Талигини и Пырысевы раньше считались родными братьями, но затем разошлись на три юрты: старший брат остался в Тильтиме (от него пошли все Талигини), два других спустились по реке и осели в Ным-вош-горте (Макаровы) и Ямгорте (Пырысевы). Все три фамилии информаторами единодушно относятся к Посли-ех (Порне-ех), но считаются уже не слишком близкой родней. Кроме того, имеются данные о запрете браков в роде матери, т. е. сохранение норм локальной экзогамии и на Сыне. Именно этим фактом — устойчивостью традиции заключения браков по правилам локальной экзогамии — на наш взгляд — можно объяснить принадлежность сынской фамилии Курятовых и к «Мось-ех», и к «Пор-не-ех»; тегинской фамилии Неттиных — двум экзогамным группам. Сходными причинами, по-видимому, объясняется противоречивость информации о принадлежности к Пор и Мось фамилий Рохтымовых и Еприных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бабаков В. Г. Историческое место фратрии в структуре социальных связей западносибирских угров // СЭ. 1988. № 3.

² Балаков В. Г. К этническому изучению приобских хантов // СЭ.

² Чернецов В. Н. Фратриальное устройство обско-угорского общества // СЭ. 1939. № 2; Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. М., 1983.

³ Бабаков В. Г. К этноисторическому изучению приобских хантов // СЭ. 1976. № 6. С. 108—110.

⁴ Вербов Г. Д. Лесные ненцы // СЭ. 1936. № 2. С. 69.

⁵ Лукина Н. В., Кулемзин В. М. Новые данные по социальной организации восточных хантов // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 232—236.

⁶ Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев.

М., 1970. С. 74—75, 84; **Васильев В. И.** Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М., 1979. С. 71, 179.

⁷ Головнев А. В. Экзогамия в социальной истории народов Северо-Западной Сибири // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Новосибирск, 1988. Вып. I. С. 88 — 89.

⁸ Приведенные данные брачных связей войкарских хантов получены на основе составления генеалогических схем по методике В. И. Васильева.

⁹ Вербов Г. Д. Указ. соч. С. 69.

Е. П. Мартынова ВОЛОСТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ХАНТОВ

Тема социальной организации и общественных отношений у обских угров (хантов и манси) в XVII—XIX вв. давно привлекает пристальное внимание сибреведов. В реконструкцию социальных институтов этих этносов значительный вклад внесли историки и этнографы: С. В. Бахрушин, В. Н. Чернецов, Б. О. Долгих, З. П. Соколова, Н. В. Лукина, Н. А. Миненко, В. Г. Бабаков, А. И. Пика. Однако проблема эта до сих пор остается многоаспектной и дискуссионной. «В настоящее время,— справедливо указывает В. Г. Бабаков, — назрела необходимость комплексного конкретно-исторического изучения реальных социальных институтов западно-сибирских угров».¹

Одним из таких реальных социальных образований хантов XVII—XIX вв. является волость. Что же представляла собой эта социальная форма, просуществовавшая более трех столетий: со времени присоединения Сибири к России до начала XX в.? Основой для реконструкции волостной организации хантов послужили архивные материалы (прежде всего ревизские переписи населения) конца XVIII—середины XIX вв.,² историческая и этнографическая литература.

После вхождения в состав Русского государства Нижнее и Среднее Приобье, Нижнее Прииртышье (районы расселения хантов) оказались в составе Тобольской губернии, на территории которой были созданы Тобольский, Березовский и Сургутский уезды, включавшие наряду с русским иaborигенное население, разное по этническому составу, хозяйственным занятиям и общественному устройству. С учетом

этих особенностей русская администрация создала ясачные волости. Материалы ревизских переписей свидетельствуют, что правительство строго придерживалось этнического признака при делении на волости. Там, где ханты проживали на одной территории с другими народами (хантыйские селения располагались иногда в 1—2 км от русских), крестьяне и ямщики (русские) были приписаны к одной волости, ханты («ясашные инородцы») — к другой. Только в конце XIX в. в «инородческих волостях» стало появляться русское население.

Архаические формы традиционной общественной организации хантов «дорусского периода» известны исследователям по данным фольклора. Уникальное, до сих пор непревзойденное по богатству и разнообразию материала собрание героического эпоса пртышских хантов было сделано и обработано С. К. Паткановым в конце XIX в.³ По фольклорным данным, как полагал С. К. Патканов, можно восстановить некоторые реальные черты жизни хантов XIII—XIV вв.

В то время вся «костяцкая страна» («мыг», «пелек») делилась на области, или «княжества», во главе которых стояли богатыри, или князья («урт»). «Князья» и их ближайшее окружение жили в укрепленных городках («вош», «вач», «ваш») или городищах («вош-пай»), располагавшихся по берегам рек. С. К. Патканов насчитал в Тобольском округе более 60 таких городков. Рядом располагались несколько примыкающих к ним неукрепленных поселений («путогот»). «Княжества» насчитывали от 60—100 человек (3—10 воинов) до 500—1000 человек (100—300 воинов). Большинство «княжеств» были мелкими, нередко в одном городке находилось два-три «князца». Среди своих соплеменников князья выделялись только богатством, они занимались промыслами, однако «более для своего удовольствия, чем по необходимости». При решении важных вопросов существовал обычай созывать народные собрания, начинавшиеся жертвоприношением и общим пиром. Князья совещались с представителями «княжеского рода» и со стариками. Старики («седоголовые старцы») пользовались большим влиянием, но роль самих собраний была недейственной, дела обыкновенно решались князьями по своему усмотрению.⁴

Героический эпос пртышских хантов свидетельствует о

социальной дифференциации в их обществе, наличия рабства. Подобные социальные отношения, по мнению С. К. Патканова, сложились у хантов в период оборонительных действий против татар и русских. Следует указать, что археологические материалы Нижнего Прииртышья подтверждают фольклорные данные.⁵

«Княжества» были наиболее заметной формой общественной организации обских угров и в период XV—XVI вв. По Нижней Оби и Нижнему Иртышу известно 8 таких объединений, самым крупным из которых было Кодское на Оби. Большинство княжеств были небольшими, во время военных действий объединялись силы нескольких «князцов», складывались военно-политические союзы. Так, для защиты от русских войск «князец» Демьян собрал до 2000 хантов и манси, а Самар объединил под своим руководством 8 «князцов». Такие союзы оказались непрочными и быстро распадались, не выдержав написка русских отрядов.⁶

В литературе высказывались разные мнения о социальном строе хантов накануне присоединения к Русскому государству. С. В. Бахрушин, завышая уровень исторического развития обско-угорского общества, полагал, что у них существовал феодальный строй.⁷ Однако архивные и фольклорные источники, лежащие в основе исследования автора, отражали терминологию русских служилых людей и чиновников, в которой общественные институты Русского феодального государства переносились на социальную жизнь коренных народов Сибири. Говорить о феодализме или даже его элементах в общественном строе обских угров XV—XVII вв. нет оснований, поэтому у С. В. Бахрушина мало последователей.

В. Н. Чернецов, напротив, архаизируя социальную организацию обских угров, считал, что у них долгое время сохранялась родовая организация и еще в начале XX в. существовали пережитки дуального деления и родовых отношений.⁸

В настоящее время общепринятой считается точка зрения о том, что накануне присоединения к России обские угры находились на различных ступенях разложения первобытнообщинных отношений. С. В. Бахрушин и Б. О. Долгих считали, что хантыйские и мансийские «княжества» соответствовали племенным группировкам обских

угров.⁹ На наш взгляд, более оправданным является мнение В. Г. Бабакова о том, что угорские «княжества» можно характеризовать как потестарные общности, создававшиеся под влиянием внешней опасности. Такие объединения «строились на территориально-этнической или территориальной основе, имели сложнокомпонентную структуру, включая в себя зачастую различные этнические группы».¹⁰

На основе «княжеств» были образованы волости хантов XVII в.; Назым, Нарым, Казым, Обдорская, Кодская соответствовали одноименным «княжествам», также как и волости сургутских хантов; владения «князца» Демьяна были разделены на две волости («Верх-Демьянки Митькина» и «Верх-Демьянки Григорова»), «княжество» Бояра образовало Демьянскую волость, Самара—Белогорскую.¹¹

Однако не все волости генетически были связаны с «княжествами», поскольку количество хантыйских волостей XVII в. (26—по С. В. Бахрушину) превышало число «княжеств». Вероятно, в основу административного деления легли какие-то другие общности аборигенного населения. По-видимому, архаические локальные группировки хантов различались по характеру, о чем свидетельствует неравномерное распределение населения по волостям. В XVII в. волости хантов насчитывали от 1 до 650 плательщиков ясака.¹² Необходимо также учитывать несинхронность развития территориальных групп хантов, иноэтническое (прежде всего татарское и русское) влияние на отдельные группы, на что неоднократно обращали внимание исследователи.

Таким образом, хантыйские волости генетически восходили к традиционным локальным группировкам коренного населения различного характера. На протяжении XVII—XIX вв. внутренняя структура волостей претерпела значительные изменения, обусловленные правительственной политикой по включению аборигенного населения Сибири с его традиционными институтами в политico-административную систему Российского государства, находившегося на стадии позднефеодального, а затем капиталистического развития.

По вопросу о сущности волостей западносибирских угров XVII—XIX вв. в литературе высказывались различные суждения. По мнению С. К. Патканова, А. И. Мурзиной, Н. А. Миненко, волости хантов и манси состояли из несколь-

ких родов или родоплеменных групп.¹³ Согласно А. А. Дунину-Горкевичу и В. Н. Чернецову, волости соответствовали роду сургутских хантов и западных манси.¹⁴ Б. О. Долгих связывал ряд хантыйских волостей с племенными группировками хантов.¹⁵ По данным В. Г. Бабакова, волости иртышских хантов представляли собой группировки территориального характера.¹⁶

Следует отметить, что неравномерность распределения населения по волостям сохранялась и в XVIII—XIX вв. В этот период хантыйские волости включали от 1—3 до 30 селений—юрт с населением от 85 до 1000 человек.¹⁷ Следовательно, хантыйские волости различались по своему характеру не только в момент образования, но и в более позднее время. «Различные по размерам волости,— отмечает З. П. Соколова,— объединяли, очевидно, разные территориальные, этнографические и социальные группы обских угров».¹⁸

Большой интерес вызывает высказанное Б. О. Долгих предположение о том, что волости хантов и манси «имели определенное этнографическое содержание».¹⁹ По данным З. П. Соколовой, ряд волостей северных и восточных хантов соответствовал локальным общностям — территориальным группам обских угров (ех, махум), отличающимся друг от друга диалектами, комплексом хозяйства, некоторыми особенностями культуры и быта.²⁰ Это такие волости, как Казымская, Аганная, Юганская и др. Некоторые волости включали в себя несколько подобных групп, например, Куноватская: куноват-ех, сыня-ех, послан-ех. Ваховские ханты, наоборот, подразделялись на три волости.

Такие локальные группы представляли собой этнические единицы низшего таксономического уровня. Для их обозначения можно использовать понятие «этнодем». В этнических микрообщностях внутренние органические связи имеют локальный характер, «способом объединения людей в процессе труда является здесь семейная, племенная, территориальная связь при отсутствии общественно развитой и всеобщей системы обмена продуктами труда».²¹

В литературе отсутствуют необходимые описания особенностей культуры и быта отдельных групп обских угров, поэтому определить этнодемы можно лишь с помощью лингвистических данных. Б. О. Долгих, сопоставляя данные о диалектах хантыйского языка с данными о волостях-княже-

ствах, выделил 10 волостей, соответствующих племенам — локальным этническим общностям: Обдорскую, Куноватскую, Казымскую, Кодскую, Белогорскую, Юганскую, Аганскую, Ваховскую, Лумпокольскую, Васюганскую.²² К этнодемам можно с уверенностью отнести те хантыйские волости, которые располагались по бассейнам обских и иртышских притоков: Казымскую, Больше-Юганскую, Мало-Юганскую, Тромъеганскую, Васюганскую, Ваховскую, Пимскую, Аганскую, Верх-Демьянскую, Меньше-Кондинскую, Салымскую. Выявление остальных микроязыческих общностей у хантов затруднено в связи со сложностью языковых классификаций.

Известно несколько вариантов классификаций диалектов хантыйского языка, имеющих между собой существенные различия. Не вдаваясь в подробное перечисление различных точек зрения, используем лишь сводку диалектов и говоров.

В. К. Штейниц, выделив три группы диалектов, включил в состав:

- а) северной: обдорский, шурышкарский-березовский, казымский, шеркальский;
- б) южной: атлымский (низямский), кеушинский, притышско-кондинский;
- в) восточной: салымский, сургутский, вахо-васюганский.²³

Н. И. Терешкин объединил северные и южные диалекты в группу западных, в которой выделил три наречия: а) усть-обское (обдорское) с говорами усть-полуйским и обским; б) приобское с говорами шурышкарским, казымским, среднеобским; в) прииртышское с говорами усть-иртышским (самаровским), иртышским, кондинским, демьянским. К восточным диалектам он относит два наречия: а) сургутское с говорами агано-юганским и салымским; б) вахо-васюганское с говорами ваховским и васюганским.²⁴

П. Хайду подразделяет хантыйский язык на три группы диалектов:

- а) северную: обдорский, сыгинский, сынинский, шурышкарский, березовский, шеркальский;
- б) южную: иртышский, кондинский, демьянский, низямский, кеушинский;
- в) восточную: салымский, сургутский (тромъеганский,

юганский, малоюганский, пимский), ваховский, васюганский, вартовский.²⁵

На основе языковых классификаций можно выявить еще несколько волостей-этнодемов: Обдорскую, Кунноватскую (шурышкарский диалект, по В. К. Штейничу и П. Хайду; обский говор, по Н. И. Терешкину), Подгороднюю (березовский диалект, по П. Хайду), Шеркальскую (шеркальский диалект, по В. К. Штейничу и П. Хайду), Белогорскую (самаровский говор, по Н. И. Терешкину). Население волостей, совпадающих с этнодемами, говорило на особом диалекте (говоре, наречии) хантыйского языка, обладало некоторыми специфическими («этноплеменными») особенностями культуры и самосознанием.

Трудность выделения этнических микрообщностей в составе хантов, живущих не по притокам, а непосредственно вблизи берегов Нижней, Средней Оби и Нижнего Иртыша, связана, по-видимому, с тем, что в этих регионах еще до прихода русских древние традиционные родоплеменные связи были подорваны в ходе многочисленных военных столкновений с ненцами и Сибирским ханством (под воздействием внешней опасности здесь и образовались территориально-племенные «княжества» «сборного» характера, утратившие этническую монолитность). В XVII—XIX вв. в волостях по Оби и Иртышу интенсивно развивались товарио-денежные отношения, что привело к еще более значительным структурным изменениям в традиционной социальной организации хантов.

Вопрос о том, что представляли собой в этническом отношении волости обских хантов (Васпухольская, Ендырская, Сухоруковская, Мало-Атлымская, Больше-Атлымская, Нагакарская, Естыльская, Чемашевская), входившие в состав более крупного объединения Кода, или кодские городки, среднеобских (Юганская, Подгородняя, Лумпокольская, Ларьятская, Селиярская) и иртышских хантов (Туртасская, Назымская, Тарханская, Темлячевская), остается открытым.

Хантыйская волость XVII—XIX вв. представляла собой административно-территориальное объединение нескольких селений (юрт и городков). Остякам строго-настого запрещалось самовольно сниматься с «ясачного места», хотя по усмотрению администрации волость могла быть

переформирована в территориально-поселенном отношении. Например, юрты Коринские были переведены из Верх-Демьянской волости в Назымскую, юрты Согомские из Белогорской — в Меньше-Кондинскую, что нарушило традиционные внутриволостные связи, ослабляло преемственность состава волостей. Особенно часто такие перечисления происходили на территории бывших Кодских городков: В 1828 г. II ясачной комиссией было отмечено, что принцип размежевания «по-прежнему соответственно родовым поколениям» не всегда соответствует фактическому размещению населения, т. к. прежние роды «в продолжении более 200 лет расселились и живут ныне один от другого на весьма дальнем расстоянии. Отчего числятся волости одни из 2 тысяч душ, и от сего же проходит, что приписанные к одной какой-либо волости живут домами в селениях другой волости и даже в другом округе».²⁶ В целом все же следует отметить достаточно высокую стабильность фамильного состава волостей по материалам ревизских переписей. Население из поколения в поколение оставалось жить в пределах волости, возобновляя необходимые внутриволостные социальные связи.

Жители волости составляли своеобразную категорию зависимого населения — «государевых ясачных людей». Документы XVII—XVIII вв. свидетельствуют, что ясакоплательщики группировались вокруг какого-либо «лучшего человека», который и платил ясак «с товарищи». После введения подушного обложения (1763 г.) волость стала основной единицей демографического учета населения. Фискальный фактор был основным интегративным моментом, связывающим волостную общность, которая рассматривалась как коллектив плательщиков ясака вне их связи со строго определенной территорией.

В XVII—XVIII вв. во главе большинства волостей стояли представители старой родоплеменной знати, потомки тех «князцов» и «лучших людей», с которыми встретились русские в период вхождения Западной Сибири в состав Русского государства. Так, «в Демьянском городке в половине XVII в. сидели еще Оксентко Бояров, Курмышачко Бояров, которые являлись потомками остыцкого князька Демьянки Бояра. Во главе Кондинской волости стоял сын плененного кондинского князца Агая — Артуга Агаев».²⁷ «Князцы» и старшины освобождались от уплаты податей. Отвечая за правильный и своевременный сбор ясака, эти «лучшие люди» оказались тесно

связанными с администрацией.

У авторов XVIII в. есть интересные замечания о положении и роли «князцов» в хантыйском обществе. В. Ф. Зуев писал, что власть их была наследственной, они разделялись на простых и жалованных грамотами от государей. Те и другие мало чем отличались по образу жизни от простых людей, жили «своими промыслами». В их обязанности входил сбор ясака, разбор жалоб и ссор. В случае отсутствия наследника «правителя» выбирали «из числа лучших и умных людей».²⁸ Интересно замечание И. Е. Фишера о том, что «князец владел не полновластно, ибо народ имел столь же великое право на него, как он на народную власть; однако власть его в решении спорных дел была больше, чем у другого».²⁹ Г. Ф. Миллер обрисовал положение хантыйских «князцов» среди общей массы населения следующим образом: «...Между ними и действительными князьями не находится никакого подобия. Все преимущество состоит в том, что перед прочими более богатства имеют или что они многогречивы и потому за умных почитаются и простые люди в происшедших между собой ссорах за судией и за посредников их принимают. Кроме сего княжеской власти над народом не имели».³⁰

Постепенно царизм распространял бюрократическую опеку над общественной жизнью автохтонов Сибири. Устав «Об управлении инородцев» 1822 г. низвел власть «князцов» и «старшин» до уровня мелких административных прав «волостных голов», которые решали «по своему благорассмотрению» дела о «ссорах, драках», а в случае «не имения силы и возможности в преступлении наказать», жаловались местным уездным властям».³¹

Сравнение данных ревизских переписей конца XVIII—середины XIX вв. позволяет убедиться в существовании принципа выборности и сменяемости «волостных старшин». Редко на протяжении нескольких лет во главе волостей стояли одни и те же лица, они часто менялись. Например, в 1782 г. старшиной Ендырской волости был Семен Карманов, в 1816 г.—Иван Алексеев; в 1795 г. старшиной Тарханской волости был Осип Салтанов, в 1816 г.—Мануил Терентьев, в 1858 г.—Гордей Тундыков.³²

У «ясачного населения» существовало представление о границах своей волости, которое возникало вследствие того, что юртовый состав волостей был относительно стабильным,

Жители считали население волости «своими» близкими людьми, хотя, быть может, осознавали свою социальную общность лишь в период уплаты ясака.

Необходимо отметить, что в Западной Сибири границы уездов и волостей были определены только во второй половине XVIII в. На севере межевание так и не было осуществлено, «количество земель» многих волостей «совершенно не приведено в известность». Из хантыйских волостей полностью были обмежеваны только Назымская и Нарымская на Иртыше. «В пользовании инородцев» Назымской волости числилось 658 дес. земли, Нарымской—1921 дес.³³ Царская администрация отводила в «окружную межу» общие волостные границы, а промысловы угодья, земли для пастбищ, сенокосы и т. п. «приписывались» к отдельным поселкам-юртам. Неразделенную принадлежность волостных общин составляли неосвоенные земли, составлявшие своего рода «гарантийный фонд» нетронутых угодий, необходимый при господстве экстенсивного рыболовецко-охотниччьего хозяйства.

Следует указать, что «волостной мир» обладал лишь «владетельными» правами на определенную территорию, поскольку волости существовали на «государевой» земле. Территория их не была сплошной, она фактически являлась совокупностью угодий отдельных селений, входивших в состав волости. Чересполосица угодий поселков-юрт, как хантыйских, так и русских, затрудняет определение точных волостных границ, особенно в низовьях Иртыша, где четыре русские и четыре южнохантыйские волости располагались примерно на одной территории от устья р. Туртас до Оби.

Хантыйские волости не были экзогамными единицами. Число внутриволостных браков в конце XVIII в. варьировало по волостям, составляя в среднем 30%, (по материалам IV—V ревизий). Брачные контакты связывали население различных волостей между собой, способствовали развитию территориально-соседских связей. Волостная родственная микроструктура разрушалась миграционными процессами, весьма интенсивно протекавшими на территории Приобья и Нижнего Прииртыша в XVII—XIX вв.

Итак, волости хантов, являясь основными единицами учета коренного населения, представляли собой административно-территориальные общности, генети-

чески восходившие к традиционным локальными группировкам аборигенного населения «дорусского» периода, как этнического, так и гетерогенного характера. Внутренняя структура хантыйских волостей строилась преимущественно на основе территориально-соседских связей, хотя и сохраняла некоторые элементы, характерные для родоплеменного строя, базирующиеся на генеалогических связях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бабаков В. Г. Историческое место фратрии в структуре социальных связей западносибирских угров // СЭ. 1988. № 3. С. 38.

² Тобольский филиал государственного архива Тюменской области (ТФГАТО), ф. 154, оп. 8, дд. 43, 44, 55, 74, 75, 76, 77, 78, 269, 271, 287, 347, 404, 556, 558, 575, 814, 992, 994.

³ Патканов С. К. Стародавняя жизнь осятков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина. СПб., 1891. Вып. III, IV. С. 89—106; Он же. Тип осятского богатыря по осятским былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891, С. 74.

⁴ Там же.

⁵ Викторова В. Д. Памятники лесного Зауралья X—XIII вв. в. э. // Труды Камской археологической экспедиции. Пермь, 1968. Вып. 4. С. 239—256; Коников Б. А. К этносоциальной характеристике культуры таежного Прииртышья VI—XIII вв. // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 66—70; Могильников В. А. О культурах лесной полосы Западной Сибири второй половины I тыс. н. э. // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. С. 82—85.

⁶ Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 333.

⁷ Бахрушин С. В. Остяцкие и ногульские княжества в XVI—XVII вв. // Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 2. С. 86—152.

⁸ Чернецов В. Н. Фратриальное устройство обско-угорского общества // Советская этнография. М.-Л., 1939. Т. II. С. 20—42; Он же. К истории родового строя у обских угров // Советская этнография. М.-Л., 1947. Т. VI—VII. С. 159—183.

⁹ Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 115, 141; Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // ТИЭ. Нов. сер. М., 1960,

Т. 55. С. 28.

¹⁰ Бабаков В. Г. Указ. соч. С. 40.

¹¹ Бахрушин С. В. Ласак в Сибири в XVII в. // Научные труды. Т. III. Ч. 2. С. 55.

¹² Долгих Б. О. Указ. соч. С. 21—85.

¹³ Патканов С. К. Стародавняя жизнь... С. 102, 103; Мурзина А. И. К вопросу о социальном строе народов Северо-Западной Сибири // Уч. зап. ЛГУ. 1948. Серия востоковедческих наук. Вып. 2. С. 290; Она же. Реформа М. М. Сперанского в Западной Сибири // Уч. зап. ЛГУ. 1950. Т. 115. С. 111; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII—первой половине XIX вв. Новосибирск, 1970: С. 147.

¹⁴ Дунин-Горкевич А. А. Тобольский Север. СПб., 1904. Т. I. С. 77—78; Чернецов В. Н. К истории родового строя... С. 166.

¹⁵ Долгих Б. О. Племя у народов Севера // Общественный строй у народов Северной Сибири в XVII—начале XX вв. М., 1970. С. 339.

¹⁶ Бабаков В. Г. Указ. соч. С. 45, 46.

¹⁷ ТФГАТО, д. 154, оп. 8, дд. 43, 44, 55, 75, 76.

¹⁸ Соколова З. П. Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Сибири в XVII—начале XX вв. М., 1970. С. 125.

¹⁹ Долгих Б. О. Племя у народов Севера. С. 339.

²⁰ Соколова З. П. Указ. соч. С. 125—126.

²¹ Межуев В. М. Культура и история. М., 1977. С. 118.

²² Долгих Б. О. Племя у народов Севера. С. 339.

²³ Штейниц В. К. Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. М.-Л., 1937. Ч. I. С. 194.

²⁴ Терешкин Н. И., Хантыйский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. III. С. 319.

²⁵ Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1986. С. 45.

²⁶ Мурзина А. И. К вопросу о социальном строе... С. 293.

²⁷ Шуников В. И. Ясачные люди в Западной Сибири в XVII в. // Советская Азия. 1930. № 3—4. С. 189.

²⁸ Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771—1772) // ТИЭ. Нов. сер. М.-Л., 1947. С. 52.

²⁹ Фишер И. Е. Сибирская история. СПб., 1774. С. 132.

³⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири. М.-Л., 1937. Т. I. С. 122—123.

³¹ Центральный государственный исторический архив (ЦГИА), ф. 1264, оп. 1, д. 296, л. 69об.

³² ТФГАТО, ф. 154, оп. 8, дд. 44, 73, 347.

³³ Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Спб., 1891. Вып. X. С. 176; Волости и населенные пункты. СПб., 1894. Вып. 10. Прилож. 5.

НЕНЕЦКАЯ ЛЕГЕНДА О ГЛУПОМ ХОЗЯИНЕ ЗЕМЛИ

Среди ненецких сказаний различаются: сюдабц (песни о летающих богатырях), хынабц (песни о воюющих героях), ярабц (песни о злоключениях людей), шосовэй лахнако (короткие песни-рассказы), вада лахнако (рассказы), ваал (притчи). Все они, за исключением ваал, начинаются с рождения (появления) героя, содержат описание его похождений и завершаются сакральным воплощением главных действующих лиц. Легенды во многом сходны по композиции и во многом различны по воссоздаваемым картинам, сценам, образом. Из сорока услышанных мною на Ямале и Гыдане сказаний не оказалось дубля. Один из мифов и краткие заметки о нем удалось вместить в рамки предлагаемой статьи. Сюдабц «Сала Ян-тэтто» («Глупый Хозяин Земли») я слушал в течение целого дня на севере Гыдана (полуострове Явай-сале) в 1979 г. в исполнении Л. Лапсуя и вторящего Е. Оковая.

«Над берегом моря несет ветром Нянчеда Мынеко, и видит он внизу три больших мыса. На третьем мысу стоят чумы — три девять по девять, из которых два — высокие. В этих чумах Мынеко видит трех Ян-тэтто. Младший — Сала Ян-тэтто — живет в чуме старшего брата (Нарка Ян-тэтто). Он спит на «пустой» (противоположной от постелей) стороне чума в одежде, которую ни разу не снимал. Когда у братьев Ян-тэтто умерла мать, младшего выкормила оленемым молодом жена Нарка Ян-тэтто. У старшего брата жена — Тобтаку-папа (сестра Копыто-человека), у среднего — Янгархыг-папа (сестра Сверкающего человека). Видит Мынеко, что все три девять по девять Ян-тэтто собрались за чумом старшего брата и начали разговор о спящем Сала Ян-тэтто. Говорят Нарка Ян-тэтто:

— Пока моя голова держится, нашего младшего брата надо женить. Давайте найдем ему невесту в тех местах, где все богаты. Может быть, кто-то знает лучше меня, где можно сватать такую девушку?

— Мы не знаем таких мест, — ответили другие Ян-тэтто.

— Если вы не знаете, то я слышал о далеких Сиу Пэ-саля (Семи Каменных мысах), на которых живут Сиу Ханглана (Семь Смертоносных). Кто к ним ездил свататься, обратной дороги не находил, но я все же отправлюсь туда. Завтра будем каслать (кочевать).

С первых звуков и слов песни начинается ветер, которым несет Нянчеда Мынеко — немого человека-птицу. Сам Мынеко — не сказитель, он переносит песню от человека к человеку, от умерших к живущим. Он — бессловесный посредник, дух памяти. Героев «находит» лахнако (слово), переходящее от одного персонажа к другому и выражющее поочередно их мысли и действия от первого лица. Слово не прыгает от героя к герою, а связывает их поступки в единую композицию. Мынеко (или лахнако) с самого начала воссоздают среду, в которой позднее разворачиваются основные события. Однако главный герой при этом упоминается лишь вскользь или описывается неподвижным (спящим), действие же открывается побочными персонажами.

В начале повествования Сала Ян-тэтто подчеркнуто отсутствие: он лежит на нежилой стороне чума, соприкасаясь (т. е., по ненецким представлениям, слившись) с землей; беспробудно спит, что отождествляется если не со смертью, то с безжизненностью; на нем неснимаемая одежда, тогда как в быту (бытии) мужчины ее чередовали: днем надевали глухую (малицу, гусь, парку), ночью — распашную (ягушку). Сала Ян-тэтто существует лишь как природная плоть, рожденная человеком-матерью и выкормленная зверем-матерью (важенкой). При этом уже в плотском состоянии герой вобрал в себя силы человеческого и природного тел.

По ненецким традициям, действительное рождение человека (перерождение из плоти) происходило после вселения в ребенка души — имени предка, признаками чего было осмысленное (членораздельные звуки) и самостоятельное (ползанье, ходьба) поведение. В этом смысле Сала Ян-тэтто еще не человек. Но в социальной среде, откуда и появляется душа-имя, уже обозначилось напряжение: на трех мысах среди трех по девять чумов живут три брата, на которых приходится лишь два чума, две постели, две жены; все мужчины стойбища собрались обсудить судьбу Сала Ян-тэтто — приобретение ему жены (и, соответственно, постели, чума). Состояние этой «социальной беременности» предполагает разрешение двойичности в троичность. При этом, поскольку речь идет о главном герое, ему прочат в невесты девушку из неведомых простым людям необычайно богатых мест, где прежде все обретали не жен (жизнь), а смерть.

«Прощла ночь, настало утро. Старший Ян-тэтто толкнул лоштем свою жену Тобтай-папа и велел ей греть котел. Сам в ягушке вышел из чума и дважды крикнул в оба конца стойбища: «Вставайте, пора каслать!». Все поднялись, начали разбирать чумы и ставить вереницей нарты. Няччеда Мянеко видит как Тобтай-папа разбудила Сала Ян-тэтто. Тот медленно сел, и Мянеко разглядел его лицо: оно настолько черно, что неотличимо от нюка (покрышки чума), и только четыре зуба светятся. Тобтай-папа же целует и ласкает его. Сала Ян-тэтто встает на ноги, и от его шагов хрустит стальной настил. Подол его одежды изорван, и лохмотья висят, как со-бачьи хвосты.

Тобтай-папа вывела его из чума, показала нарты. У нарт по два копыла с каждой стороны и две лямки для оленей. Сел Сала Ян-тэтто на свои нарты и стал смотреть на Тобтай-папа, которая быстро сняла нюки с обеих сторон чума. Перевел он взгляд на остальные чумы—там хозяева только приступили к снятию нюков. Вновь поглядел Сала Ян-тэтто на Тобтай-папа—она уже последние шесть веревками к нартам привязывает. Пригнали стадо оленей из девяти тысяч голов, огордили коралем ездовых быков (хабтов). Видит Сала Ян-тэтто—тридцать мужчин только начинают к нартам оленей привязывать, а Тобтай-папа уже впрягla оленей в последние нарты (своего грузового аргиша-каравана). Легковые нарты ее запряжены четырьмя полубельми (спереди—белыми, сзади—черными) хабтами. Тобтай-папа подошла ко мне».

Добрые дела, по представлениям ненцев, вершатся с утра. До полудня посещаются святыни, совершаются промысловые поездки, сгоняются к стойбищу олени. Теневой считается в течение дня вторая его половина, в течение суток—ночь, в течение месяца—заполнение, в течение года—зима. Это периоды угасания солнца, слабения человека, разгула злых сил. Враги в легендах, как правило, нападают на сонное стойбище ночью, рассвет приносит облегчение. В вада лахнако «Няхарью Хаби», например, рассказывается о том, как ночью чудовище-нылека проглотил заевшихся у костра двадцать шесть братьев, и лишь младший успел взобраться на лиственницу. Всю ночь нылека грыз стволы поочередно трех лиственниц, на которые перескакивал младший Хаби, пока, наконец, не взошло солнце и не вынудило чудище скрыться.

Утреннее пробуждение наступает не сразу, как неспешно разворачивается и сказочное повествование. Первым просыпается третийстепенный герой, который будет второстепенного, после чего приходит очередь главного действующего лица. Старший брат в сравнении с младшим неизменно ста-

новится побочным персонажем. Младшие оказываются более сильными, независимо от того, на стороне добра или зла они сражаются, более благородными, несмотря на обычные наречения их «глупыми» (как в рассматриваемом сюдбабц) или «дурачками» (как в русских сказках). Вместо привычного в наши дни соотнесения старший—главный в ненецкой традиции преобладает обратное: младший—главный (у лесных ненцев, например, медведь считается самым младшим братом всех зверей).

Исключительность младшего связана с широконзвестным обычаем минората—правом наследования большей части имущества отца младшим сыном в связи с его близостью к родителям, ответственностью за их старость, тогда как старшие дети обычно отделялись и создавали собственные семьи. Однако имущественная сторона отношений—не единственная. Человек олицетворялся двумя видами собственности—материальной (вещной) и духовной (ценной, «родством»), причем последняя являлась врожденной, неизменной и потому более значимой. Старший сын взрослел в период удалой молодости отца, младший—в период его мудрой зрелости. Младший часто наследовал имя-душу умершего деда. Он с детства находился во взрослой среде, вбирая опыт не только родителей, но и старших братьев. С другой стороны, положение любимчика-баловня создавало условия для его самореализации, развития личностных дарований.

В сюдбабц старший брат (Нарка)—лишь толчок, приводящий в действие главную дремлющую силу. Его жена—Тобтай-папа—воспитательница Сала Ян-тэтто, его «социальная мать». Ей отведена роль просветительницы, открывающей герою глаза на бытийную среду—нарты, чумы, олени. При этом она «узурпирует» по отношению к Сала Ян-тэтто всестороннее опекунство, меняясь ролями с мужем, который «невзначай» выходит из чума в ягушке (являвшейся как ночным покрывалом для мужчин, так и постоянной одеждой женщин).

Сцена первоначального (органического) самопознания героя в сюдбабц о Сала Ян-тэтто опущена. В других мифах она присутствует. В хынабц «Вадеси-салоку» за пробуждением главного персонажа следует его длинный диалог с отцом о предназначении различных частей тела, после чего

Вадеси-салоку уверенно отправляется побеждать врагов. В хынабц «Наседа-ню» оживший герой долго отрывается свое заросшее мхом тело от земли, высыпает из живота длиннохвостых мышей, под лучами солнца (выступающего в роли «просветителя») внимательно осматривает свое обнаженное тело и лишь затем отправляется в странствия. Органическое рождение Тала Ян-тэтто фиксируется приходом к нему слова. Приведенный выше отрывок завершается подменой местоимений — «он» на «я».

Второе (после органического) — социальное — рождение Сала Ян-тэтто еще впереди: напряжение сохраняется акцентом на двойичность — у нарты по два копыта с обеих сторон, две олени лямки; дважды крикнул побудку Нарка Ян-тэтто. В свои нарты Тобтаку-папа запрягла четное (четыре) чило оленей, символизирующее неблагополучие и тревогу. То же настроение передается черно-белой мастью оленей, обозначающей грань между верхним (белым) и нижним (черным) мирами.

Сала Ян-тэтто, встав на ноги, не открылся полностью. На нем по-прежнему маска — черное лицо. Оборванная одежда — обычный элемент мифического оборотничества (к примеру, в вада лахнако «Сидя вэсако» верховные боги тайком являются на землю в малицах с обожженными подолами). Нередко сокрытость героев выражается загадочностью их происхождения (в хынабц «Чет Ныйвай» главное действующее лицо зовется сиротой) или подчеркнутой заурядностью (в ярабц «Выуко Хороля» герой первоначально — бедный, «плохой» человек, лежащий в нежилой стороне чума на дряхлой весенней шкуре оленя). Однако сквозь личину пробиваются черты выдающейся личности: под ногами Сала Ян-тэтто скрипит стальной пол, его безобразный облик не останавливает любвеизлияний Тобтаку-папа, на фоне черноликих сверкают четыре (снова чет!) зуба. И, наконец, дальнейшее повествование времени ведется от его лица.

«Тобтаку-папа прошла мимо своего аргиша, увидела лежащих у женской нарты двух хабтов (ездовых быков) с густой длинной шерстью. Впрягла хабтов в железные лямки, которые укрепила железными застежками. Обратилась ко мне:
— Дорогой мой, осторожней садись на нарту, ты ведь ни разу еще не ездил.

Нарка Ян-тэтто начинает каслать. В его упряжке четыре черных олена. Остальные аргиши тронулись за ним. Три по

девять работников Ян-тэтто кричат в один голос: «Каха-хау, ка-хау! Посмотрим как поедет Сала Ян-тэтто!».

Мынеко видит, как три по девять работников отогнали собаками стадо оленей за аргиши. Вслед за стадом побежали два длинношерстых хабта. Сала Ян-тэтто попытался сесть на нарту, но промахнулся, упал на четвереньки, серебряная вожжа скользнула по его ладони, и упряжка унеслась — только снег из под копыт взвихрился. Три по девять работников Ян-тэтто засмеялись, закричали в один голос: «Каха-хау, ка-хау! Не умеющий ездить Сала Ян-тэтто упустил упряжку!».

Видит Мынеко: впереди аргиша едут Тобтаку-папа и Янгархи-папа. Янгархи-папа едет не оборачиваясь, а Тобтаку-папа вертит головой. Она заметила, что у Сала Ян-тэтто упряжка убежала и крикнула об этом старшим Ян-тэтто. А те крика не слышат — как сидели, опустив головы на передние доски нарт, так и сидят. Что с ними — не знает сам Мынеко».

Тревога нарастает, одна за другой следуют абсурдные сцены. Тобтаку-папа впрягает в нарту Сала Ян-тэтто оленей, лежащих у (под) женской («грязной») нарты, под которой, как и под половым настилом чума, не должны находиться вещи живых людей. В ходе перекочевки впереди оказались женщины, что считается дурным тоном или предзнаменованием. В упряжке Нарка Ян-тэтто четыре черных оленя — удвоенный символ (число и цвет) неблагополучия. Оба старших брата опустили головы на нарты, что означает печаль или плач. Неспокойны олени, своей суетой обычно предупреждающие хозяев об опасности. Сала Ян-тэтто вместо езды на нарте оказывается на четвереньках, т. е., по представлениям ненцев, привязанным к нижнему миру (в хынабц «Сэр Лимпя Пыя» герой в ходе долгой борьбы с чудовищем сам превратился в дьявола и по возвращении домой упал на четвереньки). Три по девять работников (низких людей) потешаются над одним из хозяев и своими действиями предопределяют его промах. Над всей композицией дважды пропускается единогласный крик черни «Каха-хау, ка-хау!». Подобная перекочевка не может благополучно продолжаться, и она прерывается.

«Тобтаку-папа привязала свою вожжу к спинке нарт. Взяла янгач (костяную колотушку), оттолкнулась ею от земли и перелетела из своей нарты в нарту Сала Ян-тэтто. Длинношерстные хабты, почувствав седока, понесли еще быстрее. Тобтаку-папа не успела подобрать вожжу и схватилась обеими руками за края нарты. Желедную семиместную нарту от бега оленей швыряло в сторону, как соняку (ручную нарточку). Добе-

жали два лебрах (букв. «вывалившиеся») оленя до дороги, проходившей по сопке, и остановились.

Тобтаку-папа встала с нарты, отряхнула с себя снег, опривась по малой и большой нужде, стала оглядываться. Ариш не видно, а с другой стороны заметен берег моря. К морю три больших мыса спускаются—кажется, будто от земли они отделены водой. На трех мысах стоят чумы—три девять по девяти,—похожие на сидящих у отмели ворон. Там, где мысы сходятся с берегом, видны два оврага. Между ними проходит дорога, на ней стоит упряжка, а на упряжке сидит Табсале Еру (Песчаного мыса Хозянин). Подъехала Тобтаку-папа к этой упряжке, остановилась и спросила:

— Кто ты? Ответь мне, где живут Семеро Смертоносных на семи Каменных мысах? Сала Ян-тэтто отправил меня к ним.

Песчаного мыса Хозянин соскочил с нарты и сказал:

— Повтори, я не расслышал.

Я повторила (повествование пошло от лица Тобтаку-папа), что ишу место, где живут Семеро Смертоносных. Песчаного мыса Хозянин ответил:

— Об этом не время говорить. Сейчас, пока не приехали Троє Ян-тэтто, ты отправишься со мной. Тебя привел сюда сам Нум (дух Неба) и никуда ты не уйдешь.

Услыхав эти слова, подхватила я вожжу, хлестнула ею длинношерстого хабта по спине. Олени рванули с места, я запрыгнула на нарту. Песчаного мыса Хозянин, как ребенок, побежал за упряженкой, споткнулся и упал не четвереньки. Капюшон его малицы зацепился за крюк, привязанный к концу моей вожжи. Поехала я дальше, волоча по земле Песчаного мыса Хозяина.

Увидела впереди три белых мыса, на которых стоят три девять по девяти чумов. Перед ними на дороге—нарта, запряженная одним серым хабтом. На нарте сидит Сэр-сале Еру (Белого мыса Хозянин). Подъехала я к этой упряженке, остановилась и спросила:

— Кто ты? Ответь мне, сколько дней ехать до Семи Каменных мысов, где живут Семеро Смертоносных?

Белого мыса Хозянин, сидя на нартах, спокойно переспросил:

— Повтори, я твоих слов не расслышал.

Я повторила, добавив, что меня отправил младший брат моего мужа Сала Ян-тэтто. Белого мыса Хозянин ничего не ответил о Семи Каменных мысах, а сказал только:

— Нум тебя сюда привел. От меня ты не уйдешь

Услыхав его слова, ударила я вожжой длинношерстого хабта и заскочила в сорвавшуюся с места нарту. Дважды прыгнул за мной вслед Белого мыса Хозянин, хотел обогнать упряженку справа, но споткнулся и упал не четвереньки. Капюшон его малицы зацепился за крюк, прикрепленный к концу правого полоза нарты. Так и поволокла я по земле Белого мыса Хозяина.

Впереди вижу три мшистых мыса, на которых виднеются

чумы—три девять по девяти. Перед ними стоит упряжка, запряженная двумя оленями, шерсть которых похожа на мох. Рядом стоит Таным-сале Еру (Мшистого мыса Хозянин). Не доезжая до него, кричу:

— Скажи, где Семь Каменных мысов—земля Смертоносных?

Он в ответ:

— Не видать тебе земли Смертоносных. Оглянись, Песчаного мыса Хозянин и Белого мыса Хозянин уже мертвые, ты убила их. Но от меня не уйдешь, я давно тебя жду. Сам Нум привел тебя к моим ногам.

Я вожака длинношерстого вправо повернула и объехала Мшистого мыса Хозяина. Он думал, я слева от него проеду и туда подался. Затем несколько раз прыгнул в обратную сторону, но споткнулся и, зацепившись капюшоном малицы за крюк левого полоза нарты, потащился по земле.

По дороге я спустилась к морю. Еду прямо по воде. Под копытами двух «вывалившихся» вода замерзает. Выезжая на большую льдину, кладу трех покойников на нарту, еду дальше. Там волны высоки как стоящие люди. Но под копытами двух «вывалившихся» замерзает вода. Я бросаю трех покойников в море и говорю:

— Нарка Ид-еру (Большой Хозянин воды), прими жертву. Если я поеду назад из земли Смертоносных с невестой, пусть на поверхности моря будет спокойно.

Впереди показались семь больших мысов, выступающих над водой, как груди гусей. Это Семь Каменных мысов, где гибнут люди».

Центральная фигура этой части сюдбабц—Тобтаку-папа, от лица которой ведется рассказ. Она оказывается во всех отношениях на месте главного героя, хотя и не вполне способна совладать с железной семиместной нартой. В ней обнаруживается умение летать, свойственное обычно героям-мужчинам. Правда, летающие персонажи поднимаются вверх без видимых усилий (просто подняв впереди себя ноги), Тобтаку-папа отталкивается от земли (нарты) костяной колотушкой. Земное притяжение для нее ощущимо. Плотское существо Тобтаку-папа оттеняется и неуместным, на первый взгляд, фрагментом оправления нужды.

Героиня—женщина-плоть, случайно овладевшая атрибутами мужчины-духа (по представлениям ненцев, женщины неприлично и даже грешно садиться на мужскую нарту). Ее действия—видимость, реально же действуют образ и вещи Сала Ян-тэтто. Его имя неизменно поминает Тобтаку-папа при обращении с вопросами к встречным Хозяевам мысов, которые в конце концов расстаются с жизнью не по воле женщины, а в соперничестве с вожжой и нартой Сала Ян-

тэтто. Мшистого мыса Хозянин не случайно бросился ловить нарту влево (в сторону, которой должна облезжать мужчину женщину), тогда как олени понесли ее вправо (согласно статусу превосходства Сала Ян-тэтто). Каждый из Хозяев преверно считал женщину своей добычей, посланной к его ногам Нумом, но все поочередно упали на четвереньки перед «ногами» нарты, став (слившись с) землей, по которой она проезжала.

Нарта с сидящей в ней женщиной прошла весь земной мир: три урочища, состоявшие из трех мысов, на которых виднелось по три девять по девяти чумов. Число 9 (в русском переводе обычно «десять»; иенцы называют число 10 «луце ю»—русской девяткой) означает утроенную тройку. Три — символ уравновешенности, а в количественном измерении общества—показатель «классических» вариантов состава семьи: старик—старуха—младший сын, муж—жена—младенец, три брата. Три по три (девять)—знак стойбищного коллектива. Девять по девяти (чумов)—обозначение большой группы людей с устоявшимся жизненным укладом. Трижды девять по девяти (чумов) — весь окружающий человека социальный мир. Кроме того, в названиях мысов—Песчаного, Белого, Мшистого—содержатся признаки трех основных разновидностей мест, пригодных для поселения в тундре.

Объехав всю землю, нарта с сидящей в ней женщиной «вышла в море», застывающее под копытами «вывалившихся» (т. е. пересекших обычную природную грань, впряженных в необыкновенную нарту) оленей. Создается впечатление, что Тобтаку-папа делает лишние движения, перекладывая тела убитых на нарту для того, чтобы вскоре сбросить их в воду. Едва ли в этом было и «рациональное зерно»— поиск удобного способа перевозки покойников. Жертва Хозяину воды должна была приноситься нартой (с нарты).

Вода для иенцев—чужая, враждебная стихия, Ид-еу—наиболее могущественный дух природы. По преданиям, существовали прежде святилища, состоявшие из трех куч костей—оленя, медведя и человека. Людей, приносимых в жертву, душили так же, как теперь умерщвляют арканом оленей. В вада лахнако «Самлянг Яптик» повествуется о народе людоедов «нядыморта», у которых женщины по требованию хозяина сами бросались на нож, а гостю в качестве лакомого куска предлагался половой орган красивой жирной

девушки. На Гыдане старики припоминали даже пословицу: «Человека не повесишь—удачи не будет». На Оленьем острове, по слухам, сохранился череп одного из принесенных в мертвую манто (энцев), с которыми воевали пришедшие на Гыдан пецы родов Яптунаи и Яр. Духам жертвовались, как правило, тела убитых врагов.

Пройдя землю и воду, нарта оказывается у Семи Каменных (горных) мысов. Горы (в частности Уральские) называются в иенецких мифах разрушенной Лестницей в небо. Образ этой «Вавилонской башни» неизменно соотносится с семью слоями верхнего мира. В мир духов и попадает, наконец, герония.

«На Семи Каменных мысах стоят чумы—семь по семью семь. От воды я поднимаюсь по оврагу к самому крайнему чуму. Глянула по сторонам—всюду валяются человеческие кости, из земли торчат стрелы. Проехала я к чуму Нарка Ханглана (Старшего Смертоносного). Привязала вожжку к нарте. С правой стороны нарты достала ядость (сватовской посох), который сковал мой старший брат Парка Тобтаку (Парка-Копыто). Быстро пошла к чуму—место, куда должна встать, я перешагиваю. Вошла в чум. Там сидит Нарка Ханглана. Стальной настил чума блестит так, что глаза слепнут. Рядом с Нарка Ханглана лежит незнакомец, над головой которого на железном шесте висит железная кольчуга. От ее тяжести гнется железный шест. Еще дальше сидит, не поворачиваясь, девушка—дочь Ханглана—огромная, как мужчина. Я поставила ядость на ступню у костра напротив Нарка Ханглана и сказала:

— Мне долго стоять некогда. Сала Ян-тэтто прислал меня за твоей дочерью.

Нарка Ханглана опустил голову, долго молчал. Я повторила:

— Я приехала ненадолго, стоять тут не буду.
Нарка Ханглана поднял голову и ответил:

— Тобтаку-папа, я не могу отдать тебе дочь. Вот этот человек — Тенабтаду-ю (Железных кольчуг сын) уже три года как приехал сватать ее.

— Я тоже три года назад как выехала к тебе.

— У Ниоде Ханглана (Младшего Смертоносного) тоже есть дочь, сватай ее.

— Сала Ян-тэтто просил сосватать дочь Нарка Ханглана, он не захочет другую. Если не отдашь дочь, Сала Ян-тэтто сам до вас доберется.

Обращается Нарка Ханглана к Железных кольчуг сыну:

— Может быть, ты пойдешь свататься в крайний чум к Младшему Ханглана? Ты и я с одного берега моря, а она издалека приехала, и слова у нее такие страшные.

Нарка Ханглана уговаривал Железных кольчуг сына семь

дней. На седьмой день тот молча сел, протянул вверх руку, похожую на истрепанную морскими волнами и истертую об березу, снял с шеста кольчугу и молча стал ее надевать. У увидела его лицо—оно чернее, чем у Сала Ян-тэтто. Надев кольчугу, он безмолвно вылетел из чума через верхнее дымовое отверстие. Обратилась я к дочери Ханглана:

— Я давно приехала, но от тебя ни слова не услышала. Ты сидишь перед задним щестом и будто с ним разговариваешь. Если бы у шеста были уши, он устал бы слушать тебя. Скажи мне что-нибудь и свари поесть — я долго к вам добиралась и у вас уже семь дней.

Дочь Ханглана вскочила, кое-как разогрела котел. Все полели. Нарка Ханглана вышел из чума, приготовил для дочери аргиш в три вереницы. Я привязала вожжю упряжки дочери Ханглана к задним копыльям своей нарты. Отправился аргиш, спустился с Семи мысов к морю. Я заметила, что мои два «вывалившихся» падают на колени. Оглянулась, вижу — к невесте подсед на нарту Младший Ханглана. Слыши, он говорит ей:

— Девочка, запомни мои слова. Каким бы ни был Сала Ян-тэтто, будь с ним ласкова. Может быть, он не останется таким на всю жизнь. А не послушаешь меня, потеряешь всех нас семерых.

Глянула я на крайний чум Младшего Ханглана. Вышла из него дочь Ниоде Ханглана, красавая как светящееся солнце. Подумала я, что напрасно не послушала Старшего Ханглана и не посватала дочь младшего из братьев. Дальше едем, минали три Песчаных мыса. На той сопке, где я когда-то впервые остановила двух длинношерстых оленей, поставили свои три по девять чумов Ян-тэтто. Рядом со средним чумом оставлено пустое место. Не доезжая до стойбища, я крикнула:

— Где Сала Ян-тэтто? Я ему привезла невесту. Пусть идет распрягать упряжки!

Никто из чума не вышел. Я посмотрела на дочь Нарка Ханглана — она о чем-то задумалась».

Итак, земная женщина после трехлетнего путешествия въехала на Семь Горных мысов, где стоят семь по семью семь чумов, подчиненных семи братьям Ханглана, где даже уговаривать сватающегося жениха Тенабта-шю приходится семь дней. В ненецкой традиции число 7 означает духовную всеобщность. Выражение «семь небес» тождественно понятию «все небо». Семиглавыми считались самые могущественные шаманы выдугана (сэвонтана), способные обращаться ко всем духам, посещать все уголки возможного преображения душ. Семь личин вырезали на священных шестах «сымы», по которым шаманы отправлялись к духам (или на которые спускались призванные шаманами духи). Семикопыльной делали священную нарту, в которой хранили изо-

брания духов. На святилищах ряды духов (хэ) и их охранников (сядеев) выстраивались группами по семь.

В мире духов все предметы — металлические. Признаком сверхдуховности мифологического героя является обладание железными вещами — одеждой, оружием, упряжью, нартами, чумом. По представлениям ненцев, как и многих других народов, металлические предметы падали с небес. Они имели очистительные (от злых духов) свойства. Металлические изделия всегда несли сакральную нагрузку; монеты и по сей день — приношения, угодные духам, язык общения земного и небесного миров. С образом металлического неба соотносятся и представления о горах, где чаще всего находили металл, где с древности существовали металлургические центры.

Поэтому гость-жених не случайно носит имя Железных кольчуг сына. И живет он на «одном берегу» с Семью Каменными мысами, и выходит из чума в дымовое верхнее отверстие макуда си. В любом чуме, по представлениям ненцев, есть два верха (передний угол и дымовое отверстие) и два низа (вход и пол). Естественно, что для плотских существ дверью является обычный вход (низ), для духовных — макуда си.

Тобтаку-папа вошла в чум обычно и осталась незамеченою хозяевами. Нарка Ханглана опустил голову, его дочь не удостоила гостью даже словом, а котел вскипятила с видимой неохотой. По ненецкой этике молчание — признак высокого достоинства. «Недосыщать» и заставить повторно к себе обратиться мог человек, знающий о своем превосходстве. Тобтаку-папа и прежде вынуждена была повторять свои вопросы Хозяевам мысов. Тем более заметным (несмотря на ее «летящий» шаг к чумам) было ее несоответствие уровню обитателей Горных мысов.

Только упоминание ею имени Сала Ян-тэтто и внесение в чум взятого в правой (мужской) стороне нарты посоха, скованного ее братом, вынудило хозяина общаться с ней. Сватает при этом не Тобтаку-папа, а посох, невесту везет не сваха, а нарта, к копыльям которой привязан аргиш невесты. Все, что делает Тобтаку-папа, не соответствует духовной обстановке. Она ошибается в выборе невесты, оглядывается назад, отъезжая от Семи Горных мысов, нарушив тем самым паказ-договор о браке (по ненецким обычаям, до половины пути от чума невесты к чуму жениха нельзя было оглядыва-

ться, поскольку это расценивалось как недоверие одной из сторон по отношению к другой). В стойбище Ян-тэтто, где находятся три по девять чумов (и потому главный «неземной» герой по-прежнему выглядит чужим) Тобтаку-папа сталкивается с той же этикой превосходства: Сала Ян-тэтто не откликается на ее радостный зов.

(Слово у дочери Нарка Ханглана).

«Думаю я, каков же из себя Сала Ян-тэтто? Слыши, он поднимается на ноги, своим телом шесть чума раздвигает. От его шагов дрожит стальной пол чума. Появляется он в дверях. От вида его я вскрикнула: «Авыко-авынт (ой-ой)!» и подумала, что сын Железных кольчуг не так страшен был. У Сала Ян-тэтто подол, как собачьи хвосты, болтается. Тем временем подошла к нему Тобтаку-папа и принялась целовать. Я смотрю на них и представить не могу, как буду жить с таким страшным человеком. (Слово ушло от дочери Нарка Ханглана).

Дочь Ханглана поставила чум. Тобтаку-папа привела туда за руку Сала Ян-тэтто и сказала:

Вот твой чум, твоя постель, твоя жена. Поскольку голова моя еще держится, я нашла тебе жену.

Поцеловала она Сала Ян-тэтто и ушла в свой чум. Стали спать укладываться. «Огромная сирота» (дочь Ханглана) легла у входа на свой мешок. Так продолжается день за днем. Варить еду для Сала Ян-тэтто приходит утром и вечером Тобтаку-папа.

Прошло время. Начали Ян-тэтто каслать в обратную сторону. Минула зима, затем весна, лето. Как-то осенью под вечер зашла Тобтаку-папа в чум Сала Ян-тэтто, принялась разжигать костер. Вдруг затрещал огонь, и искры из него брызнули в разные стороны. Тобтаку-папа сказала об этом Старшему и Среднему Ян-тэтто, посоветовала им стеречь в предстоящую ночь оленей.

Улеглись все спать. В полночь раздался грохот и не смолкал до утра. Пришло войско врагов числом семь раз по семью-семь человек. Во главе его Песчаного мыса сын, Белого мыса сын, Миштского сыма сын, Железных кольчуг сын и шестеро Смертоносных. Вышли с ними биться два Ян-тэтто.

«Огромная сирота» в дверях чума прыгает—то внутрь заскочит, то наружу выскочит. Дверь чума отпахнула пошире—надеется, что шальная стрела попадет в спящего мужа. Начала она будить Сала Ян-тэтто:

— Еставай, там братья твои гибнут, а ты спишь!

Приподнял Сала Ян-тэтто голову и велел позвать к нему жену среднего брата Янгархы-папа. Пришла она. Сала Ян-тэтто говорит:

— Узнай, живы ли твои братья девять по девять Янгархы (Ослепительные). Среди них есть младший—Ныны Янгархы

(Сверкающий Лук). Он сможет одолеть врагов, а у меня сил нет.

Ушла Янгархы-папа. На седьмой день вернулась и плачет:

— Девять по девять Янгархы погибли три года назад и уже травой заросли.

Сала Ян-тэтто велел позвать к нему Тобтаку-папа и сказал ей:

— Узнай, живы ли твои братья девять по девять Тобтаку (Копыто-люди). Пусть Парка Тобтаку едет биться с врагами.

Отправилась Тобтаку-папа. Вернулась через семь дней и плачет:

— Три года прошло с тех пор, как погибли девять по девять Тобтаку. Уже тела их травой заросли.

«Огромная сирота» тем временем тормошит Сала Ян-тэтто:

— Твои братья в бою погибают, а ты спишь.

Сел Сала Ян-тэтто на постель. Жена тут же ему котел согрела. Он обмылся семью ковшами воды—только посередине щек белые пятна появились. Вытерся шелковыми платками, положенными в приданое дочери Нарка Ханглана. Сказал жене:

— Позови Тобтаку-папа, пусть оденет меня, я сам не умею.

Пришла Тобтаку-папа, начала его одевать и говорит:

— Скройся в каком-нибудь месте, где сможешь жить. Если ты погибнешь, я не смогу через куски твоего тела переступить.

Тобтаку-папа одела его полностью. Сала Ян-тэтто вылетел наружу через дымовое отверстие чума».

Выражение Тобтаку-папа «голова моя держится» воспринимается как ирония, поскольку благодаря этой «голове» герой обрел «жену» (ставшую «сиротой»), «постель» (на которой отсутствует тепло) и «чум» (в котором не кипит котел). «Огромная сирота» не связана с «мужем» ни телесной близостью, ни пищей, т. е. фактически женой не является. Она спит на своем мешке-сумке (единственной сугубо личной принадлежности женщины) у входа по ту (черную) сторону жилищного пространства. В чуме Сала Ян-тэтто по-прежнему горит огонь чужой женщины—его зажигает Тобтаку-папа.

«Голова держится»—выражение, прилагаемое обычно к мужчинам, поскольку верхняя душа-имя живет только в мужской голове. У женщин нет имен (за исключением прозвищ): Тобтаку-папа—«сестра Копыто-человека», Янгархы-папа—«сестра Сверкающего человека», Нарка Ханглана не-нюю—«дочь старшего из Смертоносных». Когда эта дочь оказалась ни при отце, ни при муже (не случайно она металась в начале боя у порога чума), ей досталось единственное возможное прозвище—«сирота». Женщина—тело, плоть, чиз, мужчина—голова, дух, верх. Они настолько же соответствуют друг другу, насколько перемена их местами аб-

сурдна. Оттого и натворила «голова» Тобтаку-папа массу нелепостей.

За грех и воздаяние: на стойбище Ян-тэтто в темную пору (осенью, в ночь) обрушивается тьма тьмущая врагов. Гром и семеричность строя свидетельствуют о небесном происхождении их вождей. Поскольку огонь, как и люди,начен плотью (древами) и духом (пламенем), явление враждебных духов вызывает в нем треск — разлад души с телом. Об опасности затрещал огонь и в чуме Сала Ян-тэтто. Тобтаку-папа «по-женски» расценила этот знак как угрозу для стада оленей, тогда как опасность грозила людям.

Сала Ян-тэтто и в этой обстановке сохраняет невозмутимость, предоставляя возможность братьям помериться силой с целым войском, а жен их рассылая на заведомо бесполезные поиски союзников. И в этом проявляется уже не раз отмеченная в сюдбабц этика превосходства. Наконец, безысходность заставляет героя духовно проснуться, обмывшись семью ковшами воды, на его щеках проступают светлые пятна, и он поднимается в небо — реальное поле битвы.

«Летит Сала Ян-тэтто. Видит, внизу бьются с врагами два его брата. На них борбовые ягушки (они вступили в бой прямо с постелей), от которых не оторвалась еще ни одна шерстинка. Летит дальше Сала Ян-тэтто. Перед ним три Песчаных мыса. Начал к ним спускаться, размышляя:

— Вот, наверное, спокойное место, где можно жить.

Откуда ни возьмись появляются два летящих человека и опережают Сала Ян-тэтто. У одного на плечах девять по десяти стрел, наконечники которых напоминают копыта оленей. Это — Парка Тобтаку. У другого девять до девяти сверкающих стрел. Это — Ныны Янгархи (Сверкающий Лук). Три Песчаных мыса упали в море как только подлетели к ним Парка Тобтаку и Ныны Янгархи. Вздрогнул Сала Ян-тэтто и говорит:

— Я думал, что живое место нашел, а здесь земля смерти.

Не коснувшись земли, вновь взлетел в небо. Увидел Три Белых мыса. Начал к ним спускаться, но его опять опередили два летящих человека, и три Белых мыса вместе со стоящими на них чумами упали в море. Снова вздрогнул Ян-тэтто, подумав:

— Мне казалось, здесь хорошее место, а это тоже гибельная земля.

Не касаясь земли, поднялся Сала Ян-тэтто в небо. Увидел три Мшистых мыса. Снова начал он спускаться, и опять обогнали его Парка Тобтаку и Ныны Янгархи. Упали три мыса в море, и вздрогнул Сала Ян-тэтто от прежней мысли.

Поднялся он вверх и увидел впереди Тенабтаду-сале (Мыс Железных кольчуг). И его опрокинули в море Парка Тобтаку и Ныны Янгархи. Полетел Ян-тэтто дальше и оказался перед

Семью Каменными мысами. Опустился он на землю, а вместе с ним и оба его спутника. Говорят Сала Ян-тэтто:

— Друзья, это — Семь Смертоносных мысов, вот где надо показать силу.

Услыхав его слова, Парка Тобтаку пришел в неистовство. Выхватил лук, девять стрел выпустил в небо, девять — в землю, а две — между небом и землей. Тут же один Каменный мыс упал в море. Достал Сала Ян-тэтто из-за шиворота свой лук, выстрелил девятью стрелами в небо, девятью — в землю, а двумя с наконечниками наподобие рыбьего хвоста — между небом и землей. Шесть оставшихся Каменных мысов упали в море. Остался на месте только чум Младшего Ханглана. Сам Ниуде Ханглана сидит за своим чумом на нарте, играет ногами. Подходит дочь Ниуде Ханглана к Сала Ян-тэтто и говорит:

— Отец просит, чтобы вы нас не убивали, нам дела нет до этой войны. А меня, дочь свою, он отдает тебе в жены.

— Того, кто к ногам клонится, не обижают, — ответил Сала Ян-тэтто.

Три воина поднялись в небо и полетели на место сражения, опустились рядом с воюющими. Сала Ян-тэтто сказал своим спутникам:

— Двух стариков моих я заберу отсюда. Вы будете биться три года. А я устал и хочу спать.

Взяв двух братьев, у которых даже одежда уцелела, Сала Ян-тэтто взлетел в небо и опустился на своем стойбище. Видит, его старая жена что-то недовольно шепчет. Он вошел в свой чум и говорит ей:

— Я ни разу в жизни сам не раздевался. Сними же с меня пояс.

Она сняла пояс, и на железный пол со звоном упали шесть дочерей шести Ханглана. Сала Ян-тэтто обратился к дочери Младшего Ханглана:

— Постели мне на пустой стороне чума. Это та сторона, где я должен жить с женой.

Дочь Младшего Ханглана сделала постель. Сала Ян-тэтто перешел на ту же сторону, разделся, лег и уснул. Через три года он проснулся, приподняв голову над ягушкой. Старая жена увидела его лицо и подумала:

— Какой он красивый, глаза узкие — будто спят. Как жаль, что я Ниуде Ханглана не послушала.

Сала Ян-тэтто велел новой своей жене (дочери младшего Ханглана) разогреть котел. Та сварила пищу. Сала Ян-тэтто поел. Отправил он жену за Тобтаку-папа, чтобы та помогла ему одеться. Тобтаку-папа надела на него старую оборванную малицу, к капюшону которой была пришита маска. Снова Сала Ян-тэтто сделался страшным.

Поднялся он через дымовое отверстие в небо и полетел на место битвы. Там два его спутника уже всех убили, кроме шести Ханглана, Песчаного мыса сына, Белого мыса сына, Мшистого мыса сына и Железных кольчуг сына. И те, увидев Сала Ян-тэтто, побежали. Бегут-летят враги к своим стойбищам,

а они давно в море упали. Увидев, что и Семи Каменных мысов нет, Нарка Ханглана сказал Сала Ян-тэтто:

— Тебе придется и дальше гнаться за нами, У нас еще есть неприступные места, где ты сможешь показать силу.

Сражавшиеся перелетели море. Видит Сала Ян-тэтто на берегу железную ограду, верх которой прибит к небу. За оградой—семь опоясанных свинцом мысов. Обратился Сала Ян-тэтто к Парка Тобтаку:

— Ты сумел Каменные мысы разбить стрелами. А сумеешь ли разбить свинцовые?

Пришел в неистовство Парка Тобтаку. Выпустил девять по девяти своих стрел с наконечниками наподобие копыта в небо, девять по девяти—в землю, две—в железную ограду. Полетели искры, и семь свинцовых мысов с оградой рухнули в море.

Старший Ханглана говорит Сала Ян-тэтто:

— Ну что ж, иди дальше за нами, есть у нас еще одно место.

Враги поднялись и полетели дальше. Впереди показалась гора, в которую опустились Нарка Ханглана и его спутники. Сала Ян-тэтто достал из-за ширворота свой короткий лук (моналитно-серебряный) и начал пускать стрелы. Стрелял он три года. Перестав стрелять, он нашел своих друзей, спрятавшихся за его спиной. От горы и семи по семью семь чумов, которые она скрывала, остался только один срезанный сверху наполовину железный чум. Из него вышла девушка и сказала Сала Ян-тэтто:

— Мой брат Еси Мяду-ню (Железных чумов сын) просит тебя не стрелять в нашу сторону. Он перед тобой не виноват.

Несколько раз девушка повторяет просьбу, прежде чем Сала Ян-тэтто ответил:

— Тех, кто кланяется, не убивают.

Вошел он в чум. В передней его части на железных нарах сидит Еси Мяды-ню, недалеко от него—Нарка Ханглана и Железных кольчуг сын. Сала Ян-тэтто говорит хозяину:

— Вставай! Когда я воюю, ни к чьим мольбам не прислушиваюсь.

— С нашей стороны и без того много народу погибло, а с твоей—все живы. Давай на этом закончим войну.

Сала Ян-тэтто взял за волосы Железных кольчуг сына и улетел. Вернулся Сала Ян-тэтто к своим чумам. Железных кольчуг сыну и первой своей жене отрубил уши и колени, заставил их три года воду таскать. За три года у них снова отросли уши и колени, и Сала Ян-тэтто отоспал их прочь. Себе взял в жены дочь Младшего Ханглана и двух дочерей Железных чумов. Остальных женщин отдал своим друзьям. А друзей своих разоспал в разные стороны, чтобы они стали богами (хэ) для людей».

Последнее завещание Тобтаку-папа—найти безопасное убежище—продолжало еще довлесть над Сала Ян-тэтто, ко-

гда он улетал от места сражения. Однако подоспевшие Парка Тобтаку и Нины Янгархи, которых не смогли найти на земле их сестры, разрушают с неба одну уютную твердыню за другой. Трижды вздрогнул Сала Ян-тэтто, пока, наконец, не отрешился от «плотских» чар своей прежней наставницы и не усвоил «духовых» уроков новых учителей. Падают в море один за другим трижды три мыса—земной круг замкнулся. Но герой выходит за его пределы—поднимается вверх, где начинаются горно-железно-небесные сферы. Сбрасывается в море Железных кольчуг мыс. И лишь на пятой ступени неба—семи Каменных мысах—Сала Ян-тэтто касается «земли»: преодолено пространство, дотоле известное ему. Окончательное покорение этого мира символизируется выстрелами вверх и вниз девятью стрелами, в цель—две. Девять стрел («круглый» нечет)—знак заключения договора, две (предельно сжатый чет)—признак агрессии. Условие подчинения (поклона) завоеванного пространства—приобретение самим героем действительной жены.

Трехлетний отъезд Сала Ян-тэтто—жизнь-сон на своей постели, в своем чуме, со своей женой. Очередной сон необходим для духовного (как прежде физического) роста. Ненцы, как и многие другие, убеждены, что во сне человекрастет не только физически (за счет покоя), но и духовно (за счет снов-фантазий). Накопив внутренних сил, герой вновь надевает (руками женщины) лик войны и продолжает восхождение. Бегут остатки врагов, рушатся железная ограда и семь свинцовых мысов, заслонявшие вход в шестую сферу неба. Наконец, Сала Ян-тэтто на вершине небесной лестницы. От Каменной горы остается один железный чум со снесенной макуда си («головой»). Этой головой отныне является Сала Ян-тэтто—Хозяин Неба и Земли. Жен у него становится три—жизненный круг очерчен, богоборческие деяния окончены. Теперь Сала Ян-тэтто сам превратился в бога.

Многое недосказано в сюдбабц, тем более многое недоговорено о сюдбабц. Путь Сала Ян-тэтто—судьба каждого шамана, заново открывающего мир. Каждый шаман рождался трижды (телесно, социально, духовно), проделывая путь от рождения до воплощения. И каждый свергал небесных иерархов, устанавливая собственную духовную власть (над собой и окружающими людьми). Оттого так много легенд у ненцев, так неспокойно на небесах.

И. В. Белич, В. Б. Богомолов

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ РИТУАЛ КУРДАКСКО-САРГАТСКИХ ТАТАР

В последние годы наметился устойчивый интерес исследователей к изучению погребального ритуала тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины. Появились как отдельные публикации, содержащие сведения погребальной обрядности барабинских, томских и отчасти тоболо-иртышских татар,¹ так и исследования обобщающего характера.² Вместе с тем, следует признать неравномерность в изучении этой сферы традиционной культуры сибирских татар. Пожалуй, наиболее системно разработана погребальная обрядность тюрок Томского Приобья,³ однако как в дореволюционной, так и в советской литературе почти полностью обойден вниманием исследователей погребальный ритуал курдакско-саргатских татар, выделенных в качестве самостоятельной территориально-этнической группы тоболо-иртышских татар.⁴ Исключением является сообщение о надмогильных сооружениях этой группы татар, опубликованное одним из авторов настоящей статьи совместно с Н. А. Томиловым.⁵

Учитывая важность введения в научный оборот новых материалов по погребальному ритуалу коренных тюрков Среднего Прииртышья, публикацией данной работы мы стремились восполнить имеющийся дефицит этнографической информации по этому вопросу. В статье рассматривается преимущественно обрядовая практика курдакско-саргатских татар. Поскольку весь комплекс представления о душе, смерти, «ионом мире» требует специального изучения, мы ограничились рассмотрением лишь некоторых из них, позволяющих, на наш взгляд, проследить «стратиграфию» доисламских погребальных традиций. Для лучшей передачи их смысла слова информаторов цитируются.

За основу статьи взят позднеисторический материал, собранный в 1976—1986 гг., характеризующий прежде всего современное состояние погребального ритуала курдакско-саргатских татар.⁶ Учитывая глубину активной памяти стариков, основанной на личном опыте, и сведения, полученные ими от родителей, можно с определенной долей условности реконструировать ритуал на конец XIX—начало XX вв. Это-

му способствует и то, что погребальный ритуал, в силу своей религиозно-магической основы, довольно консервативен.⁷ Следовательно, верхней границей нашего исследования является первая половина 80-х годов, а нижней—конец XIX—начало XX вв.

Погребальный ритуал сибирских татар состоял из нескольких чередующихся обрядовых циклов или комплексов. Н. А. Томиловым было принято деление его на три комплекса: 1) нахождение покойника в доме, 2) захоронение, 3) поминки.⁸ Более удачное деление ритуала, на наш взгляд, предложено Л. С. Христолюбовой на удмуртском и Ю. Ю. Сурхаско на карельском материалах. К первой группе отнесены обрядовые действия, связанные с фактом смерти и подготовкой покойного к захоронению, ко второй — непосредственное погребение, к третьей — поминальные обряды.⁹ В систематизации материала по погребальному ритуалу курдакско-саргатских татар мы сочли оправданным придерживаться данной схемы.

К смерти готовились, как правило, пожилые люди. С этой целью ими откладывались деньги, приобреталась светлая ткань (в среднем 15 м) для изготовления погребальной одежды, три полотенца. Женщины готовили белый головной платок. Кроме того, покупалась катушка ниток, несколько иголок и кусок мыла. Из принадлежностей мусульманского культа многие верующие брали у муллы необходимую в таких случаях рукописную молитву, служившую символом веры («иман»). Весь этот погребальный комплект вешали увязывался в кусок светлой ткани или платок, причем так, чтобы сверху его находился листок с молитвой, использовавшийся в качестве оберега от «злых духов» — шайтанов (собирательное), и хранился в укромном сакрально-«чистом» месте (обычно в сундуке).

Верным признаком приближающейся смерти человека в верованиях курдакско-саргатских татар считалось появление за 2—3 дня до этого трагического события духа или призрака умирающего—«аврак» (от арабск.-персидск. «рух»—дух, душа, призрак). Аврак появлялся будто бы в тех местах, где при жизни бывал его «владелец», словно прощаюсь с ними. Увидеть этот дух мог не каждый, а только человек, наделенный окружающими способностью видеть духов — «куремче», который сообщал об этом в селении.

Односельчане, особенно в небольших юртах, обычно были хорошо осведомлены о случившемся, что требовало от них определенных норм поведения в отношении к умирающему. По данным Ф. Т. Валеева, относящимся к тоболо-иртышским татарам, «стремлением умилостивить эрваха следует объяснить обычай татар не закрывать на запор (ключок) двери сеней, если в деревне кто-нибудь был тяжело болен и в ближайшее время ожидалась его смерть. Это давало возможность эрваху умирающего войти в дома, чтобы попрощаться с жителями деревни».¹⁰ Этот обычай отнесен нами и у курдакско-саргатских татар, хотя в нем следует выделить и дуалистичность в представлении о душе человека. Это нашло отражение в верованиях, в которых считалось, что перед смертью человека дома родственников и другие места посещает не только его дух (аврак), но и душа умирающего—«chan», «йен» (от арабск.-персидск. «джан»), которая на время оставляет тело.

Ожидание кончины кого-либо из членов семьи родными и близкими переносилось внешне незаметно, но с определенной психологической напряженностью. Об этом старались не говорить вслух. Человека, находящегося при смерти, одного не оставляли, следили за его состоянием. При нем не полагалось ссориться и браниться. Таким образом выражались забота о душе умирающего, «чтобы она уходила довольной», а также стремление избавиться от гнева с его стороны. Этими же представлениями объясняется и обычай курдакских татар, согласно которому умирающего во время агонии следовало напоить водой, в противном случае считалось, что «его шайтан напоит или в тело вселится», «...тогда покойник не уйдет и будет беспокоить».

При смерти человека начинался комплекс обрядов, связанных с подготовкой к похоронам. В доме покойного собирались его родные и близкие, приглашались мулла¹¹ и несколько пожилых, уважаемых жителей, которые являлись хранителями традиций и решали вопросы по организации похорон и, при участии муллы, руководили ими.

Тело покойного выпрямляли и укладывали на спину. Если глаза оставались открытыми, их сразу же закрывал кто-то из близких, но старший из членов семьи. По поверьям, открытые глаза покойного могли причинить вред живым людям («можно испугаться, тогда всю жизнь будешь болеть»).

Сверху тело покрывали тонким одеялом или простыней. Кроме того, у саргатских татар лицо умершего закрывалось специальной повязкой, которую снимали при погребении.

Распространенными последующими действиями в отношении к покойному были чтение муллой заупокойной молитвы, после чего тело укладывали на пол посреди комнаты на разостланное одеяло или простынь в вытянутом положении на спине, руки располагались вдоль туловища. Рядом с телом или на него клади металлические предметы (нож, ножницы), иногда книгу религиозного содержания. По поверьям, эти предметы «охраняли» умершего, «чтобы в нем не завелись черти или шайтан не украл».

Ориентация в положении умершего в различных подгруппах курдакско-саргатских татар варьировалась. У саргатских татар клади головой на юг или по течению Иртыша. У узбекских татар тело укладывали также головой на юг, но преобладало положение головой на север. Среди курдакских татар обычным было положение покойного головой в сторону киблы—«кибеля яккат» (т. е. юго-запад). В том случае, если человек умирал не дома, его вносили в дом головой вперед и укладывали на пол ногами на север, головой на юг.

Долго умершего в доме не держали. Как правило, старались похоронить в день смерти или на следующий, в зависимости от того, в какое время суток человек скончался. Если это произошло в первой половине дня, то хоронили в тот же день до наступления вечера, а если во второй, то похороны переносились на следующий день. В этом случае следовало произвести похороны до двух часов дня. Считалось, что покойник «торопится к себе в дом». В исключительных случаях, когда ждали приезда родственников издалека, похороны могли отсрочить еще на сутки, но в целом период от смерти до похорон не должен был превышать 3 дней. Для курдакских татар характерны не столь строгие правила, и ожидание родственников в течение 3 дней было довольно частым. В настоящее время, в связи с возможностями коммуникаций, наблюдается тенденция к увеличению «периода ожидания» родственников умершего, поэтому похороны часто устанавливают на 2—3 день после смерти человека.

Во время нахождения покойного в доме происходило прощание родственников, а также жителей села с умер-

шим. Каждый из пришедших выражал соболезнование родным и близким, подходил к покойному и прощался с ним. При этом, приподнималась ткань над его головой. У саргатских татар момент прощания сопровождался приподниманием покрывала и над ногами покойного. Напомним, что в этой подгруппе татар лицо умершего закрывалось специальной повязкой, во время прощания она не снималась.

Плакать и причитать по покойному на всех этапах погребального ритуала не позволялось, хотя, как показывают полевые материалы, это не всегда соблюдалось. Считалось, что «если близкие не плачут, то их осуждают». У саргатских татар существовали особые запреты лишь в отношении вдовы. Объяснение запрета связано с поверью, что «если жена уронит слезы, муж-покойник будет находиться на том свете в воде, поэтому ее даже привязывали, чтобы она не подходила к мужу». Нельзя было навещать покойного беременным, т. к. это могло будто бы привести к преждевременным родам. Не рекомендовалось к умершему допускать и женщин в период месячных, а также грудных детей.

Потенциальная опасность покойника объясняется существованием в народных верованиях представлений о возможности вселения в него «злых духов»—шайтанов. Поэтому умершего не оставляли одного в доме и, как правило, при покойном находился кто-нибудь из родных, обычно старшего возраста. Причем с умершим мужчиной должен был находиться мужчина, а с умершей женщиной—женщина. Мулла присутствовал в этот период не постоянно, особенно если похороны намечались на второй или третий день. Довольно часто после совершения молитвы над скончавшимся человеком его кормили и давали небольшую сумму денег. В дальнейших обрядовых действиях, вплоть до выноса тела, мулла участия не принимал. У утузских татар был распространен обычай приглашать для чтения молитв трех старух, которые находились возле покойного постоянно.

Особое значение придавалось ночным бдениям, счи-
тавшимся наиболее «опасным» временем. Помещение, где находился покойный, в это время суток, как впрочем и днем, освещалось имеющимися средствами и периодически окуривалось можжевельником («артыш агац»). В верованиях курдакско-саргатских татар эти обычаи имели апотропическую направленность. У курдакских татар все родственники покойного уходили ночевать к соседям, с ним оставались си-

деть старики и старухи, знающие молитвы.

Правила поведения родственников и односельчан в период нахождения покойного в доме регулировались системой запретов, выражавших отношение к умершему. У саргатских и утузских татар бытовало суеверие, что «если говорить о покойнике плохо, то может убить молнией». Напротив, считалось необходимым вспомнить хорошие дела, совершенные человеком при жизни. В курдакской подгруппе, когда покойник лежал в доме, запрещалось смотреть в зеркала и расчесывать волосы. В верованиях этот обычай объяснялся тем, что «душа умершего может запутаться в волосах и остаться на свободе». Видимо, с этими представлениями следует связывать и обычай татар покрывать голову, особенно женщинам, в присутствии покойного.

Если с момента смерти человека в тот же день происходили похороны, односельчане не работали. Многие из них принимали участие в организации похорон. Общепринятым было то, что родные покойного также не занимались хозяйственными делами, часто включая даже приготовление пищи, и не всегда участвовали в погребальных приготовлениях. Им запрещалось мыть посуду и пол, стирать, ходить за водой. Из дома, где находился умерший, выносились пищевые продукты и вода, нельзя было готовить пищу. Родственники покойного в это время ели у соседей.

Обмывали умершего в день похорон незадолго до выноса тела. В помещении оставались только мойщики. У утузских татар здесь присутствовал и мулла, который во время выполнения обряда читал молитвы. Остальным участникам похорон видеть покойника запрещалось. В обряде обмывания участвовало 5 чел. Это были односельчане покойного, но не из числа его родственников. Если умерший был мужчина, то приглашали обмывать стариков, а если это была женщина, обмывали тело старухи. Кроме того, имеются сведения, что для выполнения этого обряда, независимо от половой принадлежности покойного, приглашали опытных старух-мойщиц, к которым обычно обращались в таких случаях.

При обмывании одежда и украшения с покойного снимались. Среди курдакско-саргатских татар бытовал следующий способ снятия одежды. Она либо разрывалась (саргатские татары), либо разрезалась ножом (курдакские и утузские татары) от горла до паха умершего. Так делалось и в том случае, если в этом не было необходимости, т. е. что-

бы раздеть покойного, достаточно было расстегнуть пуговицы. Объяснение информаторами этого обычая как более удобного способа снятия одежды с окоченевшего тела определяется, на наш взгляд, его поздней «рациональной» трактовкой. Возможно, здесь имеют место какие-то архаичные представления, ныне утраченные. На это указывает запрет снимать одежду с умершего через голову, существовавший среди курдакских татар. Снятая с умершего одежда сжигалась во дворе.

Наиболее распространенным среди курдакско-саргатских татар являлось обмывание умершего на специально предназначенном для этих целей помосте. Его изготавливали из нескольких еловых досок, подогнанных по размерам тела умершего. Чаще всего использовались 2—3 доски. Причем, у курдакских татар они были не пиленные, а вырубленные из целого соснового бревна. Между собой доски в трех местах скреплялись мочалом; использовать для этих целей гвозди запрещалось. В центре помоста делалось треугольное или ромбическое отверстие для стока воды. При обмывании помост устанавливали на деревянных чурках или табуретах, а под низ ставили таз, в который стекала использованная вода. Иногда его клади на корыто. После обмывания у саргатских и курдакских татар помост выбрасывали в Иртыш, или оставляли на берегу реки. По поверьям саргатских татар, этот помост «никто не берет, потому как боятся, что будет являться покойнику». Утузские татары помост уносили на кладбище, где он оставался до следующих похорон.

У саргатских татар зафиксирован и иной способ омовения покойника в специально выдолбленной из сосны колоде «сосколэ-такта» («сосколэ»—черпать, «такта»—доска). Она также после обмывания выбрасывалась в Иртыш. Отметим, что у курдакских татар доски, на которых обмывали покойника, также назывались «сосколэ-такта». Вероятно, у них, как и у саргатских татар, прежде существовал обычай обмывания умершего в деревянной колоде.

Следует отметить, что среди материалов по саргатским татарам имеются и другие сведения относительно дальнейших действий с обмываемальной доской. Информаторы сообщали, что ее использовали в погребальном ритуале и в дальнейшем. На ней несли покойника к месту захоронения, где и оставляли рядом с могилой. У утузских и саргатских татар отмечен еще один способ омовения умершего — на

полу. В этом случае под тело подстилали kleenку или простынь.

Воду для омовения во всех трех локальных подгруппах курдакско-саргатских татар брали из Иртыша. С этим обычаем были связаны некоторые действия магического характера. Воду для этих целей полагалось брать ранним утром, еще до того, как кто-нибудь из односельчан сделал бы это для своих хозяйственных нужд, и «чтобы никто не видел». Нести ведра следовало незаметно, избегая по дороге случайной встречи с кем-нибудь из односельчан. Запрещалось носить воду женщинам в период месячных. Ведра, в которых приносили воду, покрывали куском светлой ткани или платком. Платки потом отдавались тем, кто носил воду. Принесенную воду в холодное время года подогревали до комнатной температуры. Саргатские татары в нее добавляли одеколон, как считалось, «для запаха». В то же время добавлять духи не рекомендовалось, т. к. по поверьям, «они будут жечь кожу покойнику».

Во время обмывания, покойного укладывали головой на юг или на юго-запад (в сторону киблы); у утузских татар, кроме того, отмечена ориентация умершего головой к двери дома. Функции мойщиков разделялись следующим образом: один из них готовил и подносил воду, другой выливал ее из чайника (у утузских татар—из ритуального кумгана, который хранился у муллы), трое остальных становились с обеих сторон покойника и омывали тело. У курдакских татар было принято мыть труп только левой рукой. Покойного мыли с мылом 2—3 раза, меняя при этом воду. На руки мойщики надевали специально сшитые из белой ткани рукавицы-мешочки («тушмак», «эцмек», «копчек»). Причем, в процессе обмывания использовались три рукавицы, которые поочередно сменялись. После омовения умершей женщины ей расчесывали волосы и укладывали на грудь.

Использованную в обряде воду вместе с рукавицами выливали в яму подальше от деревни, где меньше всего ходили люди и скот, т. к. они считались нечистыми. В то же время, вода, которая предназначалась для омовения покойного, но не была использована, наделялась лечебно-магическими свойствами. По поверьям саргатских татар, этой водой следовало умыться «всем плачущим по умершему». Считалось, что зрение «будет лучше и человек не будет слепнуть».

После окончания обряда обмывания его участники полу-

чали подарки — плату от близких умершего: небольшую сумму денег, примерно 3—5 руб. У утусских татар старухи-майщицы получали по отрезу недорогой ткани на платье длиной 5 м.

Обряжали покойного в погребальную одежду сразу же после обмывания, дав телу немного обсохнуть. Для этого умершего укладывали на пол, на разостланную белую ткань, головой «по движению солнца» или на восток (саргатские татары), головой к двери дома (утуские татары) или на юг, в сторону киблы (курдакские татары). Погребальную одежду — саван («кэфэн», «кабеннэк», «тонлык») кроили и шили обычно пожилые женщины во время или после обмывания тела. Выполнять эту работу могли и родственники умершего. Саван полагалось шить из нового светлого материала. Нитки и иголки брали также ни разу не использованные. Их затем отдавали тем, кто шил саван. При кройке савана пользоваться ножницами не полагалось, следовало разрывать материал руками. Шитье выполнялось особым способом — обязательно вперед, а не назад иглой.

В разных локальных подгруппах, а нередко и в одной и той же подгруппе курдакско-саргатских татар составные элементы и покрой погребальной одежды были неодинаковы. Имеющийся материал позволяет выделить 4 типа савана, распространенных среди курдакско-саргатских татар. Первый тип представлял собой простое заворачивание покойника в белую материю без дополнительных элементов одежды, т. е. собственно саван. Полоса ткани должна была полностью закрывать труп. Если материал был узким, то его сшивали. В прошлом это, видимо, было распространенным явлением, т. к. домотканная материя всегда имеет небольшую ширину. Умершего заворачивают несколько раз, в зависимости от пола: мужчину 2 раза, а женщину 3 раза (курдакские татары) или соответственно 3,5 раза и 7, 9 раз (саргатские татары). Имеются также сведения, что покойного заворачивали в ткань 3 (курдакские, саргатские татары) или 4 раза (саргатские татары), независимо от пола умершего. По поверьям саргатских татар, «покойник должен лежать под семислойной материей, если будет меньше, то он вылезет». Завернутый труп перевязывали в двух-трех местах матерчатыми лентами. Две ленты туго стягивали саван на концах, а третья располагалась посередине. Этот тип савана был распространен во всех подгруппах курдакско-саргатских татар.

Второй тип савана, отмеченный у курдакских и саргатских татар, представлял собой мешок, сшитый «в наметку» из белого материала. В такой саван помещали обнаженное тело ногами вперед. Над головой мешок связывался тесьмой. Третий тип савана состоял из двух частей: собственно савана и дополнительных элементов одежды. Причем в этом типе также имелись локальные варианты. Так, у утусских татар на тело надевались поочередно две рубахи туникообразного покрова. Первая из них доходила покойному до пояса, вторая до колен. Затем надевался саван в виде мешка и перевязывался в 2—3 местах матерчатыми лентами.

У курдакских татар зафиксировано наличие ряда своеобразных элементов погребальной одежды. Покойнику покрывали пах куском ткани («эдеплек»), а затем надевали цилиндрическую рубаху туникообразного покрова («куйлек», «очмак»). Голову умершего мужчины покрывали куском ткани («тастар»), а женщине повязывали платок («яулык»). После чего тело трижды заворачивали в саван и в трех местах перевязывали тесемками («поух»).

У утусских татар был известен и несколько иной комплекс погребальной одежды, встречавшийся только при обряжении женщин, в который саван не входил. Нами он выделен в четвертый тип. Он состоял из нагрудника и трех платьев, надетых поочередно одно на другое. Сначала надевался нагрудник, затем первое платье, прямое по покрою, с короткими рукавами, длиной до колена умершей. Второе платье, аналогичное первому, но без рукавов, доходило до ступней. Третье платье, как и предыдущее по покрою, закрывало ноги. На голову покойной повязывался платок таким образом, чтобы закрывал глаза.

После обряжения покойника в саван его лицо уже никому не показывали. Одетого покойника помещали в комнате на пол, ногами к двери.

Следует особо отметить, что с саваном у курдакско-саргатских татар был связан ряд религиозно-магических представлений. Например, курдакские татары считали, что «чем быстрее одежда на покойнике сгниет, тем легче ему будет на том свете...». Материю, оставшуюся от шитья савана для умершего старого человека, разрезали на тонкие ленты, которыми близкие умершего повязывали запястье левой руки. Делалось

это с целью обеспечить себе долгую жизнь. Такую повязку строго запрещалось снимать, ее носили до тех пор, пока сана не отпадала.

В эпоху средневековья, а возможно и позднее у сибирских татар бытовали различные способы захоронения. У них имелись грунтовые могилы, наземные погребения типа кургана, подземные склепы, воздушные захоронения и др.¹² К сожалению, отсутствие археологических и письменных источников не позволяет нам установить ранние типы погребения у курдакско-саргатских татар. Лишь в фольклорных материалах обнаруживаются упоминания о существовании курганных насыпей над местом захоронения.¹³

В конце XIX—начале XX вв. преобладали грунтовые могилы с насыпным холмиком и бревенчатым надмогильным сооружением. Могилу («кэбэр») копали, как правило, в день похорон. Это погребальное приготовление производилось параллельно обмыванию и обряжению покойного или несколько раньше (в зимнее время). Могилу копали родственники умершего. У саргатских и утусских татар это были 4—6 молодых мужчин, действиями которых руководил кто-либо из пожилых родственников. У курдакских татар, кроме близких покойного, в приготовлении могилы принимали участие те мужчины аула, которые были в это время не заняты другими делами, поэтому на кладбище в данном случае собиралось по несколько десятков человек.

В конструкции погребальной камеры во всех этнолокальных подразделениях курдакско-саргатских татар наблюдается значительное единство. Могила представляла собой погребальную яму подпрямоугольной формы, вырытую по длине тела покойного, шириной немного более метра. Глубина могилы у курдакских и саргатских татар была различной в зависимости от пола умершего. Для умершего мужчины она составляла в среднем 120 см, для женщин — 150 см. Данную погребальную традицию информаторы объясняли большей греховностью женщины по сравнению с мужчиной или тем, что у «женщины волосы длиннее». Среди утусских татар эти нормы не соблюдались. Здесь глубина могилы колебалась в интервале от 150 до 200 см и была одинаковой для мужчин и женщин.

Вдоль всей длины одной из продольных стенок могильной ямы на уровне дна делался подбой («ляхат»), который представлял собой подпрямоугольную или подтреугольную в сечении нишу шириной и высотой примерно 50 см. Обычно погребальная камера курдакско-саргатских татар имела земляные стенки без дополнительных деревянных или иных конструкций. Вместе с тем, у утусских татар дно могилы устипалось соломой, нередко на нее затем накладывали доски. Имеются также сведения, что вся могильная яма обшивалась бревнами «без сучков, но с корой». Столъ же сложным могло быть устройство погребальной камеры саргатских татар, у которых обшивались досками ниша или же вся могильная яма. Элементы деревянных конструкций встречались и в могилах курдакских татар. Здесь на дно ниши клали два обтесанных бревна или застилали дно могильной ямы досками. Курдакские татары полагали, что у покойного в могиле должно быть достаточно места для того, «чтобы он мог там сидя молиться и пить чай».

В то время, когда рыли могилу, изготавлялся гроб, конструкция которого во всех подгруппах курдакско-саргатских татар была одинаковой. Гроб («табут такта») представлял собой деревянный ящик вытянутой прямоугольной формы с невысокими бортами и без крышки. Дно его делалось из двух или трех, а борта из четырех досок с кососрезанными концами. Доски связывали между собой веревкой или мочалом. Пользоваться гвоздями, как и при изготовлении обмываемого помоста, запрещалось.

После того, как могила была готова, совершался комплекс обрядовых действий, связанных с выносом тела. Покойного укладывали в табут такта головой на восток (саргатские татары) или головой к двери (утусские татары), или ногами к выходу (курдакские татары). Данная ориентация покойного преобладала, но кроме того, во всех подгруппах существовало положение умершего головой к киبلе.

Перед выносом покойного осуществлялся в торой цикл прощания родственников и односельчан, который сводился к коллективному оплакиванию умершего без причитаний.

Для служения мусульманской панихиды — джиназа (сиб. татарск. «жиназа») у саргатских и курдакских татар в дом

к покойнику приглашался мулла. У утузских татар джиназа выполнялась четырьмя муллами или одним муллой и тремя знающими Коран стариками. Во время обряда они садились с четырех сторон умершего и читали молитвы, присутствующие при этом участники похорон, стоя, окружали умершего. Обычно обряд совершился в доме, но при наличии большого числа людей его могли проводить во дворе после выноса покойного.

Вынос тела совершался сразу после служения панихиды. Табут такта устанавливали на носилки, которые представляли собой две длинные жерди, расположенные параллельно друг другу, и две поперечные короткие жерди. Утузские и курдакские татары на место, где лежал труп, клади нож. У саргатских татар в момент выноса или незадолго до этого кто-нибудь из односельчан (обязательно не родственник покойного) резал животное и уносил его к себе домой. Среди жертвенных животных часто встречается курица, хотя с этой целью могли использовать гуся или барана. По словам информаторов, это делалось для того, чтобы из дома «вышла кровь». В этой подгруппе, а также у курдакских татар в момент выноса тела близкий родственник покойного клал по углам табут такта четыре монеты (20—50 коп.), которые на кладбище забирались носильщиками.

У курдакских татар было принято выносить тело через дверь ногами вперед. Это делали четверо мужчин—родные или близкие покойного. При выносе тела в голове умершего должен был обязательно находиться старший член семьи покойного, а в ногах — младший. Иное расположение близких при выносе тела, по объяснению информаторов, считалось грехом. Среди саргатских татар было принято выносить покойного через дверь, головой вперед. В некоторых деревнях наряду с данным преобладающим типом выноса бытовала транспортировка тела ногами вперед (д. Ашеваны и Большая Тебеня). Утузские татары выносили умершего через дверь, головой вперед. Кроме родственников покойного, в выносе тела принимали участие мужчины—односельчане умершего. У курдакских татар, а также в отдельных аулах саргатских татар, где тело выносили ногами вперед, во дворе дома носилки с табут такта разворачивали и в дальнейшем несли покойного головой вперед.

Во время похорон у дома покойного собиралось большинство жителей аула. Основным способом доставки тела на кладбище был перенос его на руках. Покойного несли шесть мужчин, а иногда больше. Покойного несли на кладбище как родственники, так и односельчане. Состав несущих менялся через каждые 40 шагов. Состав и расположение похоронной процессии были следующими. Впереди несли тело, затем шли мужчины селения, включая родных и близких покойного, за ними следовали представители мусульманского духовенства или старики, выполнявшие функции мулл. В конце процессии находились женщины, которые шли на некотором удалении от основной группы провожающих. По традиции, женщины могли идти за процессией только до конца аула, затем они возвращались. Считалось, что женщины не должны подходить к кладбищу ближе 40 м. Исключение составляли старухи, которые могли посещать кладбище и участвовать в погребении.

В похоронах запрещалось принимать участие беременным женщинам. Им предписывалось всячески избегать даже случайной встречи с похоронной процессией, что, по верованиям курдакско-саргатских татар, могло привести к тяжелым родам. У курдакских татар всем жителям аула, независимо от пола, запрещалось переходить дорогу перед похоронной процессией.

Покойного полагалось нести медленно, «чтобы он мог попрощаться с домом». У утузских татар с этой целью носилки трижды опускали на некоторое время на землю. В этой подгруппе, а также у саргатских татар перенос умершего на кладбище сопровождался мусульманской обрядностью, которая заключалась в том, что носилки с покойным каждые 40 шагов клади на землю и мулла произносил короткие молитвы. Довольно редко, когда кладбище располагалось на значительном расстоянии от аула, покойного перевозили на телеге летом, а зимой на санях. Но в этом случае полагалось все же пронести тело на руках на 40 шагов от дома (саргатские татары) или до конца села (курдакские и утузские татары). У курдакских татар, кроме того, умершего проносили 40 шагов и перед кладбищем.

В то время, когда процессия двигалась на кладбище, в доме умершего проводились обряды очищения, которые начинались сразу же после выноса тела. Во всех подгруппах

курдакско-саргатских татар женщины совершали полную уборку. Особенно мыли пол, очень тщательно. Нередко в доме проводили побелку или мыли стены. Кроме того, стирали одежду покойного, которую затем вывешивали наизнанку во дворе, где она сушилась семь дней. У курдакских татар сразу после выноса умершего в печь закладывали дрова и разводили огонь. По представлениям населения, это делали для того, чтобы никто из родственников покойного не последовал за ним.

Кладбище («зиарат») курдакско-саргатских татар «...обычно располагается рядом с деревней (на расстоянии от 50 до 300 м) на возвышениях на высоком берегу реки или краю надпойменной террасы».¹⁴ Данная традиция прослеживается у населения таежного Прииртышья с X—XII вв.¹⁵

В прошлом в этой группе сибирских татар существовали, видимо, кладбища определенных генеалогических групп или даже родовое кладбище. Так, например, у жителей села Тюрметяки (Усть-Ишимский район Омской области) имеются два кладбища. На одном из них хоронили представителей Елышкак тугум¹⁶ (сиб. татарск. «елыш»—«подвигаться», в значении «уступить место у стола гостю»). На другом же хоронили своих родственников—Ильдаков тугум (вероятно, от «иль»—родина, люди, род и др.),¹⁷ Суер тугум («глухаринный род») и Иштяк тугум (в переводе информатора — «остятский народ»). Пережитком родовых захоронений является широко распространенное среди курдакско-саргатских татар до настоящего времени погребение покойного вблизи ранее умерших родственников. На это указывает и расположение могил на кладбищах данной группы сибирских татар.

На кладбище покойного заносили через ворота или в разобранный в ограде проход головой вперед и проносили до места погребения. Табут такта ставили на землю рядом с могилой. У утусских и курдакских татар после этого открывали лицо умершего, чтобы присутствующие еще раз могли с ним проститься. Перед погребением мулла читал молитву. У утусских татар это делали поочередно четыре муллы. В курдакской группе перед опусканием тела родственники покойного кладут четыре мелких монеты по углам могильной ямы. Информаторы не смогли объяснить смысл этого обычая.

Покойного вынимали из гроба и опускали в могилу на

белых полотенцах или отрезах белой ткани длиной 2—2,5 м. Обычно это делали три человека, родственники умершего. В могиле двое других принимали тело и укладывали его в нишу. У курдакских татар во время положения умершей женщины четверо участников похорон закрывали могильную яму покрывалом, т. к., по их поверьям, считалось, что «покойница ни в коем случае не должна видеть солнце». Саргатские татары укладывали труп в погребальную камеру головой на восток, курдакские татары ориентировали покойного по линии СЗ—ЮВ: головой на северо-запад, лицом на юго-запад. У утусских татар кладут головой в сторону киблы или «по солнцу».

В настоящее время с покойным вещей не кладут. В прошлом же около головы покойного оставляли три глиняных горшка с водой и пищей и кусок жареной баранины. У курдакских татар на грудь покойного кладут листок с мусульманской молитвой, зашитый в матерчатую сумочку («тумар»). Молитву могли вложить в руку умершего во время обряжения его в саван. Подобная сумочка («потой») зафиксирована у тарских татар.¹⁸ При погребении муллы под голову покойного кладут религиозную литературу.

После положения трупа в ляхат тесемки, которыми был перевязан саван, развязывались. Затем подбой перекрывался досками или жердями. Они устанавливались наклонно, концами в угол, противоположный подбою стенки. Поверх перекрытия саргатские и утусские татары настилали соломы, а курдакские татары—ветки тальника. У саргатских татар иногда подбой закрывали кирпичной кладкой.

После устройства перекрытия родственники покойного брали горсть земли и бросали в могильную яму. Затем так же поступали все участники похорон, после чего могила забрасывалась землей. У саргатских татар каждому участнику погребения полагалось бросить в могилу одну—две лопаты земли. Особо следили за тем, чтобы вся выбранная из могилы земля была сброшена обратно. Высота могильного холма составляла примерно 50 см. Курдакские татары могильный холмик обкладывали дерном. Во всех подгруппах курдакско-саргатских татар табут такта оставляли на кладбище возле места захоронения или в специально отведенном месте у входа на кладбище.

После погребения у утузских татар 4 муллы рассаживались по углам могилы и вновь поочередно совершали короткие молитвы. Присутствующие сидели или стояли вокруг них, причем рядом с могилой находились трое близких родственников покойного, а за ними более отдаленные. Затем кто-нибудь из родственников раздавал присутствующим на похоронах милостыню («садака») мелкими монетами. Мулле давали более крупную сумму (3—5 руб.). После этого все возвращались в аул.

У курдакских татар после погребения участники рассаживались вокруг могилы. Мулла произносил молитву, затем трижды громко, чтобы «мог слышать покойный», спрашивал: «Хороший это был человек?». Присутствующие также трижды отвечали: «Хороший». По другим сведениям, мулла только произносил молитву, а спрашивал присутствующих старший родственник покойного. Участникам похорон также раздавалась садака в честь умершего, и они возвращались в селение.

У саргатских татар возле захоронения оставался только мулла, который произносил по усопшему молитву и слушал, что происходит в это время в могиле. По поверьям саргатских татар, считалось, что если из могилы после погребения покойного будет доноситься шум, значит умерший был грешен и попадает в ад («тамух»), если же шума не будет слышно, то умерший будет пребывать в раю («учмак»). О результатах своих «наблюдений» мулла сообщал остальным участникам похорон, которые в это время находились в некотором удалении от могилы. Обычно они стояли на расстоянии 40 шагов или за оградой кладбища. После этого обряда все участники похорон возвращались в село.

При возвращении с кладбища оглядываться назад запрещалось. Женщинам, оставшимся во время похорон в юртах, полагалось встречать возвращавшихся с кладбища. В противном случае считалось, что «глаза болеть будут или ослепнут».

Данные о надгробных сооружениях курдакско-саргатских татар нами уже частично опубликованы,¹⁹ однако собраный по этой теме материал столь объемен, что его едва ли возможно поместить в настоящую статью. Кроме того, информация о семантике надгробных сооружений и особенно надгробных столбов требует дополнительной полевой работы.

Третий комплекс погребального ритуала курдакско-саргатских татар составляли поминальные обряды. Проведение поминок считалось обязательным в отношении всех категорий умерших. Правда, у утузских татар не полагалось проводить поминки по умершим грудным детям. Поминки проводились в строго установленные даты, которые соблюдаются всеми сибирскими татарами: на 3, 7, 40, 100-й день после смерти и в годовщину. Существенные расхождения имеются в отношении дня проведения первых поминок. Во всех подгруппах курдакско-саргатских татар поминки проходили в день похорон, сразу после возвращения его участников с кладбища. Вместе с тем, у саргатских и утузских татар отмечены случаи, когда участники похорон после погребения или расходились по своим домам, или шли в дом покойного, где получали лишь милостыню (мелкими монетами) от его близких. В этом варианте первые поминки проводились на третий день после смерти человека. У саргатских татар иногда первые поминки проводились на третий день, однако в день похорон в доме умершего все же собирались старики и старухи, которых угождали чаем с боурсаками и давали садака в честь умершего.

В поминках первого дня принимали участие все, кто помогал в похоронах. Женщины, сопровождавшие погребальную процессию до конца села, возвращались в дом покойного, совершая обряд очищения, а затем помогали готовить пищу. Часть угождений к этому времени уже была приготовлена у соседей. В день первых поминок полагалось обязательно резать барана или домашнюю птицу. Считалось, что нужно в этот день «пустить кровь», т. е. принести жертву в честь умершего родственника («курманлык»). Шкуру барана отдавали мулле в качестве платы. Обычно на поминки варили мясной суп («шурта») или лапшу. Кроме того, готовили боурсаки, мясные пирожки («сумса»), калачи и др. Специальное поминальное блюдо готовилось лишь у курдакских татар—«цальбан», представлявшее собой разновидность мучного блюда. Цальбан готовился для тех, кто мыл тело. В качестве напитка был чай. Употреблять спиртные напитки запрещалось. На поминках обязательно присутствовал мулла, который перед едой произносил молитвы. После поминок часть одежды умершего раздавалась мулле и тем, кто

помогал в похоронах. Всем присутствовавшим раздавались мелкие монеты.

Поминки, проводившиеся на 3, 7, 40, 100-й день и в годовщину, были аналогичными, с той лишь разницей, что на 7-й день приглашались те, кто мыл умершего, а на 40-й, 100-й день и в годовщину обычно собирались родственники и старики.

Наряду с уже отмеченной обрядностью у курдакских татар еженедельно по четвергам в течение года мулла читал молитвы по покойному, за что получал небольшую плату. У саргатских татар на 51-й день после смерти человека родственники покойного и мулла шли на его могилу. Здесь мулла читал молитву, «чтобы кожа от костей быстрее отделилась».

После поминок в годовщину смерти они проводились ежегодно «после ледохода». Годовые поминки назывались у саргатских и курдакских татар «цым». В этот день было принято ходить на кладбище и подправлять срубы или оградки. В доме готовились боурсаки и другие мучные блюда. У утузских татар через десять лет после смерти родственников близкие умершего, обычно старики, ходили на кладбище. Здесь они подправляли сруб или оградку, затем возвращались домой, где пили чай и поминали умершего добрыми словами. Следует отметить, что информация о обычаях подправлять надмогильные сооружения противоречат массовым свидетельствам о широко бытовавшем запрете ремонтировать срубы или даже прикасаться к ним. Днями поминовения умерших (прежде всего предков) считались четверг и пятница. В эти дни, по поверьям курдакско-саргатских татар, в дома к живущим родственникам приходили души умерших. В эти дни полагалось жарить боурсаки, т. к. считалось, что души умерших нуждаются в пище. Мулле, а также одиноким старикам и старухам в этот день давали садака, чтобы они читали молитвы и поминали умершего.

Таким образом, погребальный ритуал курдакско-саргатских татар, который нам известен на основе полевых материалов, собранных в 70—80-е годы XX в., представляется не только как сложное напластование разновременных и разноэтнических компонентов, но и как переплетение черт, связанных с мусульманской религией и домусульманскими традициями. Следует подчеркнуть, что, подчиняясь основным требованиям

ислама, погребальный ритуал курдакско-саргатских татар содержит немало архаических черт, восходящих к традициям дотюркского населения таежного Прииртышья и элементам древнетюркского времени. В основе ряда обрядов в исламских по форме лежат доисламские представления.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Валеев Ф. Т. О религиозных представлениях западносибирских татар // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976; Томилов Н. А. У татар Томской и Новосибирской областей // Полевые работы 1969 г. (Из истории Сибири). Томск, 1969. Вып. 2; Томилов Н. А. Новые материалы к этногенезу и этнокультурной истории сибирских татар // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978.

² Томилов Н. А. Сибирские татары // Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980.

³ Томилов Н. А. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. Этническая история, быт и духовная культура. Томск, 1983. С. 101—127.

⁴ Курдакско-саргатские (төвризские) татары проживают по Иртышу и по его притокам в северных районах Омской области. В их составе по ряду этнокультурных признаков выделяются курдакские и утузские татары. См.; Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины. Томск, 1981. С. 113—135.

⁵ Богомолов В. Б., Томилов Н. А. Надмогильные сооружения төвризских татар // Археология Прииртышья. Томск, 1980 С. 153—160.

⁶ В статье использованы материалы этнографических экспедиций и практик Омского государственного университета 1976, 1978, 1984 и 1985 гг., Тобольского государственного пединститута им. Д. И. Менделеева 1981, 1982, 1986 гг., этнографо-искусствоведческой практики Омского технологического института 1986 г. Все собранные материалы хранятся в музее археологии и этнографии Омского государственного университета, в Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике и Музее костюма и декоративно-прикладного искусства Омского технологического института.

⁷ Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975. С. 4.

⁸ Томилов Н. А. Очерки этнографии.. С. 101.

⁹ Христолюбова Л. С. Погребальный ритуал удмуртов || Этнокультурные процессы в Удмуртии. Ижевск, 1978. С. 73; Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Л., 1985. С. 52—53, 59.

¹⁰ Валеев Ф. Т. Западносибирские татары во второй половине XIX—начале XX вв.: Историко-этнографические очерки. Казань, 1980. С. 201.

¹¹ В настоящее время функции мулл в сибирско-татарских селах выполняют немногие из старииков и старух, умеющих читать почарабски и знающих молитвы.

¹² Томилов Н. А. Сибирские татары.. С. 119.

¹³ Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте Омской области || Археология Прииртышья. Томск, 1980. С. 113.

¹⁴ Богомолов В. Б., Томилов Н. А. Надмогильные сооружения.. С. 153.

¹⁵ Коников Б. А. Усть-Ишимские курганы и некоторые вопросы раннесредневековой истории Таежного Прииртышья || Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984. С. 88, 97.

¹⁶ Тугум — это группа родственных семей в основном патронимического характера. По мнению Н. А. Томилова, часть тугумов, вероятно, относится к родоплеменной номенклатуре. См.: Томилов Н. А. Новые материалы... С. 90—91.

¹⁷ Севорян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974. С. 339—343.

¹⁸ Белич И. В., Новикова Н. Н., Томилов Н. А. Предметы религиозного культа в коллекциях музея Омского университета || Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск., С. 195. Табл. 1, 3.

¹⁹ Богомолов В. Б., Томилов Н. А. Надмогильные сооружения.. С. 154—159.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

КСИИМК — краткие сообщения института материальной культуры.

КСИА — краткие сообщения института археологии.

МИА — материалы и исследования по археологии.

СА — советская археология.

СЭ — советская этнография.

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

<p>МОЛОДИН В. И., ГЛУШКОВА Т. Н., ГЛУШКОВ И. Г. (Новосибирск, Тобольск). Эксперимент в изучении текстильной керамики</p> <p>БОРОДОВСКИЙ А. П., ГЛУШКОВ И. Г. (Новосибирск, Тобольск). Экспериментальное исследование погребальной обрядности</p> <p>СЕМЫКИН Ю. А. (Ульяновск). Опыт физического моделирования кузнецкого технологического процесса на примере изготовления пружинного замка</p> <p>СЛАДКОВА Л. Н. (Тобольск). Модель культурной стратиграфии поселения Талья (поздний бронзовый век)</p> <p>ЖУЩИХОВСКАЯ И. С. (Владивосток). Методы микроскопии в изучении состава керамики первобытных культур юга Дальнего Востока</p> <p>ГЛУШКОВ И. Г. (Тобольск). О классификационной значимости орнаментальных признаков.</p> <p>САЙКО Э. В. (Москва). Стереорентгенограмметрический анализ в решении проблем освоения гончарного круга раннеземледельческими племенами</p> <p>АДАМОВА Н. Ю. (Тобольск). Моделирование некоторых сторон гончарной традиции (на материалах таежных памятников развитой бронзы).</p> <p>БОРОДОВСКИЙ А. П. (Новосибирск). Адаптация и заимствования в использовании посуды (о дорожной керамике в лесных условиях)</p> <p>МЫЛЬНИКОВА Л. Н. (Новосибирск). О двух гончарных традициях в неолитической керамике нижнего Амура</p> <p>СОКОЛКОВ А. В. (Тобольск). К истории древней культуры Ямала</p> <p>СОБОЛЕВ В. И. (Новосибирск). Источники по истории поселения лесостепной полосы Западной Сибири (возможные направления исторической реконструкции)</p> <p>ЛЕЗОВА С. В. (Тобольск). Жилище северных селькупов</p> <p>ГАФУРОВА З. А. (Тобольск). Типы хозяйства сибирских татар нижнего Прииртышья.</p> <p>ПЕРЕВАЛОВА Е. В. (Тобольск). Брачно-родственные отношения северных хантов</p> <p>МАРТЫНОВА Е. П. (Свердловск). Волостная организация хантов</p> <p>ГОЛОВНЕВ А. В. (Свердловск). Ненецкая легенда о глупом хозяине земли</p> <p>БЕЛИЧ И. В., БОГОМОЛОВ В. Б. (Тобольск, Омск). Погребальный ритуал курдакско-саргатских татар</p>	<p>5</p> <p>15</p> <p>23</p> <p>29</p> <p>34</p> <p>49</p> <p>56</p> <p>67</p> <p>73</p> <p>78</p> <p>82</p> <p>90</p> <p>101</p> <p>108</p> <p>118</p> <p>128</p> <p>140</p> <p>158</p>
--	--

Составлено из материалов научной конференции
«Археология языковых групп на Урале»

ИЗДАНИЕ ИМЕЮЩЕГО
СТАТУСА УЧЕБНОЙ ПОДГРУППЫ
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Известия лаборатории экспериментальной археологии
Тобольского педагогического института
под редакцией к. и. н. И. Г. Глушкова

Темплан 1991 г. поз.

Редактор В. Я. Тихонова

Сдано в набор 20.09.91 г. Подписано к печати 18.10.91 г. Формат
бумаги 60×84/16. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Уч. изд. л. 10. Тираж 400 экз. Заказ 6330. Цена 6 руб.

Пединститут, г. Тобольск, Знаменского, 58
Типография, г. Тобольск, Красная площадь, 4